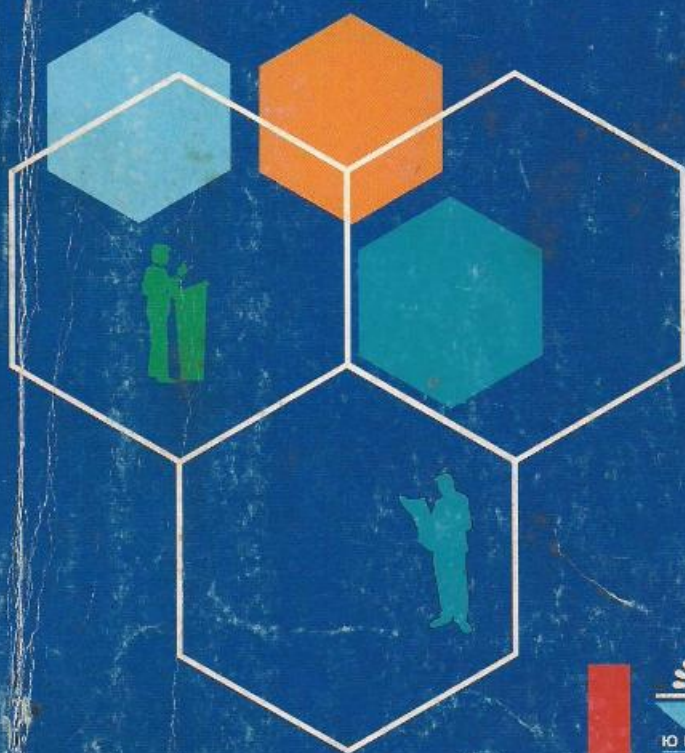

А. С. Гречин

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

А.С. Гречин

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

*Рекомендовано Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве учебного
пособия для студентов высших учебных заведений*

Москва • 2001

УДК 316:340.114.5
ББК 60.56
Г81

Рецензент:
д-р филос. наук, проф. В.А. Мансуров

Главный редактор издательства Н.Д. Эриашвили

Гречин А.С.

Г81 Социология правового сознания: Учеб. пособие для вузов — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 256 с. ISBN 5-238-00126-6.

Рассмотрено правовое сознание как отражение социально-правовой действительности, показано формирование правового сознания в обществе и в трудовом коллективе. Описана техника и процедуры эмпирического изучения правового сознания, его содержания и уровень развития на основе «тестов незаконченных предложений», «проективных ситуаций», — методов, позволяющих выявить структуру правового сознания общества.

Для студентов преподавателей, специалистов, изучающих проблемы социологии.

ББК 60.56

ISBN 5-2386-00126-6 © Гречин А.С., 2001
© ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2001.
Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издательства

Учебное пособие

Гречин Александр Степанович

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Корректор В.Г. Коржилова
Оригинал-макет М.А. Бакаян
Художник А.В. Лебедев

Лицензия серия ИД № 03562 от 19.12.2000 г. Подписано в печать 05.02.2001. Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 5 000 экз. Заказ 509

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА»

Генеральный директор В.Н. Закаидзе

123298, Москва, ул. Ирины Левченко, 1–9. Тел. (095) 194-00-15
Тел/факс (095) 194-00-14. E-mail: unity@tech.ru www.unity-dana.ru

Отпечатано в ГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВВЕДЕНИЕ

Социология как наука функционирует и развивается на трех уровнях. *Первый*, высший уровень социологического знания — это общесоциологическая теория, или теоретическая социология. Общесоциологическая теория есть не что иное, как система теоретически обоснованных концепций, объясняющих социальную деятельность, выявляющих и устанавливающих тенденции функционирования и развития общества как целостной системы. Теоретическая социология (общесоциологическая теория) ставит своей целью проникнуть в суть глобальных общественных процессов, в суть глобальных изменений, происходящих в обществе на том или ином этапе его исторического развития, содержит в себе различные подходы к пониманию общества как целостной системы, функционирующей и развивающейся под воздействием социологических законов (закономерностей).

Второй уровень социологического знания — это специальные социологические теории. Их еще называют частными социологическими теориями, или социологическими теориями среднего уровня.

Каждая социологическая теория является самостоятельной научной (и учебной) дисциплиной, ставящей перед собой решение теоретических задач и целей, но менее масштабного уровня. Если общесоциологическая теория рассматривает тот или иной социальный институт всего лишь как элемент социальной системы, то специальная социологическая теория — как самостоятельную сущность. Специальные социологические теории имеют свой, отличный от общесоциологических теорий, предмет исследования.

Предметом научного исследования специальных социологических теорий могут быть:

1) различные типы социальных общностей, каждый из которых имеет свой специфический «срез» системы общественных отношений — это семья, молодежь, организация, город — деревня;

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ СО- ЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

2) определенные виды человеческой деятельности — труд, досуг, спорт, а также поведение человека в сфере социальной патологии (отклоняющееся поведение, преступность и т.д.);

3) и, наконец, определенная, сформированная сфера общественной жизни — политика, наука, культура, образование, духовная жизнь (мораль, сознание) и т.д.

Третий уровень социологического знания — это прикладная, или эмпирическая социология.

Настоящее учебное пособие посвящено правовому сознанию как специальной социологической теории. Данный спецкурс охватывает ряд проблем, связанных с прояснением сущности правового сознания как социального явления, выявлением закономерностей его формирования, целей, задач и ожиданий российского общества в сфере развития правового сознания, с выяснением методологических и методических проблем определения содержания и оценки уровня его развития. Значительное место в спецкурсе отведено описанию техники и процедур эмпирического изучения правового сознания: впервые в эмпирическом исследовании правового сознания применены такие методы его изучения, как «тесты незаконченных предложений», применение «прожективных ситуаций», что позволило выявить типологические особенности (структуру) правового сознания, функционирующего в обществе.

Представляется, что усвоение слушателями данного спецкурса (студенты, аспиранты) будет способствовать расширению и углублению их социологических знаний.

Исследователь, приступая к изучению социальной действительности, как правило, имеет дело не с каким-то явлением «в себе», а с эмпирической реальностью, структурно оформленной в системе понятий. Понятие — не что иное, как мыслимое, научно обоснованное содержание предмета исследования. Само собой разумеется, что понятие и реальность не могут быть в полной мере тождественными, тем не менее исследователь определяет свой предмет исследования не произвольно, а в соответствии с установленным в науке понятием о нем. Для того чтобы сделать задачи эмпирического исследования доступными проверке, необходимо определить прежде всего содержание понятия. Это общее требование. Научное понятие является основой как для построения теории предмета, так и для его эмпирического изучения.

В исследовании теоретических проблем правового сознания российская наука продвинулась далеко вперед, а между тем в науке до сих пор отсутствует единое понимание этого феномена. Многие философы не отграничивают правовое сознание от такого явления общественной жизни, как право, считая последнее одной из форм общественного сознания. Другие не усматривают по сути дела различия, существующие между философией, с одной стороны, и правовым сознанием как формой общественного сознания — с другой. Представители юридической науки также не имеют единого мнения по данному вопросу. Одни понимают под правовым сознанием часть идей нравственных, другие полагают, что оно является отражением как правовой, так и политической практики, третьи же в дан-

ном вопросе не всегда занимают последовательную позицию: в одном месте они утверждают, что правовое сознание как осознание общественной действительности непосредственно входит в состав политических взглядов, а несколько ниже пишут, что общественное моральное сознание включает в себя и правовые взгляды, т.е. растворяют правовое сознание в системе нравственного сознания.

Таким образом, сложилось довольно устойчивое различение понятия правового сознания. Это обстоятельство, естественно, не может способствовать его социологическому изучению, поскольку исследователь в таких случаях поставлен в весьма затруднительное положение в решении вопросов, связанных с определением эмпирического эквивалента предмета исследования. Разработка адекватной стратегии изучения правового сознания, как и любого другого явления, требует определения точного понятия предмета исследования.

1.1. ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

Правовое сознание — сложное духовное образование. Раскрыть его содержание можно лишь путем применения основных положений теории отражения. Наше сознание есть лишь образ внешнего мира, и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого. В приложении к правовой форме общественного сознания трудность как раз и состоит в том, чтобы правильно определить это отображаемое, правильно представить предмет правового сознания.

Изучение общественного сознания опирается на положение о первичности общественного бытия и вторичности сознания. Идет ли речь о возникновении и развитии различных форм общественного сознания, о взаимодействии этих форм или о структурном анализе и социальных функциях общественного сознания, исследователи подчер-

кивают отражательный характер общественного сознания. Для изучения специфики правового сознания необходимо дальнейшее исследование самого понятия общественного бытия, отдельных его сторон, отражающихся в правовом сознании, ибо анализ его соотношения только со способом производства, с производственными отношениями недостаточен для выяснения содержания предмета правового сознания.

Способ производства независим, первичен. Он выступает основой, базисом не только по отношению к правовому, но и буквально по отношению ко всем другим формам общественного сознания. Характеристика связи правового сознания только с экономическим базисом недостаточна для выявления предмета правового сознания. Необходимо в самом общественном бытии отыскать ту его сторону, отражение которой делает эту часть общественного сознания специфической формой. В этом плане весьма плодотворной оказывается высказанная в литературе мысль о том, что общественное бытие охватывает собой не только способ производства материальных благ, но и разностороннюю общественную практику и что область материального в обществе гораздо шире нашего традиционного представления о нем. Понимание общественного бытия в широком смысле как раз и дает возможность из многообразной действительности вычленить ту ее часть, которая выступает как непосредственный объект отражения, как предмет общественного сознания в его правовой форме. Правовое сознание как копия с реально существующей объективной действительности может быть понято лишь при соотношении с правовой стороной этой действительности.

Однако это не означает, что содержание правовой формы общественного сознания полностью раскрывается без выявления ее связи с экономическими отношениями, со способом производства. Сам предмет правового сознания, его направленность в конечном счете обусловлены этим способом производства как первоосновой всей общественной жизни. И тем не менее сама эта первооснова не отражается непосредственно в правовом сознании.

Когда К. Маркс раскрывал соотношение экономического, или, как он говорил, реального, базиса и общественного сознания, он не выражал это соотношение через понятие «отражение», а писал, что экономический базис «обуславливает», «определяет» общественное сознание, а последнее, в свою очередь, «соответствует базису, зависит от него». В то же время он рассматривал сознание как процесс непосредственного отражения окружающей действительности. Сознание, по его мнению, есть вначале «осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды...», или сознание есть «осознание существующей практики».

Такой «средой» при формировании правового сознания является правовая жизнь общества, такой «практикой» выступает социально-правовая практика общества.

Правовое сознание, таким образом, представляет собой определенное духовное состояние общества, которое возникает в результате двойного влияния: с одной стороны, как и любое другое духовное явление общественной жизни, — под влиянием соответствующего экономического строя, а с другой — под непосредственным воздействием правовых явлений, в свою очередь возникающих на базе экономических отношений. Право здесь выступает как опосредствующее звено, передающее влияние экономической первоосновы общества на развитие правового сознания. Правовое же сознание на всех его уровнях выступает перед нами как совокупность непосредственных и опосредованных форм отражения реальной правовой действительности.

В качестве объекта отражения, непосредственного содержания правовой формы общественного сознания выступает право, правовые нормы, но нормы не в понимании нормативистской школы, рассматривающей их вне зависимости от социальных связей и общественных отношений, а нормы права, вытекающие и всецело обусловленные этими связями и отношениями, наполненные глубоким социальным смыслом и содержанием. В процессе возникновения и формирования правового сознания освоение правовой действительности происходит не путем ухода в якобы замкнутый мир, а посредством адекватного

соотнесения с объективным внешним миром. В данном случае таким миром является государство и право. Осознать правовые явления в обществе — значит не просто испытать связанные с этим процессом переживания, чувства, а соотнести их с причиной, с непосредственным объектом, в качестве которого выступает непременно государство и право. Объектом непосредственного отражения в правовом сознании являются государственно-правовые отношения. Эти отношения проходят через сознание и волю людей, однако от этого они не теряют качества объективной реальности. Эти отношения — вторичные, надстроечные, но они — объективны.

Когда К. Маркс говорил о сознании как духовном освоении действительности, он понимал действительность в широком плане — как природную, так и общественную. Правовое сознание является составной частью общественного сознания; оно выступает как совокупность взглядов, представлений, настроений, теорий и идей, отражающих не всю, а лишь общественную действительность, да и то не в полном ее объеме, а лишь ту сторону общественной действительности, которая охватывается государственно-правовыми связями и отношениями. Последние составляют существенную сторону бытия людей, выступают как «реальный процесс их жизни». Правовое сознание понимается как часть идеологии, индивидуальной и общественной психологии, в которых содержится оценочное отношение людей не только к действующему праву (хотя это отношение и главное), но и к прошлым правовым системам, их взгляды на правовое развитие в будущем.

Таким образом, правовое сознание не есть отражение политической практики и не часть идей нравственных, как утверждают некоторые авторы.

Содержанием правового сознания всегда выступает право и правовые явления в обществе. Оно (правовое сознание) всегда возникает только по поводу права и в связи с правом. Правовое сознание прежде всего связано с законодательством, позитивным правом. У отдельных индивидов, различных социальных слоев населения складывается положительная или отрицательная оценка действующего

щих в обществе норм права, положительное или отрицательное отношение к ним. Но так или иначе правовое сознание обязательно связано с правом. Вне права нет правового сознания.

Между правовым сознанием и экономической основой общества стоит право как промежуточная, надстроечная категория. Над экономической структурой общества возвышается юридическая надстройка и соответствующая ей форма общественного сознания. Ее присутствие делает правовую форму общественного сознания специфической, и именно это, а не что-либо другое.

Некоторые авторы специфику правового сознания усматривают в том, что сознание вызывается к жизни социальной потребностью в особом рода социальной регламентации, а это, по их мнению, дает возможность выделить правовое сознание как специфическую форму общественного сознания. Но общество испытывает потребность и в нравственной регламентации отношений между людьми, которая также является социальной регламентацией. По этой логике следовало бы считать и нравственное сознание специфической формой сознания.

Научное объяснение возникновения правового сознания связано с выяснением генезиса этого явления. В каждом генетическом процессе, как известно, взаимосвязь между элементами самого генетического процесса характеризуется многозначностью: результат развития явления или предмета складывается под воздействием многих переменных. В силу этого процесс возникновения правового сознания не может быть воспроизведен и охарактеризован посредством простого установления однозначной причинной зависимости.

Любое социальное явление, функционирующее в обществе в своем наличном бытии, содержит в себе историю своего возникновения и развития. Трудность проникновения в механизм его появления состоит в том, чтобы определить исходный момент его формирования. Если развитие явления еще не начиналось, то, самой собой разумеется, оно стоит вне своего начала. Если же оно (развитие) уже началось, то само явление оказывается втянутым

в процесс развития, и само явление в данном случае уже не является первоначальным.

Начало формирования правового сознания следует отнести к тому периоду истории, когда произошло общественное разделение труда, приведшее к возможности накопления богатства и присвоения результатов труда определенной частью общества, а также отделение труда от собственности (общественного богатства), а сам процесс присвоения результатов труда был опосредован постепенно формирующимися юридическими мотивами и развивающейся на их основе системой правового регулирования.

Представляется, что отстаиваемый некоторыми авторами тезис о непосредственном отражении в правовом сознании экономического строя может быть признан адекватным по отношению именно к этому периоду общественного развития. На более поздних этапах правовое сознание самоопределялось (как особая форма общественного сознания) и получало свои развернутые характеристики уже под непосредственным воздействием утвердившейся в обществе той или иной системы права. И если бы мы попытались определить природу правового сознания, его предмет в период, когда в обществе уже функционирует определенная система права, то при этом следовало иметь в виду, что сам процесс возникновения правового сознания относится не к изначальному моменту его возникновения и развития, а начинается как бы «с конца», т.е. когда на первый план выступают не столько генетические (причинно-следственные), сколько вероятностные связи между правовым сознанием и факторами, обуславливающими его появление. Рассматривая обусловленность и формирование общественного правосознания с точки зрения развивающегося и в определенной степени уже «ставшего» явления, мы можем определить лишь непосредственные факторы, обуславливающие то или иное направление в развитии его содержания, но мы не сможем вскрыть все глубинные пласты, лежащие в основе его возникновения, все то, что в завершенном виде оказалось уже исторически снятым.

Правовое сознание, хотя непосредственно и связано с правом и имеет его в качестве предмета своего содержа-

ния, тем не менее в своем развитии и функционировании выступает как относительно самостоятельное явление общественной жизни. Отображенное здесь не всегда совпадает с отображаемым.

Не вполне обоснованными представляются нам и стремления отдельных авторов представить исследуемый здесь феномен как некий симбиоз, когда в одних случаях данный феномен рассматривают как морально-политическое отношение, а в других — считают возможным и справедливым говорить о нем как о едином политико-правовом сознании исходя из того, что политические и основные правовые отношения входят в общую сферу идеологических отношений общества.

Конечно, сознание общества, в отличие от материальных систем, не имеет дискретных частей. Правовая, как и другие формы общественного сознания (нравственное, политическое и т.д.), составляют собой единую структуру духовной жизни, общую сферу идеологических отношений в социально неоднородном обществе. И это обстоятельство, безусловно, мы должны учитывать при исследовании правового сознания как социального явления. Но целостный подход к пониманию сознания не означает его аморфности. В структуре сознания имеются определенные элементы, различающиеся по своему содержанию в зависимости от отображаемой стороны социальной действительности.

Это положение в равной мере относится как к общественным формам сознания, так и к сознанию, функционирующему и развивающемуся на индивидуальном уровне. В определении структуры личности главное, например, состоит не столько в выделении различных по своему содержанию ее элементов, сколько в характеристике взаимосвязей этих элементов. Мы тем не менее должны констатировать, что (на уровне как индивидуального, так и общественного) правовое сознание как структурный элемент сознания играет существенную и самостоятельную роль в определении поведения и деятельности человека в целом. На современном этапе развития российского общества подавляющая часть отношений между людьми ре-

гулируется правовыми нормами, предопределяющими их поведение. Поэтому среди многочисленных форм и средств воздействия на сознание людей соответствующие государственные структуры и общественные организации используют правовые формы и методы. Формирующееся при этом правовое сознание занимает значительный удельный вес в структуре сознания индивида, да и общества в целом.

Правое сознание, будучи теснейшим образом связано с такими формами общественного сознания, как политика, философия, мораль, искусство и т.д., развивается вместе с ними, активно воздействует на них, и, в свою очередь, испытывает обратное воздействие со стороны этих форм общественного сознания. Развиваясь вместе с другими формами общественного сознания по общим для них законам, правовое сознание тем не менее, в отличие от некоторых других форм общественного сознания (например, нравственного), имеет исторически преходящий характер: правовое сознание появилось (по сравнению с другими формами общественного сознания) на более поздней стадии развития человеческого общества. Но в современных условиях все формы общественного сознания (политическое, нравственное, правовое и т.д.), органически дополняя друг друга, взаимодействуют между собой. Однако каждая из этих форм, выполняя только ей присущие функции, четко сохраняет свои параметры, собственное содержание и природу. Поэтому нет у нас никаких оснований рассматривать правовое сознание как явление, лишенное собственных границ.

Исследование правового сознания с позиции определения содержания данного феномена (т.е. с точки зрения характеристики его предмета) обусловило необходимость сосредоточить наше внимание на описании его отражательных свойств и качеств. Было бы, однако, неправомерным не видеть в нем активного начала. Правовое сознание, как и любой другой вид и форма общественного сознания (на всех уровнях его проявления), обладает активной, творчески преобразующей силой. Правовое сознание активно по своей природе уже хотя бы потому, что социально-правовую действительность оно отражает всегда из-

бирательно. Самоуправляемой системе (общественного индивида мы всегда с полным основанием можем отнести к такой системе) необходимы не любые сведения об окружающей среде, а только такие, которые имеют значение для процессов ее функционирования.

Эта сторона в проявлении активного начала в правовом сознании имеет существенное значение для объяснения процесса его формирования, о котором речь будет идти ниже. Здесь же необходимо подчеркнуть другой важный для нас социальный аспект проявления активности правового сознания, при котором последняя (т.е. активность) реализуется в практической деятельности людей, когда оно начинает непосредственно определять и направлять действия и поступки каждого из нас и выступает как реальная сила, оказывающая существенное воздействие на развитие всего исторического процесса. Правосознание наиболее жестко связано с функционирующей в обществе системой общественных отношений. Будучи продуктом общественного развития, оно, с одной стороны, фиксирует и отражает в специфической форме эти общественные отношения, а с другой — через общественную практику интенсивно воздействует на порождающие его связи и отношения, активно преобразуя их в соответствии с целями и задачами общественного развития.

Правовое сознание (это очевидно даже при ближайшем рассмотрении) содержит в себе как психологические, так и мировоззренческие (идеологические) структуры; роль и значение каждой из них как в развитии самого правового сознания, так и в воздействии на поведение людей, на преобразование социальной действительности определяется конкретными историческими условиями, зависит от типа личности и ее роли в общественном развитии.

Современный этап развития и функционирования российского общества характеризуется возрастанием значения субъективного фактора в решении задач, стоящих перед ним. Современный человек (какое бы положение и социальный статус он ни занимал) включается в систему общественной деятельности как самостоятельный и правомочный субъект этой деятельности, оказывающий существен-

ное влияние на ее развитие. В этих условиях возникает острая необходимость в структурной перестройке правового сознания с тем, чтобы его мировоззренческие компоненты могли полностью определять действия и поступки людей в сфере социально-правовых отношений. В настоящее время крайне необходимо формирование у каждого человека особого чувства ответственности не только за свои действия и поступки, но и ответственности за все и за всех, за состояние дел в обществе и государстве, без чего в современных условиях невозможно нормальное функционирование российского демократического общества.

Глубокое осознание правовых норм и общего смысла правовой жизни общества дает возможность правильно направлять его деятельность с учетом задач, стоящих перед ним. Сознание индивида характеризуется способностью отдавать себе отчет в своих поступках и действиях, в своем отношении к служебному и общественному долгу и, в зависимости от этого, определять свое поведение. Человек организует свое поведение благодаря воздействию права и формирующемуся в результате этого правовому сознанию.

Здесь мы как раз и подходим к вопросу о сущности воздействия права на сознание людей, о регулирующей роли правового сознания в их поведении. Механизм правового регулирования довольно сложный. Право, как известно, обусловлено экономическими отношениями, складывающимися в обществе. Экономический строй определяет общественное и в первую очередь политическое и правовое сознание, поскольку оно непосредственно отражает материальные условия жизни людей, их потребности и интересы. Право, его конкретные нормы, выражая волю государства, имеют своей целью воздействовать в определенном направлении на поведение людей с целью достижения тех или иных результатов общественного развития. Люди не могут существовать, не могут производить, не объединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Поэтому отношения между ними, складывающиеся в этом процессе, имеют объективный характер и не всегда зависят от их сознания.

Однако это известное положение теории о независимости производственных, экономических отношений от воли людей вовсе нельзя понимать в абсолютном смысле, т.е. будто люди, участвующие в производственных отношениях, действуют, не проявляя своей воли, и не в состоянии понять сложившиеся экономические отношения. Напротив, одной из важнейших особенностей развития общества является то, что люди, обладающие сознанием, волей, могут понять законы общественного развития и направить свою деятельность на изменение материальных условий существования. Люди как участники процесса производства и обмена продуктами своей деятельности сознательно ставят перед собой определенные конкретные цели, направленные на удовлетворение своих нужд и интересов.

Право, будучи порожденным объективной стороной общественного производства, оказывает эффективное воздействие на субъективную сторону его, на поведение участников производственных отношений. Воздействие правовых норм на поведение людей, как известно, не безгранично. Оно обусловлено, прежде всего, рамками действия объективных социально-экономических законов, пределами объективно возможных вариантов поведения, поступков людей в определенных общественных условиях. Закон не может требовать от человека невозможного в определенной ситуации проведения, так же как он не в состоянии регламентировать некоторые виды отношений между людьми.

В реальной действительности поведение людей подвержено воздействию не только правовых, но и других социальных норм. Особо тесная взаимосвязь в современном обществе существует между нормами права, морали и политики, которые, органически переплетаясь между собой, оказывают положительное воздействие на поведение людей.

Однако это взаимосогласованное воздействие норм права, морали и политики на поведение людей вовсе не исключает необходимости изучения специфики правового воздействия на общественные отношения, поскольку право является важным самостоятельным инструментом регулирования общественных отношений.

Воздействие права на поведение людей, с одной стороны, состоит в том, что оно посредством требований, содержащихся в нормах права, вызывает к жизни определенное их поведение, т.е. такое, какое необходимо для укрепления общественного порядка, установленного в государстве, с другой — создает возможность отдельным лицам и организациям требовать соответствующего поведения от других.

В механизме регулирования поведения людей не последнюю роль играет и такое явление общественной жизни, как правовое сознание. Правовые нормы, как известно, выражают господствующие в обществе взгляды на то или иное явление общественной жизни. Сознание индивида формируется, развивается под воздействием общественного бытия и общественного сознания, и тем не менее под влиянием непосредственно окружающей его среды, воспитания, психического склада личности у него могут сложиться свои представления о тех общественных отношениях, которые выражены в правовой норме, свое отношение к этой норме права. Вот это «свое» понимание, осознание правовой нормы и выступает как непосредственная побудительная сила к совершению тех или иных действий, предопределяет его поведение в обществе, отношения с другими людьми. Поэтому при изучении механизма правового регулирования общественных отношений не следует ограничивать его лишь воздействием правовых норм на поведение людей (это означало бы абсолютизацию значения права в общественной жизни людей): необходимо учитывать и осознание индивидом этих норм, т.е. его правовое сознание. Нормы права в целом воздействуют не на поведение людей, а на их сознание и уже через него регулируют их поведение. Все, что побуждает человека к деятельности, в обязательном порядке преломляется через его сознание, воздействует на его волю.

Взгляды о праве, о правовых явлениях, отражающиеся в сознании людей, гораздо богаче, шире, объемнее и разностороннее тех взглядов, которые получили официальное признание со стороны общества и государства и уже нашли свое отражение в принятой им правовой норме.

Эти взгляды, раз возникнув, развиваются в связи с существующими представлениями о праве и его нормах. Подвергаясь дальнейшей переработке, они обладают независимым развитием и подчиняются только присущим им законам. Следовательно, хотя правовое сознание и обусловлено объективными общественными отношениями и отражающими их правовыми нормами, но в своем развитии оно обладает определенной самостоятельностью — отсюда и его специфическая роль в регулировании поведения людей.

Норма права обычно находится в соответствии с регулируемыми общественными отношениями. Индивидуальное правовое сознание может быть обусловлено этой правовой нормой, но, обладая определенной самостоятельностью, может и не совпадать с теми общими взглядами на характер общественных отношений, выраженных в правовой норме. Специфической особенностью правового сознания является как раз то, что оно содержит в себе побудительный мотив, регулирующий целенаправленную деятельность человека.

Правовое сознание, в отличие от других форм общественного сознания, обладает специфическим признаком — имеет нормативный характер, определяющий поведение людей. Правда, признак нормативности присущ и другой форме общественного сознания — моральному сознанию. Но в правовом сознании этот признак проявляется ярче, отчетливее, более категорично заявляет о своем существовании. Моральное сознание отражает общие принципы поведения индивида, зафиксированные государством в виде прав и обязанностей. Правовое сознание как бы вращается вокруг них, охватывая не только эти права и обязанности, но и последствия их невыполнения. Поэтому правосознание сообщает воле индивида, его поведению более категоричные требования.

Процесс воздействия права на поведение людей весьма сложный, но несомненно одно: в процессе регулирования поведения людей правовое сознание выполняет как бы роль механизма срабатывания правового предписания в сознании человека и проявления его в поступках, действиях.

Однако отдавая должное значение правовому сознанию в регулировании поведения людей, не следует впадать в другую крайность — отводить ему главную, определяющую роль в этом процессе: придание правовому сознанию признаков безусловной нормативности может привести к такому поведению индивида, когда он будет поступать так, как он осознал, понимает ту или иную норму права («поступаю так, как я хочу, как считаю правильным»), а это объективно может привести к оправданию различного рода правовых нарушений. Правовое сознание — это не простая сумма знаний о законе и законности, существовавших и в настоящее время существующих правовых взглядах и идеях; оно не простой слепок с них в сознании человека, а переработка их; это синтезированное восприятие этого сложного комплекса, составляющее существенную черту психологии человека, его характера. Только в таком понимании правовое сознание может воздействовать на поведение людей, играть известную роль регулятора этого поведения.

Когда мы анализируем правовое сознание в гносеологическом аспекте и говорим об отражении функционирующей правовой системы в сознании людей, мы должны выделять по крайней мере две особенности возникающего при этом правового сознания:

1) оно является результатом отражательной деятельности сознания;

2) сам процесс отражения обуславливается местом, занимаемым людьми в системе общественного производства: различия в социальном положении людей, как правило, определяют их взгляды на право, влияют на оценку правовой системы в целом и отдельных ее звеньев.

В связи с этим необходимо различать социально-структурные и иные линии в содержании правового сознания. Став на позицию отрицания, размывания структурных линий в правосознании, мы погрешили бы против истины: в современном российском обществе сформировались существенные различия между социальными слоями, что, естественно, определяет содержание и направленность их правового сознания.

Правовое сознание на обыденном уровне представляет собой не простую механическую сумму правовых чувств, эмоций и настроений, а синтезированное целостное образование, которое, однако, не лишено своих количественных и качественных параметров. Поэтому при определении структурных линий на этом уровне правового сознания мы должны вычлени из него те элементы и образования, которые воздействуют на поведение людей в направлении, отнюдь не способствующем прогрессивному развитию нашего общества. В правосознании еще существуют духовные образования, идущие вразрез с генеральной линией общественного развития.

Мы достаточно подробно остановились на выявлении содержания понятия правового сознания. И все же адекватный социологический анализ данного феномена предопределяет необходимость дополнить представленную здесь характеристику описанием его связей с другим явлением общественной жизни — правовой культурой российского общества.

Даже на уровне эмпирического наблюдения становится очевидным, что для решения возросших задач, ставших перед российским обществом в этот ответственный период его развития, необходимо не только повышение профессиональных знаний, умений и навыков людей, но и всесторонний рост их общей, политической и правовой культуры. Это веление времени в свое время нашло отражение в новой Конституции РФ, знаменовавшей собой новый этап в развитии правовых начал российского общества.

Вполне закономерно поэтому, что в последнее время на страницах периодической печати, в научных статьях и монографических исследованиях довольно часто говорится о правовой культуре, ее значении в укреплении российской законности и общественного порядка в нашей стране, в развитии социальной активности людей. Введенное в научный оборот, это понятие заняло прочное место в ряду других категорий, между тем в понимании содержания правовой культуры (так же, как и в понимании правового сознания) еще нет надлежащей ясности. Так, одни авторы рассматривают правовую культуру как

элемент правового сознания. Другие придерживаются противоположного мнения. Третьи полагают, что правовая культура включает в себя начало законности. Четвертые, правильно рассматривая правовую культуру как часть общей культуры общества, в то же время сводят ее к зеркальному отражению правового сознания, т.е. фактически отождествляют ее с правовым сознанием. Различный подход к выяснению содержания правовой культуры, наметившийся в литературе, свидетельствует прежде всего о сложности этого понятия. Содержательная характеристика правовой культуры возможна лишь с учетом соотношения ее с такими общесоциологическими категориями, как право, правовое сознание, общая культура.

Переход человечества к регулированию социальных связей и отношений с помощью права ознаменовало собой прогресс в историческом развитии человеческого общества. Возникновение государства свидетельствовало о том, что «общество запуталось в неразрешимых противоречиях с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности. А чтобы эти противоположности, классы... не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе» возникло государство, которое держало общество «в границах порядка».

Возникновение права и связанных с ним правовых явлений и учреждений знаменовало собой появление в развитии общей культуры определенной направленности. Правда, на протяжении всей предыстории человеческого общества право (как и вся культура в обществе) выступало как отчужденная от широких масс населения социальная сила. Но в целом, с точки зрения исторического развития, оно свидетельствовало о прогрессе в культурном развитии общества.

Право, обеспечивая общественный порядок и организованность всех членов общества, содержит в себе структуры, предоставляющие человеку широкие возможности и права, гарантирующие подлинную свободу во всех сферах общественной жизни. В этом смысле право (в социальном его проявлении) и органически связанные с ним правовые явления, такие, как правосознание и правовые

отношения, общественный порядок и учреждения, охраняющие этот порядок, вполне правомерно и справедливо рассматривать как своеобразный феномен культуры, общекультурные ценности, созданные в российском обществе за годы его развития. В своей совокупности они и составляют содержание понятия правовой культуры, соотношение которой с общесоциологическим понятием общей культуры сложно и своеобразно, так же как сложны и своеобразны отношения и соотношения между элементами, составляющими содержание самой правовой культуры. Своеобразие это состоит, например, в том, что правовая культура не только является частью общей культуры, но и в определенном смысле создает необходимые условия и гарантии ее дальнейшего развития.

Как известно, уровень развития правовой культуры в обществе определяется тем, насколько ее требования (законность, демократические права и свободы, правовые знания и правовое творчество и т.д.) стали атрибутом повседневной деятельности каждого из членов общества; овладение населением правовой культурой общества способствует его привлечению к участию в управлении делами общества, расширяет сферу личностного воздействия на все стороны его жизнедеятельности, в том числе и на дальнейшее развитие и расцвет общей культуры российского общества. Овладение вершинами общей культуры благоприятно влияет на совершенствование всех элементов правовой культуры.

Все компоненты, составляющие содержание правовой культуры и в организационном, и в идеологическом отношениях, взаимосвязаны между собой. Каждый из них в соответствии со своим функциональным назначением ставит и решает собственные задачи в формировании правовой культуры российского общества. Однако значение каждого из этих элементов в определении ее содержания и направленности в развитии различно.

Особая роль здесь принадлежит правовому сознанию, которое в ряду других элементов предопределяет совершенство и развитие каждого из ее элементов, а следовательно, и правовой культуры в целом. Так, правовое со-

знание составляет основу правотворческой деятельности в обществе, обуславливает совершенство права и правовых отношений, во многом предопределяет четкую и слаженную работу соответствующих правовых учреждений. По содержанию и уровню развития правового сознания мы судим об адекватности правовой культуры в обществе, и в этом отношении правовое сознание и правовую культуру представляется возможным рассматривать как однозначные и однопорядковые явления, что зачастую и делается в нашей литературе.

Вместе с тем более строгий анализ этих категорий свидетельствует о том, что знак тождества между ними ставить нельзя, поскольку каждая из них имеет свои отличительные особенности.

Правовое сознание, например, — явление чисто духовного содержания. Особенность же правовой культуры в том, что она представляет собой не только совокупность духовно-правовых ценностей, сложившихся в особых, специфических формах. Это культура поведения в обществе, область взаимоотношений общества, личности и государства. В отличие от правового сознания правовая культура (как общая культура) не только включает духовные ценности (правовые взгляды, идеи, принципы и т.д.), но и содержит в себе материальную сторону, представленную системой правоохранительных органов и учреждений.

Понятие о культуре очень широкое. Весьма существенное место в ее содержании занимают просвещение, образование, знания и т.д. И если правовую культуру мы будем рассматривать с этих позиций, то возникает необходимость выделения более узкого (чем описанное выше) понимания данного феномена. В этих случаях главным элементом в содержании правовой культуры индивида является наличие у него определенной суммы правовых знаний, умение применить эти знания.

В реальной жизни имеет место довольно обширная сфера человеческой деятельности, когда на первый план выдвигается знание правовых норм, определяющих и направляющих эту деятельность (работа с юридическими документами и инструкциями, принятие некоторых уп-

равленческих актов, руководство правилами техники безопасности на производстве или правилами движения на дорогах и т.п.).

При таком понимании правовой культуры соотношение между правовой культурой и правовым сознанием меняется: она становится составной и необходимой частью правового сознания. Знание — необходимая предпосылка любой, в том числе и правовой формы сознания. Нельзя осознать того, чего мы не знаем, быть уверенным в чем-то неизвестном. Но знание закона (наличие правовой культуры как бы в узком смысле) еще не является его осознанием. О высоко развитом правосознании свидетельствует лишь наличие убежденности в справедливости закона, внутренней потребности неукоснительно следовать его велениям. Уровень правового сознания человека определяется наличием именно этих свойств и качеств его личности, а не только пониманием целей и назначения права, требований конкретных норм. В реальной жизни довольно часты случаи, когда люди обладают обширным объемом правовых знаний, пониманием требований правовых норм и т.д. и вместе с тем нарушают их предписание. *Преодоление разрыва между знанием норм и их игнорированием в современных условиях составляет важнейшую социальную задачу российского общества.*

Как видим, содержание понятий правового сознания и правовой культуры довольно емкое. Обе категории состоят в системе сложнейших взаимосвязей и взаимозависимостей как между собой, так и с другими правовыми реалиями. Выделение всех этих связей и зависимостей не входит в нашу задачу. Поэтому мы остановились лишь на тех аспектах их анализа, которые имеют существенное значение для эмпирического исследования: на определении предмета отражения правового сознания и на некоторых его свойствах как социального явления.

В дальнейшем будут исследованы социальные закономерности его формирования и выяснены цели и задачи, которые ставит общество в области формирования и развития правового сознания.

1.2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СОЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Изучение правового сознания в рамках гносеологии создало возможность рассмотрения его как особого социального явления, как специфическую (в ряду других) форму общественного сознания, обладающую своей внутренней структурой. Правовое сознание, рассматриваемое с этих позиций, предстает перед исследователем как некая целостность со своими четкими качественными характеристиками, позволяющими дифференцировать его от других форм и видов духовных образований.

Логика исследования правового сознания, однако, ставит нас перед необходимостью не только изучения качественных особенностей и характеристик данного феномена, но и выявления закономерностей формирования этой формы общественного сознания.

Человек — существо общественное. Поэтому ничего нельзя понять в нем, нельзя правильно объяснить особенности развития его личности, пути, формы и методы ее духовного обогащения, если рассматривать человека вне общественных условий его жизнедеятельности. Лишь при этих условиях перед нами открывается возможность проникнуть в суть механизма формирования правового сознания как явления внутреннего мира человека, как преобразованной формы проявления социальных по своей природе правовых отношений, реализуемых и осуществляемых деятельностью общественного индивида в его социально-предметном мире. Следуя таким путем в исследовании генетических аспектов правового сознания, мы вынуждены прибегнуть к реконструкции самого процесса формирования правового сознания. Подвергнув логическому анализу такие категории, как деятельность, труд, общение, мы тем самым получим возможность определить их место в процессе формирования правового сознания, представив сам процесс формирования как бы в «чистом» виде. Вместе с тем прибегая к логическому анализу

проблемы, мы тем не менее не должны забывать, что этот анализ ни в коем случае не может полностью отразить реальный процесс формирования правового сознания.

Сознание человека в своем проявлении на индивидуальном уровне, как мы уже отмечали, не имеет дискретных частей. Оно всегда выступает как единое и целостное духовное образование. Вычленив из этого духовного комплекса правовую форму сознания, акцентируя внимание на процессе его формирования, мы вовсе не намерены абсолютизировать этот процесс. «Юридизация» сознания в данном случае — шаг, предпринимаемый в чисто познавательных целях. Предпринимая этот шаг, мы постоянно учитываем также то обстоятельство, что правовое сознание хотя и характеризуется «своим» предметом отражения, но тем не менее в сознании общественного индивида оно — всего лишь его часть, обладающая теми же исходными свойствами, что и целое, т.е. сознание вообще.

В связи с этим анализ процесса формирования правового сознания без анализа исходных предпосылок формирования сознания вообще просто не представляется возможным. Такой путь решения поставленной задачи предопределяется внутренней логикой самого исследования. Методологическое значение этого подхода состоит в том, что он:

1) дает возможность строго очертить логические рамки исследования и осуществить переход к социальным аспектам данной проблемы;

2) при переходе к конкретному социологическому уровню изучения стоящей перед нами проблемы позволяет раздвинуть теоретические рамки исследования, преодолеть тот «ползучий эмпиризм», который постоянно предостерегает социолога при осуществлении подобной задачи.

Процесс формирования правового сознания представлялся в литературе главным образом как познавательный процесс, обусловленный воздействием на общественного индивида правовой информации, поступающей из самых различных, внешних по отношению к его сознанию источников. В результате этого воздействия извне в кору головного мозга поступает определенная чувственная и

словесная правовая информация, вследствие чего и возникают образы и правовые понятия, соответствующие отображаемым объектам. Процесс восприятия правовой информации осуществляется с помощью различного рода эмоциональных и ассоциативных связей и приведенного в действие аналитико-синтетического аппарата мышления, обеспечивающего в формировании правосознания человека понятийного аппарата, т.е. определенных правовых понятий и категорий, которыми завершается процесс познания отдельных правовых явлений.

Безусловно, воздействие правовой информации на сознание человека составляет одну из важнейших сторон процесса формирования правового сознания. Знание и учет особенностей восприятия права имеет существенное значение, особенно в деле организации воспитательной работы посредством, например, правового обучения.

Изложенное выше понимание процесса формирования правового сознания вряд ли можно признать единственно возможным решением обсуждаемой проблемы, поскольку:

1) неправомерно, представляется нам, сводить весь процесс формирования правового сознания только к познавательному процессу, к своеобразному потоку ощущений, образов и понятий, совершающих определенный кругоборот в замкнутой системе внутреннего мира человека: это может привести к неадекватному пониманию сущности самого человека, подмене практически действующего в своей природной и социальной целостности реального человека некоей очищенной абстракцией сознания;

2) хотим мы того или нет, но подобное представление о процессе формирования правового сознания имплицитно содержит в себе неправомерный по своей сущности вывод о том, что для преодоления отклоняющегося поведения людей, устранения еще имеющих место многочисленных случаев нарушения общественного порядка достаточно преобразовать духовный мир человека, изменить структуру мотивов его поведения, не затрагивая и не касаясь тех противоречий, которые порой возникают в условиях жизнедеятельности людей и которые могут быть устранены только посредством активного и деятельного вмешательства их в процессы реальной жизни.

Мы обратили внимание на некоторую односторонность в описании процесса формирования правового сознания, но далеки от того, чтобы упрекать сторонников подобного подхода к исследованию механизмов формирования правового сознания, поскольку, как мы предполагаем, их позиция в данном вопросе во многом была предопределена той ситуацией, которая сложилась в психологической науке, когда сам человек, его сознание, по признанию ведущих психологов, оказались как бы отлученными от общественных условий деятельности человека.

Раскрыть и понять закономерности формирования правового сознания людей мы можем, лишь опираясь на исходный методологический принцип понимания сущности самого человека, тех связей и отношений, в которых он постоянно пребывает в процессе своей предметно-практической, преобразующей деятельности.

Первостепенное значение для обсуждаемой здесь проблемы имеет положение о том, что человек является деятельным природным существом. Будучи активным по своей природе, а эти свойства заданы ему природой в виде задатков и способностей, человек, не удовлетворяясь порядком вещей, изменяет его и создает собственный, отвечающий своим потребностям порядок.

Предметный мир (природный или социальный), на освоение и изменение которого направлена деятельность человека, придает содержанию этой деятельности характер всеобщности и объективности. Вместе с тем это обстоятельство вовсе не может служить основанием для того, чтобы описывать деятельность в терминах, допускающих ее трактовку как некий самодовлеющий процесс, возвышающийся над человеком как некий космологический фактор, ибо в этом случае сама деятельность становится чем-то мистическим, неуловимым и бессодержательным, в котором нет места самому человеку.

Деятельность — атрибут прежде всего человека, форма бытия и способ существования человека и только его, а никого или чего-либо другого. Присущая человеку активность и созидательная деятельность обуславливаются и развиваются как собственный, родовой и специфический признак,

как принадлежащее человеку средство освоения предмета, какова бы ни была сущность и мера этого предмета.

Предельно широкое (философское) содержание категории человеческой деятельности в связи с этим можно усвоить лишь в том случае, если представить ее как непрерывный процесс созидания человеком природных и социальных условий своего существования и развития, как процесс преобразования окружающей действительности.

Выявление объективного в содержании деятельности, анализ ее внешних предметно-чувственных результатов — необходимая сторона успешного исследования категории человеческой деятельности. Однако акцентируя внимание только на этих ее свойствах, мы не смогли бы существенным образом продвинуться по пути решения стоящей перед нами исследовательской задачи.

Роль и значение деятельности в формировании и развитии сознания вообще и интересующей нас правовой формы в частности станет более очевидной, если мы, опираясь на изложенное выше философско-материалистическое понимание деятельности, перейдем на социально-психологический уровень ее рассмотрения, исследуя при этом непосредственные причины, лежащие в основе целеполагающей деятельности общественного индивида, с одной стороны, и с другой — структуру самой деятельности.

Философское содержание анализируемой здесь категории способно объяснить и представить нам в развернутом виде активную природу самого человека, его роль и место в многообразном и постоянно изменяющемся мире. Но когда мы, опираясь на деятельность как на методологический (объяснительный) принцип, стремимся описать некий фрагмент социальной или социально-психологической действительности (к которой мы с полным основанием относим правовое сознание людей) и дать этому описанию научное обоснование, то оперирование общим (философским) понятием деятельности выступает лишь как первый шаг объяснения, за которым необходимо должен следовать второй, предполагающий построение уже не общего, а специализированного для данной предметной области понятия деятельности.

Деятельность ориентирует человека не только в противостоящем ему материальном, но и во внешнем для него социальном мире. Причем деятельность выступает в данном случае не как реакция на этот мир и не как простая сумма этих реакций, а как система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие.

По структуре и своему содержанию деятельность человека неоднородна, однако любой вид деятельности человека обладает особыми характеристиками, обусловленными не только тем местом, которое человек занимает в окружающем его социальном мире (обществе) и не только теми условиями, в которых эта деятельность протекает, но и личностными особенностями самого человека.

И вместе с тем деятельность человека общественна по своему содержанию и направленности. Она протекает всегда среди окружающих человека людей, возникает и развивается в постоянном взаимодействии с ними. Это обстоятельство надо всегда иметь в виду, поскольку люди своей деятельностью в значительной степени предопределяют особенности формирования сознания (правового в том числе) общественного человека: сознание не дано человеку изначально, а формируется, производится обществом.

К. Маркс и Ф. Энгельс, как известно, придавали особое значение деятельности в формировании сознания человека и всей его духовной жизни. Уже в «Немецкой идеологии» они писали: «Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса». В более поздний период ими был высказан упрек представителям как естествознания, так и философии за то, что они совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление.

Потребовалось время, чтобы в общественных науках принцип деятельности занял подобающее ему место при исследовании проблем, связанных с изучением сущности человека, с формированием и развитием его сознания. Современный уровень их разработок позволяет с достаточной полнотой описать связь, существующую между

предметно-преобразующей деятельностью человека и его сознанием.

Суть этой связи, по мнению психологов, состоит в том, что отражение природного и социального мира в сознании человека обуславливается не непосредственно внешними воздействиями, а теми процессами, с помощью которых субъект вступает в практические контакты с предметным миром и которые поэтому необходимо подчиняются его независимым свойствам, связям, отношениям. Другими словами, фактором, управляющим процессами деятельности, первично является сам предмет и лишь вторично — его образ как субъективный продукт деятельности, который фиксирует, стабилизирует и несет в себе ее предметное содержание. Иначе говоря, осуществляется двойной переход: предмет — процесс деятельности; деятельность — ее субъективный продукт.

Предопределяя субстанциональное единство сознания человека с окружающей его социальной действительностью, запечатлевая и формируя в сознании особенности проявления этой действительности, деятельность проявляется каждый раз как категория, опосредующая всю духовную жизнь человека. Констатируя это обстоятельство, мы вместе с тем не должны выходить за пределы реальной оценки ее значения в механизме формирования сознания, как это делают некоторые исследователи, рассматривая сознание общественного человека как адекватное выражение и проявление его деятельности.

Положение об однозначной зависимости сознания человека от его деятельности в нашей литературе уже подвергалось основательной критике. Присоединяясь к авторам, выступающим против подобных взглядов на характер связи сознания и деятельности, мы вместе с тем полагаем следующее: основной недостаток анализируемых здесь взглядов состоит не в том, что сторонники этой концепции к анализу связей, в которых пребывает сознание, неправоммерно привлекают категорию деятельности и тем самым стирают различие между общественным бытием и общественным сознанием. Использование категории деятельности как объяснительного принципа, опираясь на

который можно выявить особенности связей человеческого сознания, вряд ли можно квалифицировать как посягательство на такие основополагающие философские категории, как «общественное бытие» и «общественное сознание». Главное здесь, как нам представляется, не допустить смещения уровней рассмотрения данной проблемы.

Утверждение о том, что сознание человека предопределяется его деятельностью, основывается на гносеологическом подходе к решению данного вопроса, когда предметная деятельность рассматривается в качестве основополагающего фактора возникновения и развития (формирования) сознания человека, в качестве его генетического начала. Но когда мы ведем речь об обусловленности сознания, о его содержании или о направленности (социологический аспект проблемы), здесь уже категория деятельности, какой бы она сама по себе ни была важной и существенной, становится недостаточной, чтобы объяснить данное обстоятельство.

Исходя только из деятельности, невозможно также объяснить и многочисленные формы сознания, которые оно принимает в процессе своего исторического развития. Утверждение некоторых авторов, что в основе различных форм общественного сознания лежит дифференциация деятельности, лишено всяких оснований, ибо, следуя этой логике, мы вынуждены были бы признать, вопреки очевидным фактам, что правовая форма сознания является, например, наличным достоянием лишь узкого круга людей, профессионально занимающихся осуществлением нормативной (правотворческой и правоприменительной) деятельности.

Выведение сознания непосредственно из деятельности не согласуется с имеющимися на этот счет положениями К. Маркса и Ф. Энгельса. Полагая, что «человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны определения человеческой сущности и человеческой деятельности», К. Маркс и Ф. Энгельс определяли сущность человека исходя не только из того, что человек является природным и деятельным существом, но также из того, что он представляет собой совокупность обществен-

ных отношений. В.И. Ленин также, касаясь данного вопроса, довольно однозначно высказал мысль (в полемике с народниками) о том, что «помыслы и чувства», т.е. сознание «живых личностей», создается определенными общественными отношениями.

Следовательно, самого человека, а значит, и его сознание, следует рассматривать в единстве не только с его деятельностью, но со всей системой (совокупностью) общественных отношений.

В образующемся ряду этих явлений деятельность и общественные отношения выступают как детерминирующие факторы. При этом, когда речь идет о связи между сознанием, с одной стороны, и деятельностью и общественными отношениями — с другой, когда мы пытаемся определить каждому явлению место в этом динамическом ряду, необходимо помнить, что эта связь диалектическая, а не метафизическая, предполагающая, будто вначале возникает деятельность, а затем формируются общественные связи и отношения. Конечно, при таком подходе к рассмотрению данной проблемы мы имеем дело с двойной детерминацией сознания, что не совсем так.

Трудовая деятельность — всеобщая генетическая основа человека и всех его качеств. На этой основе сформировалась сложнейшая система общественных связей и отношений. В данном случае система общественных отношений не есть нечто навязанное человеку, а результат (имманентный продукт) его деятельности.

Единство деятельности и общественных отношений предопределяется их взаимной обусловленностью. В основе многообразных общественных отношений лежит различная дифференциация человеческой деятельности. И наоборот, деятельность, являясь условием развития общественных отношений, вместе с тем сама формируется и организуется под воздействием последних. При таком понимании связи деятельности человека и общественных отношений мы не вправе говорить о двойной детерминации сознания человека: полагая обусловленность сознания системой общественных отношений, мы, по логике вещей, должны признать также и генетическую связь его с

деятельностью. Признание данного факта вовсе не вступает в противоречие с требованиями основополагающих философских категорий, поскольку и деятельность, и общественные отношения, в основе которых лежат производственные отношения, — неотъемлемые составные части общественного бытия.

Преодоление противоречивой ситуации, сложившейся в вопросе научного определения характера связей между сознанием человека, с одной стороны, его деятельностью и общественными отношениями — с другой, следует искать, очевидно, на путях корректного обращения с методологическими принципами, лежащими в основе определения сущности самого человека.

Идея о том, что деятельность и общественные отношения — суть предпосылка и условие формирования и развития сознания имеет первостепенное значение в исследовании закономерностей формирования правового сознания как на индивидуальном, так и на общественном уровнях его функционирования.

Утверждая это, мы, однако, должны констатировать некоторые особенности проявления этой закономерности в процессе формирования правового сознания.

Любая деятельность, как известно, внутренне обусловлена определенной системой целей и задач, структура и содержание которых предопределяется уровнем ее осуществления. В этом смысле деятельность, рассматриваемая как целостное явление, еще не может служить в качестве предпосылки формирования правового сознания общественного индивида.

К периоду социальной зрелости у каждого человека формируется своеобразная жизненная программа, в соответствии с которой он и осуществляет свою деятельность. Эта программа, несмотря на нивелирующее воздействие целей и задач, вытекающих из общих условий жизнедеятельности людей, уникальна и неповторима, насколько уникален и неповторим сам индивид как личность. Но вместе с тем данная программа, направляя и организуя деятельность человека, содержит в себе в структурном отношении единое, недифференцированное духовное обра-

зование, выступающее как его идеал, смысл всей его жизни. Здесь мы имеем дело с самым высоким уровнем целеполагания, связанного со стремлением человека осуществить «самопроецирование в будущее» с включением этого будущего в свое реальное бытие. Составляющими этой жизненной программы являются главным образом общие ценностные ориентации, определенные предпочтения и притязания. Поэтому деятельность, осуществляющаяся на этом уровне, представляющаяся исследователю как единый и нерасчлененный процесс, еще не связана с предметной, в данном случае правовой, формой сознания. Последняя каждый раз актуализуется при переходе индивида к определенным, конкретно направленным действиям, каждое из которых, имея своим содержанием особую цель, выступает как своеобразная структурная единица его деятельности.

Таким образом, формирование правового сознания связано не со всякой деятельностью человека, а главным образом с теми уровнями ее проявления, которые облекаются в форму социально значимых поступков, составляющих собой содержание социально-правового поведения. В основе такого рода поведения, как и всей деятельности, лежат потребности и интересы человека. Никто не может сделать что-нибудь, не делая это ради удовлетворения каких-либо из своих потребностей, и до тех пор, пока потребности человека не удовлетворены, он находится в состоянии неудовлетворенности своими потребностями и, следовательно, самим собой.

Установлено, что сама потребность несет в себе как бы два уровня измерения. Прежде всего она проявляется как состояние нужды человеческого организма. Этот уровень локализуется ненаправленным поисковым движением, проявление которого можно наблюдать не только у человека. Во втором измерении потребность проявляется как регулирующее и направляющее начало в деятельности общественного индивида. Именно в этой функции потребность становится предметом психологического отражения и познания ее человеком. Именно акт ее осознания превращает потребность в интерес человека, побуждающий

его к активным, целенаправленным действиям и поступкам. Все, за что борется человек, связано с его интересом. В рамках такого понимания данной проблемы усилиями российских ученых создана теория интереса.

Оставив в стороне дискуссионные вопросы, связанные с определением структуры и содержания интересов, характера и динамики их связей и т.д., мы обратимся к интересу лишь как к категории, способной объяснить логику осуществления процесса формирования правового сознания.

Определив сущность человека как совокупность общественных связей и отношений и представив общество, в свою очередь, как систему этих отношений и связей, К. Маркс рассматривал общество и личность как рядовые явления. Но при этом соотносил с обществом не личность эмпирически данного, конкретного индивида, а личность как сферу всего субъективного в этих связях и отношениях, ибо никакое единичное лицо не может заменить собой всю сферу личности, никакой единичный субъект — всю сферу субъективного.

Такое понимание соотношения общества и личности общественного индивида при переходе к рассмотрению этого соотношения на конкретный уровень его проявления с необходимостью предполагает обособление личности с ее собственными интересами. Взаимная и всесторонняя зависимость безразличных по отношению друг к другу индивидов в тех случаях, когда каждый противостоит другому как владелец объекта, являющегося потребностью другого, образует общественные связи и отношения, имплицитно содержит в себе различающиеся между собой интересы участников этих связей и отношений.

Каждый из участников сложившихся и функционирующих в обществе связей в своей деятельности преследует свои собственные интересы. Последние, побуждая общественного индивида к действию, обуславливают ту или иную степень свободы его действий, имеющих своей целью реализацию его интересов. Всегда и во всех случаях социально значимые действия и поступки человека ориентированы на действия других. С этой точки зрения поведение человека всегда содержит некий социальный смысл

независимо от того, обусловлено оно преимущественно внешними причинами или только внутренними целями, ибо в действиях общественного индивида проявляется не только логика собственных интересов, но и логика интересов других общественных индивидов. Поэтому деятельность человека, его поведение в качестве своей внутренней меры содержит не только собственный интерес, но и интересы других.

В социальном смысле каждый общественный индивид характеризуется мерой приближения его поведения к социально типичному. Поэтому внутренняя мера поведения человека есть не что иное, как диалектическое единство интересов преследующих каждый свои цели общественных индивидов. Она отражает некое динамическое по своей сущности равновесие между интересами участников общественных связей, с одной стороны, и интересами общества — с другой. Представляя собой качественное содержание социально значимых действий и поступков, отделяя порядок от хаоса и беспорядка, эта мера обеспечивает нормальное функционирование различных по своему содержанию и направленности социальных связей и отношений. В реальной жизни мера поведения предопределяется соответствующей системой социальных норм, основным видом которых в условиях социальной дифференциации общества выступают правовые нормы.

В содержании своих интересов, в своем поведении общественный индивид уникален. Однако наряду с этим в его поведении являются те общие закономерности, которые фиксируются в правовых нормах. В реальной действительности нет и быть не может универсальных мер поведения, которые были бы адекватны любым условиям жизнедеятельности человека. Нестандартные ситуации, которыми так полна реальная жизнь человека, обязывают его каждый раз исходить из конкретных условий. Правовые установления в данном случае служат общим ориентиром, руководствуясь которым он определяет меру своего поведения.

В правовых нормах отражаются условия общественно-го бытия, социальные закономерности, потребности, интересы и цели людей на определенном этапе обществен-

ного развития. Степень адекватности отражения в правовых нормах социальной действительности в своей основе определяется уровнем развития общественного прогресса. Чем выше уровень социально-экономического и политического развития общества, тем в большей степени в правовых нормах отражаются интересы людей, объективные условия их жизнедеятельности. Но во всех случаях правовые нормы и содержащиеся в них санкции выступают как способ самозащиты общества от нарушений условий существования, каковы бы ни были эти условия.

Условия жизнедеятельности общественного индивида, его интересы, поведение и правовые нормы оказываются, таким образом, взаимообусловленными факторами. Последние, т.е. правовые нормы, в данном динамическом ряду выступают как особые средства его развития, поскольку в системе правовых норм всегда находят свое отражение основополагающие, значимые интересы общественного индивида.

Право, его нормы и институты сами по себе, как известно, не создают ни интересов, ни целей деятельности человека, но они вводят определенный порядок, гарантирующий их достижение и осуществление. Стремление к удовлетворению потребностей и интересов как бы «втягивает» общественного индивида в определенную, конкретную форму деятельности, в процессе которой его сознание фиксирует не только сам процесс или акт удовлетворения интереса, но весь путь к нему, все те связи и отношения, которые опосредуют этот интерес. Властно вторгаясь в деятельность, в процессы, связанные с реализацией интересов, право, его нормы и институты становятся, в свою очередь, объектом заинтересованного отношения к ним со стороны индивида. Для человека, живущего в обществе, правовые связи и отношения представляются как наличные условия его жизнедеятельности, а поэтому они и воспринимаются с точки зрения поиска средств и методов решения жизненно важных для него задач.

«Люди, производящие общественные отношения, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — создают также идеи и категории, т.е. отвлеченные идеальные выражения этих са-

мых общественных отношений». Из этой посылки следует, что правовое сознание как одна из форм сознания формируется под непосредственным воздействием правовых отношений, связей и норм, которые своим содержанием ставят индивида в состояние оценочного отношения к ним.

Образ жизни людей как бы сообщает праву, его нормам и институтам статус основополагающей ценности. Глубина и уровень усвоения этой ценности предопределяется конструктивным, активно деятельным отношением индивида к окружающей его действительности, с одной стороны, и с другой — адекватностью, степенью совершенства самой системы права, утверждающей и регулирующей эти условия, другими словами, ценностным содержанием самого права. Немаловажное значение при этом имеет последовательное осуществление основополагающих принципов российской законности во всех сферах общественной деятельности, создание соответствующей правовой атмосферы (общественного мнения о праве и законности) в обществе.

Природа социальных ценностей, а также ценностная природа самого права достаточно полно исследована в отечественной литературе. Поэтому только необходимость вынуждает нас обратиться еще раз к данной проблеме, поскольку некоторые ее аспекты, имеющие непосредственное отношение к обсуждаемым здесь вопросам, на наш взгляд, еще не нашли адекватного понимания и описания.

Речь в данном случае идет об определении (выявлении) тех свойств права, которые обуславливают формирование ценностного отношения к нему со стороны членов общества. В литературе, например, было высказано мнение о том, что свои ценностные характеристики (ценностное содержание) право приобретает в силу своей общественной природы. Для таких социально-политических явлений, как право (наряду с демократией и свободой личности), главное и определяющее — это их общественная природа и в этом смысле их социальная ценность.

Представляется, что данное положение недостаточно полно отражает суть вопроса, поскольку, по утверждению сторонников этой точки зрения, все ценности имеют со-

характера и природы

циальное содержание. И в этом смысле право ничем не отличается от любого предмета или явления, имеющего также социальную природу. Анализируемая позиция поэтому была взята (и совершенно справедливо) под сомнение, поскольку общественная природа явления сама по себе не может считаться ни главным, ни второстепенным определителем его социальной ценности. Основным фактором, определяющим ценностное содержание права, являются интересы людей.

Данное утверждение — шаг вперед в понимании ценностной природы права, поскольку в данном случае социальная ценность содержится не в самом праве как таковом, а в функциональном его назначении. Однако тезис этот несет в себе определенную односторонность в понимании данной проблемы: интерес, наряду с объективным содержанием, включает в себя и элементы субъективного. Мера же, лежащая в основе масштаба ценности, не может быть субъективной (ни полностью, ни частично) так же, как не является субъективным отношением между правом и ценностью.

Право, действительно, отражает не только волю общества или тех или иных социальных слоев, но и их интересы, которые формируют направленное отношение к нему со стороны индивидов. Но все же интерес здесь выступает не как главный, а как производный фактор. В качестве основного фактора, определяющего ценностное содержание права, является, на наш взгляд, то обстоятельство, что право утверждает и охраняет общественные условия, создающие определенные возможности для развития личности человека.

Утверждая равенство и свободу, справедливость, честь и достоинство человека, охраняя и защищая эти высшие социальные ценности, право, именно в связи с этим, обретает свои ценностные характеристики, становится условием и предпосылкой проявления и развития сущностных сил общественного индивида. Само собой разумеется, что предпосылки и условия эти не могут не быть адекватными определенному уровню общественного развития.

Право суверенно в своем проявлении, и это его качество, наряду с такими объективными свойствами, как нор-

мативность, формальная определенность и т.д., способствует утверждению его как социальной ценности. Однако эти свойства и качества права не могут быть приняты в качестве самостоятельных (независимых) факторов, конституирующих ценностные характеристики права как социального явления. Придание этим свойствам статуса ценностно-образующих факторов неминуемо приводит к абсолютизации значения отдельных его норм и институтов, что в общем-то не согласуется с требованиями научного подхода к оценке общественных явлений. Ценность не может быть формальной, а должна иметь свое собственное содержание. В качестве последнего здесь выступают общественные условия бытия человека, а затем, уже вместе с ними и наряду с ними, — способность права к отражению, закреплению и защите этих условий и ценностей, благодаря которой создаются и гарантируются определенные, социально обусловленные возможности для проявления жизненных сил и способностей общественного индивида.

Социальная ценность права, таким образом, не исчерпывается той ролью, которую оно играет в регулировании общественных отношений, а определяется также и тем, насколько право и его нормы содействуют развитию человеческой сущности участников этих общественных отношений.

Социология как наука не отделяет социальные ценности (в том числе и право) от объективной действительности, а выводит их из этой действительности. И в то же время ценность права должна быть настолько объективной и абсолютной, чтобы содержать и момент относительности.

Право своими нормами и институтами способствует развитию и функционированию общественных отношений и прогрессу личности человека. Вместе с тем в отдельные периоды, в силу объективных и субъективных причин, некоторые нормы права могут вступать в противоречия со своими целями и назначениями. Это обстоятельство не может не оказывать определенного влияния на их ценностное содержание, а следовательно, и на отношение к ним со стороны участников общественных отношений. В пра-

вовом сознании индивида в этих случаях формируются комплексы неприятия этих норм права. Однако это обстоятельство, как нам представляются, не может служить основанием того, чтобы рассматривать социальную ценность права всего лишь как возможность, а не как имманентно присущее ему свойство и качество.

Усвоение права и его норм как особых социальных ценностей обусловлено правореализующим процессом, протекающим в форме динамически развивающихся правовых связей и отношений. Ценностный подход к процессу формирования правового сознания — это, прежде всего, учет социальных аспектов этого процесса, включающего в качестве необходимого условия анализ роли и значения межличностных связей между участниками правовых отношений.

Ни один вид общественных отношений, в том числе и правовые, не существует вне социальных форм общения. Социальные аспекты свойственны всем видам общественных отношений. И хотя можно еще встретиться с мнением, допускающим функционирование правовых отношений вне связи с деятельностью и поведением его участников, изложенный выше взгляд на характер и содержание правовых отношений следует считать как общепризнанный.

Общественные связи и отношения людей принимают форму правовых в тех случаях, когда возникает необходимость в определении четких границ в интересах и поведении участников этих отношений. Стремление к рассмотрению правовых отношений вне связи с поведением — свидетельство догматического, а не социологического подхода к выявлению их существенных характеристик. В качестве содержания правовых отношений, помимо фиксированных прав и обязанностей их участников, всегда и при всех обстоятельствах выступает поведение взаимодействующих между собой общественных индивидов; поведение их в данном случае составляет материальную основу этих отношений. Это утверждение нам представляется верным также и для тех случаев, когда правовые отношения существуют как бы в застывшей и пассивной форме в виде позиций людей по отношению друг к другу.

В этих случаях деятельность, поведение участников правовых отношений представляются нам как бы в спящем виде, принимают форму объективированных, точнее, опредмеченных действий и поступков общественных индивидов. Если в одном случае и в одном месте люди противостоят друг другу всего лишь как обладатели определенных прав и обязанностей, то в другом случае и в другом месте они реально действуют в соответствии с теми же правами и обязанностями. Вне деятельности и социально значимого поведения правовые отношения, если рассматривать их как социологическую категорию, никогда не существовали и существовать не могут; своим непосредственным содержанием они, как и любой вид общественных отношений, генетически связаны с деятельностью и поведением взаимодействующих и общающихся между собой людей.

Социальное общение в связи с этим всегда и во всех случаях — существенный и необходимый компонент правовых отношений. Причем в общение по поводу права люди вступают не только (а может быть, и не столько) тогда, когда объектом возникающих правовых отношений становятся конкретные права одной стороны и вытекающие из этих прав обязанности другой, но и в тех случаях, когда индивид, опираясь на предоставленные ему права и возложенные на него обязанности, своей деятельностью реализует собственные или общественные интересы, не включаясь в конкретные правовые отношения. Можно признавать или не признавать правомерность выделения так называемых общих правовых отношений в самостоятельную научную категорию, но остается неоспоримым тот факт, что:

- 1) именно в этой форме осуществляется интенсивный процесс общения людей по поводу их прав и обязанностей;
- 2) преимущественно в процессе этого общения общественный индивид познает основополагающие правовые понятия и категории, постигает и усваивает общественно выработанное значение права, ценность его норм и институтов.

Объяснение данному факту следует искать, видимо, в социально-функциональной (ролевой) структуре деятель-

ности общественного индивида, включающей в себя все социально необходимые виды его поведения.

Органическая связь человека с обществом оборачивается для него раздвоением его деятельности на собственно личностную и личностно-общественную. Прочность связи между этими видами деятельности предопределяется многими переменными, но при всех условиях социальная роль или социальная функция человека по своей сущности есть не что иное, как объективный и необходимый элемент общественных отношений. Рождение дает человеку лишь индивидуальное бытие и прежде всего дает ему жизнь как природному индивиду. Позиция же индивида в обществе в качестве индивидуализации определенного социального положения, определенной социальной функции, всецело порождается и предопределяется деятельностью общественных индивидов. Эти общественные роли вытекают отнюдь не из человеческой индивидуальности вообще, а детерминируются системой реальных общественных связей, другими словами, самим обществом.

Человек, преследуя свои собственные интересы и цели в процессе своей деятельности, включается в уже готовую объективно существующую матрицу межролевых связей и зависимостей, ставя себя тем самым в положение, когда необходимо следовать правилам поведения, предписанным обществом. Социально значимое ролевое поведение индивида государство от имени всего общества берет под свой контроль, санкционируя его в виде соответствующих прав и обязанностей, в системе которых особое значение в современных условиях приобретает определенный их комплекс, известный в теории права как правовой статус личности. В многоаспектной деятельности человека он выступает как основополагающий фактор формирования его правового сознания.

Свою социальную функцию (роль) индивид может реализовать лишь в условиях взаимодействия с другими людьми. Везде и всюду люди вступают в общение, и только через посредство общения они вступают в те или иные виды общественных отношений. Потребность в социальном общении — одна из ведущих потребностей обществен-

ного индивида. Поэтому закономерности формирования и развития правового сознания естественно искать в социальном общении, т.е. в деятельности, выходящей за пределы собственной природы человека. Индивид, вступая в общение с другими по поводу реализации собственных интересов, как правило, опосредуемых многочисленными нормами права, становится неотъемлемым элементом общественных правовых связей. Внося в их развитие свои неповторимые черты и особенности, он сам оказывается под постоянным и неослабным воздействием последних.

В общении происходит не только обмен мыслями, суждениями и оценками права и правовых явлений, но и обмен действиями и поступками, имеющими социально-правовое содержание и характеристики. И эта сторона в социально-правовом общении индивидов при всей важности информационного аспекта имеет определяющее значение в процессе формирования их правового сознания.

Постоянное столкновение с интересами и поступками других людей формирует у индивида определенное чувство меры в его собственных действиях. Последнее, основываясь на нравственных и правовых оценках, позволяет ему дифференцировать собственное поведение и поведение других людей. Действия и поступки участвующих в общении индивидов, затрагивая их интересы, становятся источником активного переживания права, вызывают определенное оценочное отношение к нему. Столкнувшись с принципом действия той или иной нормы права, познав ее характерную особенность, состоящую, например, в обязательности ее исполнения, человек начинает оценивать другие связи и отношения, исходя не только из данной нормы и не только из санкций этой нормы, а уже из самого факта, что данная норма поведения принадлежит к определенному институту права и т.д., правовое общение способствует генерализации правовых понятий и социально-правовых ориентаций. Подлинный смысл и значение права с наибольшим эффектом индивид постигает в процессе своего общения с другими людьми, в процессе своей предметно-практической деятельности, осуществляющейся в пределах тех или иных правовых отношений.

Интенсификация социального общения, расширяющиеся круги связей и отношений, обусловленные динамически развивающимися процессами общественной жизни, ставят каждого человека перед необходимостью познания и усвоения все новых и новых аспектов проявления права. В настоящее время мы являемся свидетелями расширяющейся сферы правового влияния на развитие общественных отношений: некогда индифферентные в социальном смысле поступки человека становятся в ряд социально значимых явлений. Все это ведет к возрастанию роли и значения правового регулирования общественных процессов, а следовательно, и к возрастанию социально-правового общения в формировании правового сознания участников общественных отношений.

Правовое общение как социальный феномен в своем функционировании и развитии всецело предопределяется теми или иными параметрами общественных правовых отношений. Однако в воздействии на процессы, связанные с формированием правового сознания общественных индивидов, оно характеризуется определенной самостоятельностью и независимостью от них. Межличностные связи, формирующиеся между общающимися людьми, могут отражать устаревшие традиции, привычки и нормы поведения. Вот почему на состояние и уровень развития правового сознания людей оказывает существенное влияние реальная жизнь права, последовательное осуществление в обществе тех или иных правовых принципов.

Использование категории деятельности в качестве объяснительного принципа позволило нам, как это нетрудно заметить, выявить и описать наиболее существенные черты и особенности процесса формирования правового сознания. Преднамеренно опуская анализ вопросов, связанных с исследованием собственно психологических закономерностей формирования правового сознания, с выявлением роли и значения общественного мнения в данном процессе (все эти проблемы достаточно глубоко исследованы), мы полагаем целесообразным перейти к анализу формирования правового сознания общественного индивида в процессе его труда как главной сферы его деятельности.

Понуждает нас к этому не только то, что предметом нашего анализа является правовое сознание людей, занятых промышленным трудом, но и то обстоятельство, что в структуре деятельности человека труд имеет определяющее значение. Само собой разумеется, что в связи с этим анализ процесса формирования правового сознания в трудовом коллективе представляет собой как теоретический, так и практический интерес.

1.3. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В ТРУДОВОМ (ПРОИЗВОДСТВЕННОМ) КОЛЛЕКТИВЕ

Труд является важнейшим фактором жизни человека, первым и основным ее условием. Всякий человек в нормальном состоянии нуждается в определенной порции труда. Поэтому перед ним всегда встает, как правило, не проблема включения в коллективную трудовую деятельность, а проблема выбора коллектива, в котором он мог бы с наибольшей эффективностью реализовать свои потребности.

Вхождение индивида в тот или иной трудовой коллектив влечет за собой включение его в систему многочисленных связей и отношений, вытекающих как из организационно-технологических, так и из социальных свойств и сторон труда, которые, органически вплетаясь в жизнедеятельность человека, оказывают решающее воздействие на его сознание. Поэтому адекватно описать процесс формирования правового сознания в трудовом коллективе возможно лишь опираясь на гносеологический анализ свойств труда и тех связей, которые порождаются этими свойствами.

Исторически и логически появлению трудового коллектива предшествует формирование его материально-технической базы. Та или иная форма собственности на средства производства составляют основу трудового коллектива, но он вместе с тем есть и система связей, которая не возникает сама собой, а вырастает из участия людей в трудовом процессе.

Возникновение производственного коллектива обычно связано с созданием того или иного предприятия, которое, будучи категорией хозяйственно-экономической деятельности, выражает собой на этом этапе (принятие акта о его образовании) всего лишь определенный комплекс производительных сил, служащий исходной предпосылкой возникновения и развития трудового коллектива. Без проявления акта воли об организации предприятия формирование трудового коллектива невозможно.

Как самостоятельное в структурном отношении образование трудовой коллектив вступает в экономические, социально-политические и правовые связи и отношения с государством и обществом, с одной стороны, с подобными себе образованиями и членами собственного коллектива — с другой. В то же время трудовой коллектив обладает признаками собственно общественной организации. Объединяя людей в единую организацию, трудовой коллектив при осуществлении своих функций в зависимости от аспекта деятельности выступает в различных своих качествах как государственное образование или как определенным образом структурированная общественная организация.

Это означает, что ни трудовой коллектив сам по себе, ни само по себе предприятие (завод, фабрика и т.д.) не могут рассматриваться изолированно, отдельно друг от друга. Они функционируют в реальной жизни лишь как единое образование — коллектив предприятия (завода, фабрики, учреждения). И только в таком их качестве с наибольшей полнотой проявляются все важнейшие социальные функции трудовых коллективов.

Выступая как трудовая организация людей, включающая одновременно общественные негосударственные начала, коллектив обуславливает необходимость единства интересов своих членов, с одной стороны, государства, общества в целом или отдельных структур — с другой.

О наличии трудового коллектива в собственном смысле слова можно говорить лишь тогда, когда между членами коллектива установилось постоянное и устойчивое взаимодействие на основе единства их целей и интересов с

интересами всего коллектива. Сплоченность и в конечном итоге результативность деятельности трудового коллектива как единого целого зависят от того, насколько и в какой степени в процессе совместного труда сознание и воля каждого члена трудового коллектива включает в себя интересы и цели всего коллектива. Интеграция же этих целей и интересов каждым индивидом предопределяется степенью и уровнем организации самих индивидов. В силу этих обстоятельств в функционировании трудовых коллективов, как и в формировании правового сознания его работников, организационный фактор приобретает решающее значение. Проблема формирования правового сознания в трудовом коллективе в конечном итоге выступает здесь как проблема взаимодействия индивида и организации.

Исследование организационных отношений в трудовом коллективе на аналитическом уровне свидетельствует о том, что они имеют сложную структуру, многослойны по своему содержанию так же, как многослоен и сложен их материальный источник — труд, функционирующий в рамках коллектива. О самом глубинном слое этих отношений, вытекающих из социальных качеств и сторон в содержании труда, и о функциональной роли этих отношений в формировании правового сознания людей речь будет идти ниже. Здесь же необходимо коротко остановиться на тех связях, которые обуславливаются материально-вещественными и технологическими характеристиками труда.

Всякое существенное изменение материально-технической основы труда находит немедленное отражение в характере и особенностях организации трудовых коллективов. В этих условиях нормы и отношения, вытекающие из материально-вещественного содержания труда, по силе своего воздействия на сознание и поведение членов трудового коллектива выдвигаются на одно из первых мест.

Конкретные технические нормы и правила эксплуатации оборудования, хотя и выступают как показатели уровня развития науки и техники, тем не менее содержание отношений, вытекающих из процесса взаимодействия че-

ловека и техники, определяется не только техническими характеристиками оборудования. Нормы и отношения, вытекающие из материально-вещественного содержания труда, несут на себе (как и всякие нормы) значительную социальную нагрузку. Приобретая в данном случае социально-правовую направленность, они оказывают соответствующее воздействие на сознание и поведение людей, занятых в производственном процессе, поскольку эти нормы регулируют не только порядок обращения с техникой производства, предметами и орудиями труда, но и взаимоотношение людей в процессе их использования. Все это наряду с другими факторами и обстоятельствами способствует, во-первых, осознанию места, роли и значения конкретного человека в системе общественного производства и, во-вторых, повышению чувства ответственности у каждого индивида, участвующего в коллективной трудовой деятельности, за соблюдение порядка, режима этой деятельности.

Нормы и отношения, устанавливающиеся в трудовом коллективе под влиянием материально-вещественных факторов и технических норм коллективного труда, составляют лишь один из аспектов формальной структуры коллектива. Но, как известно, производственно-технологическая обусловленность процесса труда порождает и другие отношения в производственном коллективе. Это, прежде всего, отношения между участниками производственного процесса, выполняющими на рабочих местах строго определенные функции. Связи этого рода как бы отражают функциональную структуру совокупного работника производственного коллектива, предполагающую разделение функций и затем их координацию.

Нормы и отношения, о которых идет здесь речь, предполагают чередование и заданный ритм протекания трудового процесса, требуют определенного порядка в соединении рабочих мест, регулируют увязку деятельности работников, решающих различные по своему содержанию технико-экономические задачи. Они также составляют формальную структуру коллектива, но обуславливаются не потребностями регулирования простых элементов труда и необходимостью установления определенных условий и стандартов в отношении

к технике и оборудованию, а требованием технологической организации самого труда как процесса деятельности общественных индивидов, который требует не только и главным образом не столько увязки производственных циклов (хотя это само по себе тоже важно), сколько осознанного и эффективного участия каждого индивида в целенаправленной деятельности трудового коллектива.

Организация труда в коллективе, создавая для участников производственного процесса соответствующие условия, постоянно побуждает их к совместным и целенаправленным действиям. Это находит отражение в строго регламентированных взаимных требованиях и обязательствах всех участников производственного процесса.

Отсюда ясно, что проблема формирования правового сознания членов трудового коллектива связана с проблемой функционирования формальной структуры трудового коллектива. Трудовой же коллектив постоянно связан также с организующим воздействием определенных государственных структур. Их воздействие не ограничивается созданием формальной структуры в период возникновения трудового коллектива. В течение всего периода его функционирования государство в лице своих полномочных представителей, действующих в рамках коллектива и за его пределами, организует выполнение и строгое соблюдение предписаний, облеченных в форму правовых норм и соответствующих правовых институтов.

Вместе с тем надо иметь в виду, что эти нормы и институты, будучи predeterminedены особенностями трудовой деятельности, раз возникнув вместе с формальной структурой коллектива, в дальнейшем приобретают относительную самостоятельность как по отношению к индивиду, так и по отношению к трудовой организации как части общественного организма, хотя они призваны решать комплекс тех же экономических, политических и социально-психологических проблем, которые стоят и перед коллективом, в рамках которого они функционируют.

Закрепляя формальную структуру, придавая ей определенное постоянство и стабильность, правовые установления воздействуют на сознание и поведение участников

трудового процесса, способствуют организации индивидуальной деятельности, адекватной задачам и целям трудового коллектива. Особенность функционирования формальной структуры (вместе с закрепляющими ее правовыми нормами) состоит в том, что они не только распределяют и указывают, что нужно делать каждому участнику трудовых отношений, но и создают ситуацию, при которой этот участник делает именно то, что ему положено, подчиня в известном смысле его сознание и волю. В этом и состоят функциональные особенности всех формальных структур и правовых установлений, действующих в том или ином коллективе. Причем свое регулирующее воздействие они оказывают не только на сознание и поведение непосредственных исполнителей, но и на самих организаторов производства, для которых требования этих норм являются также обязательными.

Потребности человека, вернее, природа его потребностей и способ их удовлетворения, необходимо связывают его с другими людьми, которые, как и он, не являются единственными в том смысле, чтобы не нуждаться ни в какой связи друг с другом. Какими бы разносторонними способностями он ни обладал, своим трудом (а труд есть проявление способностей человека) человек может произвести продукты только в таком объеме и качестве, которые в состоянии удовлетворять лишь узкий круг его потребностей. Это обстоятельство на определенном этапе общественного развития обусловило возникновение процесса разделения труда, появление различных по содержанию и качеству его видов, которые должны удовлетворять определенную общественную потребность и, таким образом, должны оправдать свое назначение.

В современных условиях возникновение и функционирование производственного коллектива обусловлено действием прежде всего закона общественного разделения труда. При качественной неоднородности труда включение индивидуальной трудовой деятельности в труд коллектива совершается лишь при условии:

1) сведения разнородных (разнокачественных) видов труда к однородному труду, труду вообще как затрате жизненных сил и энергии, расходуемых при любом его виде;

2) установления на этой основе определенной меры затрат живого труда на производство материальных и духовных благ, необходимых для обеспечения жизнедеятельности людей.

Общество и трудовой коллектив в связи с этим поставлены перед необходимостью регулировать вопросы, связанные с распределением труда в отношении как его качественной дифференциации, так и количественных пропорций.

Преодоление качественных различий индивидуально-го труда (редукция сложных его видов к более простым) и установление количественных пропорций (нормирование) в своем единстве и составляют содержание механизма, посредством которого происходит включение индивида в совокупный общественный труд, функционирующий в рамках производственных коллективов. Без этих двух сторон, без этих элементов нет самого механизма связи индивидуального труда с трудом коллектива и всего общества в целом. Эти две стороны взаимосвязаны между собой, но в формировании правового сознания индивида, а точнее, в самом механизме его формирования эти стороны неравнозначны.

Процессы и явления, связанные с преодолением качественных различий в труде, сложны по своему содержанию и зачастую остаются за пределами сознания наемного работника, тогда как нормирование труда — это осязаемый, реальный факт, с которым работник сталкивается с первого же момента своего включения в трудовую деятельность коллектива. Находясь в пределах эмпирического восприятия и понимания индивида, нормирование труда оказывает эффективное воздействие на процесс формирования его сознания. Особенность норм труда состоит в том, что имеют в своей основе объективные интересы коллектива и являются индивиду в виде директивных установлений, обращенных к его сознанию.

Выделенные из системы взаимосвязанных и взаимообусловленных связей и отношений по поводу трудовой деятельности в коллективе и представленные в таком виде сознанию участников производства нормы труда представляют как обязательное правило поведения, регулирующее

трудовую деятельность в коллективе. Выступая как эмпирический факт, непосредственно воспринимаемый сознанием, норма труда, разумеется, не может быть полным и подлинным знанием об этом феномене; сознание индивида, будучи активным по своей природе в своем стремлении к познанию сути явления, исходит из самого явления, из тех наличных связей и отношений, в которых оно постоянно пребывает. Нормирование затрат живого труда охватывает собой не только базисные (экономические), но и целую систему надстроечных отношений. В условиях социальной однородности труда сама их система, складывающаяся в процессе нормирования труда, представлена прежде всего правовыми связями, которые и являются сознанию в качестве наличных отношений.

Нетрудно заметить, что уже простейшие процессы труда содержат в себе исходную структуру, детерминирующую направленность в формировании и развитии сознания индивида. Роль такой структуры выполняет нормирование труда в коллективе, являющееся имманентной формой его существования, формой движения всякого общественного труда. Опосредуя трудовой процесс уже на стадии включения человека в трудовую деятельность и в этом смысле выступая как условие ее осуществления, нормативные связи и отношения оказывают постоянное воздействие на сознание индивида.

Влияние трудового коллектива на формирование правового сознания человека не ограничивается лишь механизмом включения его в коллективную трудовую деятельность. Такое же, если не большее значение, имеет дальнейшее движение общественного труда, в частности, распределение результатов труда или отношения собственности, порождаемые коллективной трудовой деятельностью.

Поскольку труд составляет основу жизнедеятельности индивида и общества в целом, постольку общество не может обойтись без отношений по распределению накопленного труда (его результатов), т.е. без отношений собственности. Способность к труду (совокупная рабочая сила) может быть восстановлена каждый раз только посредством потребления накопленного труда, принимающего форму

необходимого продукта. Поэтому уже в самом процессе труда заключена объективная основа распределения его результатов. И в этом смысле труд объективно предполагает включение работника в отношения по распределению или присвоению результатов коллективного труда. Итог трудовой деятельности откладывается в сознании работника через сложную систему взаимно координированных и субординированных связей и отношений по поводу труда и распределения его результатов. При этом на первый план выдвигаются те связи и отношения, которые вытекают или, точнее, определяются объективными свойствами труда как условия существования. Сознание работника при этом как бы замыкается на механизме связей, обеспечивающих условия его жизнедеятельности.

Поэтому в процессе труда, а точнее, еще до включения в трудовую деятельность в производственном коллективе индивид полагает, предвосхищает в идеальной форме не только элементы своего труда, но и его результаты. Содержание его сознания в данном случае обуславливается познавательными задачами, которые ставит перед ним его трудовая деятельность в коллективе. Исходя из этих задач, индивид с необходимостью приходит к выводу о том, что он может обеспечить свою жизнедеятельность лишь при условии вступления в отношения эквивалентного обмена своей трудовой деятельности. То, что представляется ему субъективной целью, есть всего лишь средство удовлетворения общественно объективной необходимости. В непосредственной трудовой ситуации это связывается с вознаграждением за труд, с удовлетворением его потребностей. Механизм регулирования удовлетворения этих потребностей оказывается таким образом включенным в трудовую деятельность. Дифференцированное представление индивида о правовых связях и отношениях, составляющих этот механизм, является определяющим моментом в формировании и развитии его правового сознания на современном этапе развития общественного труда. В данном случае формирующееся у индивида сознание состоит в структурно-генетическом единстве со связями и отношениями, опосредующими прежде всего его материальные

интересы, потребности и мотивы трудовой деятельности. И лишь затем, уже с помощью нелинейных связей и зависимостей, труд формирует в его сознании нравственное и эстетическое содержание.

Человек вступает в систему трудовых отношений не как природное существо, а как «рефлектированная предметность», т.е. как личность, уже вобравшая определенную совокупность социальных связей, в том числе и тех, которые опосредуют процесс труда и всю трудовую деятельность в производственном коллективе.

Однако правовое сознание индивида в этом случае нельзя представлять и рассматривать как своеобразный экран, на котором отражаются социально-правовые аспекты его деятельности в трудовом коллективе. Как особый вид сознания оно возникает и развивается прежде всего как определенная форма активности общественного индивида. В данном случае правовое сознание само выступает как особое внутреннее движение, порожаемое движением трудовой деятельности. Причем возникает и развивается оно в системе строго дифференцированной трудовой деятельности производственного коллектива, ибо только так человек обнаруживает в качестве предмета своего познания и освоения правовые связи и отношения, придающие его сознанию особую качественную характеристику.

Труд в производственном коллективе выступает в данном случае как процесс, заключающий в себе внутренние противоречия, раздвоения, постоянные трансформации одного его вида в другой, которые, опосредуясь правовыми связями и отношениями на каждом этапе трудовой деятельности, порождают специфическую (правовую) форму сознания, являющуюся в свою очередь моментом, условием собственного движения общественного труда в производственном коллективе. Являясь естественным условием существования человека, труд составляет для него особую, непреложную ценность. Это обстоятельство предопределяет постоянное проявление у людей стойкого отношения к труду, делает их сознание постоянно «открытым» для связей и отношений, порождаемых трудом в производственном коллективе. Особенность и своеобраз-

ние трудового процесса в этих условиях состоит в том, что он дает индивиду информацию о ценностных характеристиках не только самого труда как деятельности, но и о тех нормах и отношениях, которые опосредуют его включение в совокупный труд коллектива и благодаря которым реализуются результаты его трудовой деятельности.

В пределах предметной мыслительной деятельности (практического познания) человека оказывается все то, что необходимо как для постановки самих целей труда, так и для их реализации в трудовом коллективе. Воссоздающаяся при этом каждый раз на новой основе целая система социально-правовых принципов, понятий, образов и представлений, отражающая реальное движение общественного труда в коллективе, и составляет собой содержание процесса формирования правового сознания индивида. Большую роль при этом играют те принципы, нормы и ценности, которые лежат в основе всей системы трудовых отношений, распределения и присвоения результатов труда.

Труд, как известно, всегда выступает как определитель связи предмета с тем, что надо человеку, т.е. с его потребностями. В связи с этим отражающиеся в сознании людей нормы и отношения по поводу труда в коллективе принимают форму реальных связей с их потребностями, становясь по сути дела самими их потребностями. И в качестве уже таковых они становятся предметом оценки каждым индивидом.

Особенность складывающегося при этом механизма отражения нормативных связей состоит в том, что он не только результирует поведение индивида, но и позволяет ему в определенных параметрах строить свое поведение на будущее в соответствии с постоянно изменяющимися условиями его жизнедеятельности. Вобрав в себя реально действующие связи, возникающие при включении индивидуального труда в совокупный труд коллектива, а также те связи и отношения, которые порождаются распределением его результатов, переработав их, механизм отражения этих нормативных связей как бы приобретает определенную самостоятельность и автономность в своем суще-

ствовании. Будучи одной из форм функционирования сознания индивида, этот механизм обуславливает ему возможность выхода за пределы актуального опыта. Формирующееся под воздействием нормативных связей сознание в этих случаях приобретает прогностическую функцию и своеобразное регулирующее начало.

Маркс писал, что во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности. Сам труд в данном случае предстает перед работником не просто как расходование его жизненных сил и энергии, а прежде всего как процесс, опосредованный многочисленными правовыми нормами, регулируемыми связями и отношениями, возникающими между индивидом, коллективом и обществом, с одной стороны, и, наконец, между самими индивидами — с другой.

В процессе труда происходит опредмечивание этих связей и отношений, которые побуждают и направляют трудовую деятельность индивида. Норма труда, связи и отношения, порожденные распределением результатов труда, наряду с опредмеченным трудом обретают новую форму существования в виде внешних по отношению к индивиду правовых связей, которые и воздействуют на сознание индивида, формируя в его содержании своеобразные правовые компоненты.

В обществе создается соответствующая система распределения и обмена, основывающаяся, как правило, на принципах социальной справедливости. Строгое соблюдение, неуклонное проведение в жизнь этих принципов приобретает основополагающее значение во всем процессе формирования правового сознания. В процессе труда индивид прежде всего практически (поскольку труд есть практическая деятельность) осваивает содержание таких категорий правового сознания, как равенство, долг, ответственность, справедливость и т.д. Эти категории (в особенности последние) хотя и содержат в себе интегральные характеристики, но здесь они проявляются прежде всего как социально-правовые категории.

В процессе трудовой деятельности в коллективе, и особенно в сфере отношений, складывающихся по поводу распределения результатов труда, категории наполняются реальным содержанием, и сознание индивида фиксирует их не только как требования нравственного порядка, но как четко выраженные требования правового характера, прежде всего, как социально-правовые ценности. Это обстоятельство имеет особое значение для того периода жизнедеятельности индивида, когда он впервые включается в трудовую деятельность. На этом этапе социализации ранее полученные знания, представления об этих понятиях и категориях человек соизмеряет с их реальным содержанием, с реальной жизнью этих категорий.

Сквозь призму этих принципов людьми, как правило, осуществляется оценка всей системы социально-правовых институтов и отношений, функционирующих в обществе. Правовые связи и отношения при этом не есть нечто внешнее по отношению к труду, а объективно присущи ему, ибо они возникают и обуславливаются внутренними противоречиями общественного труда. Подобно тому как нельзя «изъять» из содержания общественных отношений общечеловеческое начало, так мы не сможем «очистить» трудовую деятельность человека в коллективе от опосредствующих ее правовых связей и отношений в условиях, когда труд определяется материальной заинтересованностью.

Все это позволяет нам сделать вывод о том, что в течение всего активного периода своей жизнедеятельности человек оказывается под воздействием правовых связей и отношений. Даже в тех случаях, когда в силу каких-либо причин (объективных или субъективных) индивид не принимает непосредственного участия в коллективном труде, он всегда является постоянным участником правовых связей и отношений, порождаемых если не самим процессом труда, то процессом распределения его результатов.

Отмечая объективную основу труда, подчеркивая ее определяющее значение для возникновения сознательной, целенаправленной деятельности человека, следует отметить, что и в последующий период развития человека

его сознание так и не смогло оторваться от своей первоосновы и по сей день оно, пребывая в диалектической связи с трудом, развивается вместе с ним. Труд как таковой в своем естественном качестве породил и создал человека и его сознание, а в своем ином, социальном качестве обусловил дальнейшее его развитие и дифференциацию, появление различных, в том числе и правовых форм сознания.

Конечно, процесс формирования правового сознания, как и сознания вообще, характеризуется взаимодействием его с бесконечным числом других явлений и фактов реальной действительности. Мы же из сложнейшего механизма этого взаимодействия преднамеренно вычленим важнейшее его звено — трудовую деятельность в коллективе, полагая при этом, что труд на данном уровне его социальной зрелости является источником формирования не только эстетических или нравственных, но прежде всего правовых форм сознания.

Различать эти части или виды сознания мы можем только на соответствующем уровне абстракции, когда мы совершаем эту операцию в целях научного познания истины. Требование последней как раз и состоит в необходимости всестороннего исследования социальных свойств труда и особенностей сознания, формирующегося в процессе труда.

Объяснение природы правового сознания, формирующегося в процессе трудовой деятельности в коллективе, лежит, таким образом, в тех особенностях труда, которые, во-первых, создают его необходимость, во-вторых, в тех социальных свойствах, которые обуславливают функционирование механизма нормирования труда и регулирования процесса распределения его результатов.

С усложнением человеческой деятельности и ее дифференциацией труд продолжает играть существенную роль в формировании и развитии сознания человека. Та или иная форма организации труда придает лишь особую направленность в содержании правового сознания индивида, формирующегося в ходе его трудовой деятельности в коллективе.

Трудовой коллектив имеет своим содержанием не только трудовую деятельность. В современных условиях он становится все более и более активным участником государственно-политической и социально-правовой жизни общества. Естественно, что в трудовом коллективе как в социальной организации функционируют не только формальные структуры и предписания, относящиеся к социальным и организационно-технологическим аспектам и процессам труда, но и весь спектр социально-правовых ценностей и ориентаций, регулирующих самые различные сферы общественной и индивидуальной жизни людей, членов трудового коллектива. В своей совокупности они, наряду с другими факторами и обстоятельствами, составляют социальную сферу, в которой протекает жизнедеятельность индивида в течение значительного периода времени.

В этих условиях процесс формирования правового сознания в трудовом коллективе следует рассматривать прежде всего как процесс адаптации индивида в коллективе, как расширяющийся и углубляющийся процесс социализации его личности. Содержание, структура и особенности протекания этих процессов составляют объективную необходимость и предпосылку выработки у индивида адекватных правовых взглядов и убеждений.

Одним из аспектов взаимодействия трудового коллектива и индивида является постижение последним профессионально-технических аспектов деятельности. Социальная среда становится для индивида существенным фактором, определяющим важнейшие стороны его жизни, формирующим активную позицию в овладении функционирующими в коллективе нормами и ценностями. Воздействие нормативных предписаний, определявших условия деятельности личности в коллективе, при ближайшем рассмотрении предстает как процесс включения индивида в систему связей, регулируемых этими предписаниями. Данное обстоятельство оказывает определяющее влияние на содержание сознания. Социально-правовые факторы и условия адаптации непосредственно включаются в самый механизм исследуемого процесса, выступая при этом в качестве

объективной основы реализации его потребностей, целей и интересов. Регулирование коллективных и индивидуальных интересов с помощью нормативных установлений, преодоление и разрешение могущих возникнуть при этом противоречий является одним из источников формирования правового сознания членов трудового коллектива.

Опосредование интересов личности, с одной стороны, коллектива и общества — с другой, является одной из важнейших социальных функций права, функционирующего в обществе. В сознании коллектива эта функция находит свое отражение как система соответствующих норм и предписаний. Осознание этих норм и предписаний на том или ином уровне является также содержательной характеристикой индивидуального правового сознания. Когда система требований, регулирующих интересы индивида, общества и коллектива, когда вся совокупность ценностей и установок, функционирующих в коллективе, осознается индивидом как истинная и справедливая, она превращается в мощный регулятор социально направленной деятельности членов трудового коллектива, и последний использует эти общественные регуляторы как преобразующую силу в решении стоящих перед ним задач.

По мере развития процесса адаптации, сопровождающегося познанием и усвоением связей, регулирующих отношения индивида в коллективе, происходит своеобразная идентификация его интересов с интересами коллектива, что создает благоприятные условия для развития социально-правовой активности индивида. Вхождение в коллектив обуславливает расширение и упрочение круга связей; взаимодействие личности с окружающими ее людьми приобретает регулярный и разносторонний характер.

Взаимодействие индивида с новой для него социальной средой осуществляется при постоянном обращении его к своим знаниям, прошлому опыту социально-правового поведения. Причем этот процесс сопровождается постоянным анализом новых для него требований коллектива, сравнением их со сложившимися у него прежними представлениями и установками на этот счет. Правовое

сознание индивида по своему содержанию может находиться на одном уровне измерений с сознанием коллектива, но может и существенно расходиться.

Это обстоятельство обычно служит объективной основой для столкновения интересов, целей и ценностных ориентаций индивида с доминирующими в коллективе установками и социально-правовыми требованиями. Возникающее в таких случаях противоречие преодолевается в ходе взаимодействия индивидуального правосознания с правовым сознанием коллектива. Происходит это не только и главным образом не столько за счет подавления собственных установок и пассивного приспособления к требованиям коллектива (хотя и это имеет место как определенный момент во взаимоотношениях с коллективом), сколько за счет сложного взаимопроникновения интересов, правовых ценностей трудового коллектива, с одной стороны, и личности — с другой.

Взаимопроникновение и соответствующая перестройка социальных ценностей и правовых установок, с неизбежностью происходящих в процессе адаптации личности в коллективе, составляет сущность процесса формирования правосознания. В поисках оптимального способа реализации целей своей деятельности у индивида возрастает активность, он начинает более свободно ориентироваться в системе организационных и нормативных связей.

Формирование правового сознания каждого из членов коллектива обусловлено системой общественных отношений и исторически определенной средой. А это означает, что нормативная система как внешний по отношению к индивиду фактор воздействует на него через посредство внутренних условий, в качестве которых выступают психологические характеристики и особенности его личности. Эффективность воздействия этих условий при этом определяется не самими нормами и нормативными организационными и правовыми связями, выступающими в качестве отдельно взятых и самостоятельных причин, а, прежде всего, причинами, преломляющимися сквозь призму окружающих индивида условий и специфических особенностей его внутреннего мира.

В современных условиях правовое регулирование человеческой деятельности все чаще и чаще начинает осуществляться за счет смещения центра тяжести в воздействии на поведение индивида, от внешних факторов к внутренним условиям, к сознанию и самосознанию.

Самосознание, обладая способностью подниматься до проникновения в истинные (обычно скрытые для постороннего наблюдения) мотивы собственного поведения, становится активным началом в развитии правового сознания личности. Осознание самого себя, своего места в системе коллективных и общественных отношений, своих собственных оценок нормативных предписаний обуславливает включение этих процессов в качестве необходимых составляющих механизма формирования правовых установок и убеждений каждого человека. Познание своего отношения к правовым нормам, протекая в условиях критического анализа своих действий и поступков, способствует утверждению позитивных элементов в правовом сознании индивида. При достаточно развитом самосознании индивид из объекта регулятивного воздействия со стороны коллектива и общества в целом превращается в субъект управления собственным поведением.

Вычленение внутреннего мира как своеобразного условия восприятия нормативного воздействия на сознание человека подчеркивает диалектическую связь между психологической структурой личности человека и внешними факторами, обуславливающими его деятельность в трудовом коллективе. Правосознание в этом случае возникает как синтез отражательной способности сознания и активного отношения индивида к социально-правовой реальности.

Такое понимание взаимодействия сознания индивида с нормативными регуляторами позволяет рассматривать сам процесс адаптации не как безусловное подчинение индивида условиям деятельности в коллективе, а как процесс формирования у индивида активной жизненной позиции, позволяющей ему не только овладевать условиями своей деятельности, но и оптимизировать, преобразовывать эти условия.

Содержание и уровень развития правового сознания индивида в определяющей степени зависит от того, что он сам в результате своего активного, деятельного отношения к социальной среде может взять от нее и что он принимает в качестве социально-нравственных и правовых ориентиров своей деятельности. Кроме того, наряду с теми стандартами и аспектами социально-правового поведения, с которыми человек сталкивается в процессе постоянного взаимодействия в коллективе, он усваивает еще и ценности, не связанные с ближайшим его окружением, с коллективом. Неоднородное по своей структуре социальное окружение предъявляет и индивиду подчас противоречивые, исключают друг друга требования. В подобных ситуациях при отсутствии у индивида жизненного опыта, способности к критическому осмыслению явлений, умения анализировать и давать правильную оценку собственным поступкам, он не в состоянии оказать сопротивлений возможному негативному влиянию.

Позитивно направленное правовое сознание формируется у индивида только такой коллектив, в котором характер производственных, социально-психологических отношений, организационно-правовых, формальных и неформальных связей и взаимодействий по своему содержанию соответствует характеру социально-экономической программы, поставленной перед данным коллективом. Конкретные задачи могут видоизменяться, но генеральное направление, заданное ему общественной системой на протяжении всего периода деятельности коллектива, должно оставаться неизменным. Только в том случае, когда повседневная жизнь трудового коллектива наполнена большим духовным смыслом, он успешно может выполнять свою функцию положительно направленного воздействия на правовое сознание индивида, формируя у него стойкие социально-правовые убеждения. Таким образом, процессы, связанные с включением индивида в трудовой коллектив, с овладением им наличными условиями деятельности в нем, имеют существенное значение для формирования правового сознания человека.

Особенно велико значение этих процессов в формировании правового сознания молодежи. Российское общество динамично по своей природе: изменяются социально-экономические условия труда и быта людей, преобразуется социальный облик различных групп и слоев населения. Все эти явления отражаются прежде всего на социальном облике современной молодежи. В самостоятельную жизнь в настоящее время вступает наиболее грамотное молодое поколение, имеющее высокую общеобразовательную и профессиональную подготовку.

Вместе с тем нельзя не видеть в молодежной среде и нежелательных явлений: беспокоят запоздалое гражданское становление и политическая наивность, иждивенчество и нежелание трудиться там, где это требуется обществу сегодня. Некоторым молодым людям свойственны непонимание и нежелание считаться с требованиями морали и российской законности, своего рода правовой нигилизм. В подавляющем большинстве правовые знания молодежи, как известно, не систематизированы, фрагментарны. Поэтому каждый молодой человек, особенно в период становления его личности, испытывает острую потребность в преодолении образовавшихся пробелов в знаниях. Эта потребность в значительной степени удовлетворяется за счет правовой информации, функционирующей в трудовом коллективе.

Принятые в обществе нравственные и правовые установления молодежь воспринимает в процессе общения с окружающей средой, в том числе со старшим поколением. Молодежь получает возможность впитывать лучшие традиции, нормы поведения, способствующие развитию ее социальной активности.

В процессе межличностного общения молодежь пополняет свои знания о праве и, как правило, организует свое поведение в соответствии с приобретенными знаниями. Однако при общении в коллективе молодые люди могут получать и такую информацию, которая содержит неадекватные взгляды и представления о праве и правовых явлениях. Образующийся при этом информационный дисбаланс молодежь, в соответствии со свойственной ей актив-

ностью, стремится преодолеть за счет получения дополнительной правовой информации. Источником дополнительных знаний о праве в таких случаях обычно выступают средства массовой информации (радио, телевидение, печать и т.д.).

Поэтому в современных условиях приобретает исключительное значение исследование таких, например, проблем:

1) принципы организации и функционирования правовой информации в российском обществе, взаимодействии различных средств правовой информации, эффективность каждого из них;

2) восприятие правовой информации и ее интерпретация в различных социальных слоях, профессиональных коллективах; соотношение правовой информации, функционирующей в коллективе, с информацией соответствующих институтов; отыскание более-менее приближенного к идеалу сопряжения этих двух видов информации и эффективность ее воздействия на сознание личности;

3) определение оптимального объема и содержания правовой информации, рассчитанной на различные социальные слои, в том числе и на молодежь.

Изложенным не исчерпывается значение общения в формировании и развитии правосознания молодежи. Определенный интерес, в частности, представляет выяснение роли общения в формировании правосознания молодежи в связи с исследованием закономерностей самоутверждения личности в коллективе. Эта проблема может стать предметом самостоятельного исследования. Здесь же следует только подчеркнуть, что возможности самоутверждения личности в нашем обществе обусловлены взаимодействием ряда объективных и субъективных условий. От того как реализуются эти условия в том или ином коллективе, зависит развитие процесса самоутверждения личности молодого человека.

Характер и особенности процесса формирования правового сознания в трудовом коллективе, осуществляющегося в процессе адаптации личности, делают необходимым (это очевидно даже на эмпирическом уровне наблюдения) целенаправленное воздействие на этот процесс.

В условиях трудового коллектива эта задача, как правило, решается посредством:

1) постоянного совершенствования принципов и методов управления производственной деятельностью членов трудового коллектива;

2) организации целенаправленного воздействия коллектива на правовое сознание работающих в нем членов коллектива.

1.4. ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ОЖИДАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Формирование правового сознания — сложный психологический процесс восприятия нормативно-правовых предписаний, своеобразно протекающий у каждого человека, имеющий подчас различные результаты. Чтобы оптимизировать этот процесс, сделать его более действенным и целенаправленным, необходимо располагать достоверной информацией о многочисленных переменных (внешних и внутренних условиях), опосредующих этот процесс, глубоко знать приемы, средства и методы достижения желаемых результатов. Нужно иметь научно обоснованную программу чисто дидактического содержания.

В правовоспитательной деятельности, а она является одним из направлений в деятельности государственных и общественных структур по формированию правового сознания, в настоящее время возникла своеобразная ситуация: с одной стороны, признается необходимость и эффективность правового воздействия на формирование личности, а с другой — отсутствует строгая теория, научно обосновывающая пути реализации имеющихся возможностей. Преодоление этой проблемной ситуации связано в первую очередь с определением и научным обоснованием целей и задач правового воспитания. Решение этих вопросов относится к числу первостепенных научных проблем формирования и развития правового сознания.

Система правового воспитания, как и любая другая система, в своем функционировании внутренне обусловлена особыми целями, которые предопределяют не только средства и методы достижения результатов правового воспитания, но и накладывают определенные ограничения на саму систему правового воспитания.

Правовое воспитание является частью более общей системы воспитания. Входя в нее в качестве составного элемента, решая общие задачи, стоящие перед воспитанием, правовое воспитание вступает в тесное взаимодействие с другими его видами — нравственным, эстетическим, политическим. Определение целей и задач правового воспитания, ожидаемых результатов в этих условиях означает не что иное, как определение его содержания, выявление пределов и параметров возможного воздействия на сознание и поведение личности. Без исследования и конкретизации ожиданий, задач и целей правового воспитания не могут быть определены объективные показатели уровня осознания и усвоения людьми отдельных правовых понятий, не может быть объективно оценена и эффективность деятельности по формированию правового сознания.

Значение этой проблемы для организации правового воспитания огромно. Это придает особую остроту вопросам научного поиска и обоснования целей правового воспитания, которые в полной мере еще не познаны наукой.

При определении целей и задач правового воспитания очень важно выявить методологические предпосылки решения этой проблемы. Правовоспитательная деятельность, как и всякая другая, есть целеполагающая деятельность. Но воспитание не представляет собой самоцели. Цели и задачи правового воспитания находятся, на наш взгляд, за пределами деятельности по правовому воспитанию. Их следует искать в системе тех целей и задач, которые предопределяют необходимость самого права как социального регулятора.

Основное предназначение права — регулирование общественных отношений (посредством воздействия на сознание и поведение людей). Эту свою основную функцию оно осуществляет в процессе своей реализации. В методо-

логическом отношении правовое воспитание представляет собой не что иное, как деятельность определенных общественных и государственных институтов (а иногда и отдельных лиц), направленную на создание оптимальных условий для реализации права, в процессе которого право осуществляет регулирование общественных отношений.

Понимание общих задач и целей правового воспитания как создание оптимальных условий для реализации правовых норм позволяет, с нашей точки зрения, глубже осознать всю сложность механизма восприятия права, более четко представить содержание самого правовоспитательного процесса, его место в системе других видов воспитания, их взаимозависимость и взаимообусловленность.

Чтобы цели, задачи и ожидания общества стали конкретным руководством в правововоспитательной деятельности, они должны быть выражены не только в общей форме (в виде ссылок на формулировки, содержащиеся в директивных документах), не только объяснены и проинтерпретированы на языке права, но и описаны, обоснованы в понятиях педагогики (дидактики) и психологии в виде конкретных требований к характеру и уровню правовых знаний, тех или иных их видов в сфере правореализующей деятельности.

В решении теоретических и практических проблем реализации нормативных актов ощущается необходимость унификации употребляемой при этом терминологии. Употребление таких семантических обозначений, как «осуществление», «исполнение», «соблюдение» следует в данном случае рассматривать как равнозначные понятия. Все они обозначают одну форму реализации права, которую целесообразно для краткости именовать «соблюдением права». Эта форма реализации закона обязывает участников общественных отношений неуклонно выполнять требования, предъявляемые к ним нормами права.

В действующем праве значительное количество правовых требований (уголовно и административно-правовых запретов) выполняется в этой, как бы пассивной, форме реализации права в форме «соблюдения норм пра-

ва». Для полной их реализации от индивида требуется только их соблюдение.

«Применение норм права» — это тоже форма претворения в жизнь нормативных предписаний государства. Она предусматривает (в отличие от первой) активную форму деятельности участников социально-правовой жизни общества. Здесь становится уже недостаточным одного пассивного соблюдения тех или иных правовых норм. При этой форме реализации права проявляется активная деятельность людей в борьбе как со всякого рода отступлениями от требований норм (правонарушениями), так и за реализацию задач, определяемых законодателем в принимаемых им нормативных актах. Эта форма реализации права предполагает активную организаторскую деятельность.

Следовательно, претворение в жизнь законов и других нормативных актов включает в себя как бы две формы деятельности участников правовой жизни нашего общества:

1) активную — применение норм права;

2) пассивную — их соблюдение. Деятельность по применению норм права своим содержанием богаче соблюдения как формы его реализации.

Эти две формы сложной и многозначной деятельности по претворению в жизнь нормативных требований общества к индивиду нельзя противопоставлять, отрывать друг от друга, их нельзя и отождествлять: каждая из них выступает самостоятельной формой реализации правовых предписаний.

В современных условиях в нашем обществе применение права расценивается как ведущая форма его реализации. Именно она свидетельствует о политической и социально-правовой активности человека.

Изложенное здесь понимание процесса реализации права предопределяет, на наш взгляд, структуру целей и задач правовоспитательной деятельности, поскольку инструментально она, как мы указывали выше, служит условием для реализации права.

Обеспечение реализации права как неуклонного соблюдения предписаний правовых норм и правовых институтов всеми гражданами независимо от их социального

положения, звания и занимаемой должности — это ближайшая задача правового воспитания (а следовательно, и формирования правового сознания). Формирование активной позиции личности в сфере реализации права, проявляющейся в форме применения его норм, выступает как задача второго порядка.

Деятельностный подход к определению целей правового воспитания позволяет преодолеть элементы излишней психологизации этого процесса. Безусловно, правовое воспитание преследует цель повышения уровня развития правового сознания людей. Однако всю свою деятельность в этом направлении общество и государство связывают прежде всего с организацией правомерного поведения. Право, его нормы обращены к воле и сознанию человека, но регулируют они не сознание, а поведение (через сознание). Правовое сознание как бы выполняет функцию передаточного механизма от права к поведению. Еще Гегель писал, что «человек должен выработать, произвести самого себя посредством выхода за свои пределы...»¹.

Внешнее поведение, тот или иной поступок индивида есть результат напряженной психологической (эмоциональной и интеллектуальной) деятельности. В отношениях между людьми ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. Связи между целеполагающей деятельностью и внешним поведением человека характеризуются как многосторонние. Поведение как продолжение и итог внутренней деятельности может пребывать в состоянии полного единства с ней или же, наоборот, находиться в состоянии полного или частичного противоречия.

Индивид утверждает себя в окружающей социальной среде (обществе или коллективе) в основном не посредством трудно уловимого, психологического отношения к ее требованиям, а «посредством выхода за свои пределы» (Гегель), т.е. прежде всего за счет выражаемых во вне поступков и действий.

¹ См.: Гегель Г. Соч. в 8 т. — М.—Л., 1934. — Т. VII. — С. 41.

Это дало возможность К. Марксу, исследовавшему проблему взаимоотношения личности и функционирующей в обществе системы права, утверждать, что право регулирует лишь внешнее поведение индивида в его отношениях с подобными ему и обществом в целом, что индивид подвластен законодателю (государству) лишь постольку, поскольку он проявляет себя во вне. «Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия — это единственная область, где я сталкиваюсь с законом, ибо действие — это единственное, для чего я требую права существования, права действительности и в силу чего я, таким образом, попадаю под власть закона», — писал К. Маркс в ранних своих произведениях.

Мы полностью привели эту известную мысль, поскольку она, как никакая другая может служить, на наш взгляд, методологическим обоснованием изложенной выше иерархической структуры целей правового воспитания.

Общество (а равно и государство) заинтересовано в определенном порядке поведения и деятельности людей. Формула — «помимо своих действий я совершенно не существую для закона...» — отражает, с одной стороны, объективную потребность именно в таком порядке действий, т.е. в действиях подзаконных, а с другой — указывает на пределы возможного контроля за деятельностью людей.

В нормах права, с которыми законодатель обращается к гражданам, в диспозициях этих норм (в положительной, негативной или ограничительной форме) всем участникам общественных отношений задается определенная модель правового поведения, а не правового мышления. Конструируя эту модель, законодатель исходит из соответствующей меры, масштаба, служащих основным индикатором правомерности поведения.

Разнообразие путей, ведущих к соблюдению права, достигаемому в результате правовоспитательного воздействия на сознание и поведение людей, объясняется спецификой

мотивов, в структуре которых, несмотря на их разнообразие, можно выделить по крайней мере два ведущих комплекса:

1) соблюдение права по мотивам солидарности с требованиями его норм;

2) соблюдение права, совершение правомерных действий, несмотря на непринятие его требований.

Каждый из этих комплексов характеризуется (в реальной действительности) различной степенью выраженности, но в целом они представляют ведущую линию в мотивах, обуславливающих соблюдение права (совершение правомерных действий).

Для подавляющего большинства людей, принимающих предписание правовых норм как оптимальный вариант поведения, согласованность собственных поступков с требованием законодателя является вполне закономерным явлением, сам процесс следования праву отвечает их внутреннему состоянию, их потребностям.

В обосновании целей и задач формирования правового сознания, а также ожиданий общества в этой сфере деятельности особого внимания заслуживает случай, когда индивид, несмотря на непринятие (полное или частичное) тех или иных норм права, все же поступает в соответствии с их требованием. Большей частью это происходит в силу его стремления избежать нежелательных последствий, наступающих при нарушении правовых предписаний.

Формирование личности в значительной степени предопределяется развитием ее мотивационной сферы. Важное значение при этом имеет возникновение таких мотивационных структур, которые, по мнению психологов, позволяют произвольно подчинять индивиду все свои непосредственные побуждения. Эта структура дает субъекту возможность управлять своим поведением, быть относительно независимым от влияний, возникающих ситуативно, или принимать решения, расходящиеся с его собственными убеждениями и подлинными намерениями.

И если происходит подавление собственных «неправомерных намерений», за которым следует решение о выполнении требований права, хотя и по мотивам нежела-

ния наступления негативных последствий (в случае нарушения его норм), то воспроизводство индивидом правомерного акта в таких случаях следует рассматривать как осуществление ближайших целей (первого порядка) правовоспитательного процесса.

В правовом воспитании важно добиться соблюдения правовых предписаний, а стимулом может быть не только совпадение правового требования с интересами индивида (это идеальный случай), но и боязнь ответственности за нарушение права. Коль скоро индивид повинуется праву, его воля в конечном итоге проявляется как воля с положительно направленным содержанием. Нежелание наступления негативных для индивида последствий выступает в качестве мотива совершения правомерных действий и превращается в силу, побуждающую в конечном итоге усваивать и принимать ценность права, его требования.

Конечно, убеждение в этом случае выступает еще не как устоявшийся мотив правомерного поведения, не как личностное убеждение, но оно функционирует в сфере сознания индивида как эталонный механизм, при помощи которого он оценивает свои действия и поступки. Реализуя требования права, индивид корректирует «свои правила жизни» в соответствии с нормативными предписаниями.

В обычных, и в особенности в конфликтных ситуациях, могут встретиться различные стремления «обойти» закон, различно и влияние сдерживающих (контрольных) средств. Но в этих и других случаях в сознании индивида происходит процесс оценки и соизмерения ценностей, определяющий поведенческую программу. Воспроизводимое при этом правомерное поведение выступает как опосредствующее звено, которое связывает нормативные регуляторы с практическими результатами, к которому стремился законодатель. Правда, по своим качественным параметрам правомерное поведение, совершаемое по мотивам нежелания наступления негативных последствий, уступает поступкам, совершаемым в силу солидарности с требованиями правовых норм (оно, например, в меньшей степени устойчиво,

стабильно). Тем не менее такие действия составляют существенную сторону правового порядка в обществе.

Реализуя свои ближайшие цели и задачи, правовое воспитание на данном уровне в большей своей части выполняет функцию контрольно-предупредительного воздействия, создающего определенные гарантии против возможных отклонений от заданной модели поведения.

Во все времена (правда, с различным успехом) общество вело борьбу с теми, кто не желал подчиняться установленным нормам поведения, и тем не менее проблема отклоняющего поведения еще не снята с повестки дня; отсюда роль и значение ближайших целей правового воспитания, выполняющего функции формирования правового сознания.

В современном обществе усложняются общественные отношения и связи, возрастает мобильность социальной деятельности; индивиду на протяжении в общем-то незначительного периода времени приходится осваивать новые, все более сложные социальные роли, ценности и программы поведения, соответствующие требованиям тех или иных норм права.

В этих условиях растет значение организованной деятельности, возникает необходимость в подчинении общепринятому стандарту поведения, который как бы избавляет от необходимости каждый раз заново начинать поиски решений и поступков, позволяющих оптимально сочетать общественные и личные интересы, уменьшает неопределенность социальной информированности субъекта и в итоге облегчает его жизнедеятельность, сокращает социальные и личные издержки (время, энергию, материальные средства и др.). Следовательно, обогащаются возможности для развития сугубо индивидуальных нестандартных проявлений личности.

Стандартизация поведения в пределах действующей (функционирующей) законности неизбежна и, как видим, объективно необходима. Общество заинтересовано в развитии этой полезной стороны социального конформизма в поведении своих граждан. Решить эту задачу в масштабах всего общества оно может, лишь организовав право-

воспитательный процесс, поставив перед ним в качестве ближайшей цели обеспечение всеми гражданами неуклонного соблюдения установленных в законодательном порядке соответствующих нормативных предписаний. Правовое воспитание на этом уровне призвано обеспечить овладение каждым гражданином самой идеей законности. Право в своем действии суверенно и непререкаемо. Понимание и усвоение именно этой стороны в его функционировании и составляет ближайшую цель всей системы формирования правового сознания. Более высокая цель состоит в формировании активной позиции в правореализующем процессе, отражающемся в деятельности по применению права российскими гражданами.

Сформировавшиеся в результате достижения первоначальных целей правового воспитания личностные установки индивида становятся как бы отправными в определении объема и меры его активности в правореализующей деятельности. Лицо, не научившееся соблюдать право (во всех случаях и жизненных ситуациях), не может и вести борьбу за право. Именно борьба за право, за укрепление законности характеризует содержание социально-правовой активности.

Социально-правовая активность — это не только уважение права, но и переживание самого состояния права. Понимание его требований, социальной ценности права, усвоения его истин является настолько глубоким, что индивид испытывает крайнюю неудовлетворенность его нарушением, от кого бы это нарушение ни исходило и чьи бы интересы ни затрагивало.

При реализации правовых норм в форме соблюдения их требований интерес, определяющий правомерное поведение индивида, может затушевываться множеством привходящих социально-психологических явлений и действующих механизмов. При реализации же индивидом права в форме его применения мотивирующее значение общественного интереса как побудительной силы, определяющей правомерное поведение, раскрывается в полной мере, выдвигаясь как бы на первый план.

В полном осуществлении субъективных прав и обязанностей заинтересована не только та или иная личность,

но и общество в целом, поскольку это соответствует объективному ходу развития общественных отношений, урегулированных правом. Но если индивид, добываясь в активной форме реализации своих прав, исходит при этом из мотивов только личной заинтересованности, то в этих случаях вряд ли можно говорить о правовой активности в описанном выше понимании этого феномена.

Правовое воспитание имеет внутреннюю логику собственного развития, состоящую в том, что реализовать свою высшую цель — формирование подлинной активности личности в праворегулирующем процессе — оно может, лишь преодолев собственные пределы своего развития, вступив во взаимодействие с другими видами воспитания и прежде всего с нравственным (в этом и состоит диалектика развития правовоспитательного процесса). Взаимодействие этих двух видов воспитательной деятельности, преобразование первой во вторую связано с взаимодействием нравственного и правового сознания, осуществляющегося в процессе освоения индивидом социальной действительности.

Право, его нормы предусматривают наиболее рациональные (с точки зрения общества) формы поведения участников общественных отношений. В правовых нормах зафиксированы образцы поведения, содержащие в качестве своей внутренней характеристики определенный этический минимум требований к поведению участников социальных связей и отношений. Реализация права в форме соблюдения его норм, как правило, осуществляется в пределах этого этического минимума. Правомерное поведение в этих случаях осуществляется преимущественно под регулирующим воздействием правового сознания.

Если же действия по реализации нормативных предписаний выходят за пределы формальных требований закона, в особенности тогда, когда реализация его предписаний не является непосредственной обязанностью индивида или реализация предписаний связана с дополнительными усилиями (затраты времени, энергии и т.д.), тогда они (действия индивида) приобретают чисто нравствен-

ное содержание: поступки индивида, направленные на борьбу за претворение в жизнь закона, начинают оцениваться в понятиях и категориях нравственности.

Однако более строгий анализ правореализующей деятельности заставляет нас признать, что и соблюдение норм права является в определенной степени активной деятельностью, поскольку правомерное поведение (в большинстве случаев) есть выраженное во вне действие. Однако мера активности здесь явно ограничена требованиями этического минимума, содержащегося в самом законе. Критерий должного в поведении определяется здесь самим законом. Это дает нам основание утверждать, что соблюдение норм как форма реализации права выступает как деятельность, характеризующаяся наличием определенных признаков формального отношения индивида к реализации требований правовых предписаний.

Поэтому организация поведения, которое только бы соответствовало правовым нормам (и этим ограничивалось), не может быть квалифицирована как стратегическая задача правового воспитания.

Правовое воспитание в качестве своей стратегической задачи, как нам представляется, призвано решать проблемы, связанные с формированием такого отношения к закону, которое обеспечит индивиду в его деятельности по реализации права выход за верхние пределы этого этического минимума, содержащегося в законе. Это более сложная задача, но она в условиях демократического общества вполне реальна.

Как целостная и динамическая система российское общество на данном этапе своего развития ориентируется на личность, обладающую не только высокоразвитым политическим, нравственным и правовым сознанием, но и в высшей степени развитыми деловыми качествами, высокой организованностью. Всестороннее развитие личности должно охватывать не только сферу сознания, но и деятельную сторону, в особенности в сфере применения права.

Нетрудно заметить, что в обосновании целей правового воспитания мы исходим прежде всего из единства внут-

ренных, психологических комплексов личности и ее поведения, но не всегда и не во всех случаях и ситуациях можно найти одномерную и жесткую связь между этими двумя видами деятельности индивида. При оценке личности, действующей в социально-правовой сфере, мы, безусловно, должны исходить не только из ее внешнего проявления. Мы должны помнить также, что поведение в своей совокупности, за небольшим исключением, выступает и как внутреннее содержание самой личности. «Ряд поступков субъекта, это и есть он», — писал Гегель¹. К. Маркс эту характеристику личности перенес на всю жизнедеятельность людей, усматривая в этом закономерность развития общественных отношений. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами», — подчеркивал он. Деятельно-поведенческая характеристика личности имеет существенное, определяющее значение и смысл как для предметно-практической деятельности в сфере правовых отношений, так и для определения содержания задач в сфере направленного формирования правового сознания.

При таком подходе мы можем получить более полное представление о личности как субъекте правореализующей деятельности; это дает нам представление также и о возможностях самого процесса формирования правового сознания (правового воспитания).

Особенность формирования правового сознания посредством социально обусловленной правовоспитательной деятельности состоит в том, что она с необходимостью проявляется как процесс органического единства правового воспитания с правовым обучением.

Как в общей, так и в правовой педагогике воспитывать, не обучая, невозможно. Стремление организовать правовое воспитание вне правового обучения влечет за собой на практике подмену его другими видами воспитания. Вместе с тем единство процесса воспитывающего обучения не означает тождества его составляющих.

Это обязывает нас к содержательному анализу каждого из них. Сформулировать основные дидактические принци-

пы правового воспитания — значит выразить их в виде конкретных требований к уровню и характеру правовых знаний, сообщаемых гражданам в процессе их воспитания.

Проблемы, связанные со способами вооружения обучающихся знаниями, с соотношением знаний и деятельности в общей педагогике, относятся к числу важнейших проблем воспитания. От того или иного их решения во многом зависит содержание самого воспитания, его методов.

Известно, что в прошлом в системе общего образования наблюдался определенный разрыв между получаемыми знаниями и формированием необходимых навыков практической деятельности (труда). Стремление преодолеть этот разрыв привело к неоправданной концентрации знаний вокруг различных видов труда. Устранив впоследствии такое несоответствие, дидакты снова встали перед проблемой разрыва между усвоением знаний и их применением: знать и воспроизвести полученные знания еще не означает умения их применить в практической деятельности. Выход из создавшегося положения педагогов и психологов видят в установлении необходимых связей между получаемым знанием и деятельностью. В любом знании опредмечен социальный опыт, запечатлена предшествующая деятельность человека. Чтобы совершить действия, адекватные полученным знаниям, необходимо распределить эти знания. В этом и состоит диалектика связи обучения с деятельностью индивида.

Эти выводы и положения еще в большей степени относятся к сфере правового воспитания. В правовом воспитании, основывающемся также на дидактических принципах, правовые знания выступают как системообразующие связи с формированием правового сознания индивида. Хотя в правовоспитывающем обучении усвоение знаний является задачей частной (оно здесь выступает лишь как момент воспитания), тем не менее без знания права не может осознанно совершиться даже простейшая правомерная акция, т.е. правомерное поведение на уровне соблюдения требований правовых норм, не говоря уже о более высоком уровне реализации права, когда она осуществляется в форме его применения.

¹ Гегель Г. Соч. — Т. VII. — С. 41.

Мы уже отмечали, что без знания права не может быть и его осознания. Вопрос в том, в каком объеме необходимо вооружить индивида правовыми знаниями в процессе его воспитания?

В литературе в свое время было высказано мнение, что при все возрастающем объеме нормативных актов, регулирующих различные сферы общественной жизни, невозможно, чтобы каждый гражданин знал все положения функционирующего в обществе законодательства. Эту проблему, видимо, в однозначном порядке решить нельзя — объем правовой информации, адресуемой объекту воспитания, определяется многими обстоятельствами. Но совершенно очевидно, что данная дидактическая задача должна решаться прежде всего с учетом целей правового воспитания, точнее, с учетом иерархической структуры этих целей, о которой шла речь выше.

При реализации в правовом воспитании целей первого уровня (обеспечение соблюдения предписаний правовых норм) каждый индивид должен обладать, по-видимому, таким объемом правовых знаний, который позволил бы ему отличить «право» от «не-права», т.е. правомерное действие от правового нарушения, дисциплинарный (или административный) проступок от преступления. У индивида должны сформироваться знания, позволяющие ему понять и осознать инструментальный характер права, овладеть самой идеей права. Если говорить о глубине этих знаний, то они должны быть сформированы (усвоены) на уровне понимания необходимости и справедливости права, когда доверие к праву выступает как сила, побуждающая индивида действовать не иначе, как в соответствии с его требованиями, соблюдая при этом все его конкретные нормы.

Доверие к праву как особое духовное состояние индивида заключает в себе синтез неполного, неглубокого знания о правовых реалиях и полного доверия со стороны индивида к такого рода знаниям. Доверительное отношение к праву возникает у индивида, когда он, отражая в своем сознании правовую действительность в виде соответствующих идей и представлений, приходит к выводу о несоответ-

ствию реально функционирующих норм права со сложившимися у него представлениями о них. Участвуя в право-реализующем процессе, индивид в этих случаях отдает предпочтение реально функционирующим нормам права.

Доверие к праву, предопределяющее устойчивую настроенность индивида на соблюдение норм права, не слепая вера в него, поскольку в содержании правового сознания уже на этом уровне наличествуют в определенном объеме мировоззренческие компоненты, предопределяющие всегда и во всех случаях правомерную линию в его поведении, выступающие своеобразным внутренним барьером против самой мысли о возможном отклонении от требований норм права. Доверие основывается здесь на убеждении и практическом (эмпирическом) подтверждении разумного (в рамках закона) поведения.

Формулируя дидактические задачи правового воспитания, вытекающие из ближайших целей правового воспитания, мы охарактеризовали лишь минимальный уровень, обеспечивающий индивиду возможность соблюдения требований правовых норм. Однако умение распознать право — это лишь начальное звено в знаниях, обуславливающих реализацию права в этой форме.

Следующий уровень — знание общих принципов права. В них не только закреплены основополагающие начала государственного и общественного устройства российского общества, но и отражены, как правило, интересы каждого человека. Поэтому стабильность в соблюдении закона достигается лишь при глубоком усвоении общих принципов права.

Можно встретить утверждение о том, что при организации правового воспитания в том или ином коллективе необходимо исходить из конкретных условий и уровня соблюдения требований законности в коллективе. Это справедливо лишь постольку, поскольку деятельность по формированию правового сознания, как и всякая другая воспитательная деятельность, должна иметь строго направленный характер.

Однако организуя правовоспитательные мероприятия, следует исходить из установившейся структуры задач и целей правового воспитания. Не следует забывать, что деятельность по правовому воспитанию должна быть ориентирована не только на предупреждение конкретных нарушений в коллективе. Акцент на этой стороне правовоспитательной деятельности является свидетельством упрощенного понимания проблемы, следствием ошибочного понимания целей правового воспитания, а следовательно, и дидактических задач, вытекающих из этих целей.

Задача заключается здесь не в том, чтобы отговорить правонарушителей от совершения правовых нарушений, а в том, чтобы соблюдение ими закона сделать сознательным и в связи с этим более автономным, не зависящим от состояния внешнего социального контроля, от случайных факторов и влияния микросреды.

При реализации ближайших целей правового воспитания содержание правового обучения и воспитания должно строиться таким образом, чтобы преодолеть жесткую привязанность к определенному, конкретному знанию права, подчиненному конкретной задаче. Необходимо ввести в содержание этого процесса лишь такие правовые знания, которые являются общей основой для программирования правомерного поведения. На данном этапе главным является, как мы уже указывали, овладение самой идеей законности, которая может и должна идти впереди конкретных принципов воплощения этой идеи.

В системе социальных видов деятельности роль знания огромна. И чем сложнее деятельность, тем большее значение приобретают опосредованные способы ее передачи с помощью знаний, тем значительнее роль самих знаний. С усложнением любого вида социальной деятельности растет и объем необходимых знаний.

Применение права как форма его реализации по своему содержанию сложнее, богаче соблюдения права. Поэтому формирование активной деятельности по реализации нормативных предписаний как достижение более высокой цели в формировании правового сознания требует

включения «в оборот» и более значительных по объему, и более глубоких по содержанию правовых знаний, чем при соблюдении права.

Содержание правовых знаний всецело определяет здесь внутреннюю организацию деятельности по применению права. Отсутствие необходимых в этих случаях знаний может служить серьезным препятствием в развитии социально-правовой активности личности. Поэтому крайне важно в процессе формирования правового сознания (при реализации более высоких его целей) вооружить людей правовыми знаниями, необходимыми для осуществления их профессиональной и общественно-политической деятельности, для полного и всестороннего использования своих прав и выполнения обязанностей в семье, быту, трудовом коллективе, в сфере политической жизни общества. Каждый индивид на этом уровне правового воспитания должен получить знания, позволяющие ему проникнуть в сущность правовых явлений, постичь значение и роль правовых средств и методов в решении задач, стоящих перед людьми в деле политического, хозяйственного и культурного строительства.

Следовательно, реализация более высоких целей правового воспитания требует значительной концентрации правовых знаний вокруг определенных видов деятельности, таких, например, как деятельность по укреплению общественного порядка, по дальнейшему развитию демократических начал государственной и общественной жизни в нашей стране.

Как видим, в процессе правового воспитания, осуществляемого с помощью средств и методов, основывающихся на дидактических принципах, решается целый спектр задач, связанных с вооружением граждан соответствующими правовыми знаниями. При этом разнообразие дидактических задач предопределяется как целями, так и средствами (методами) самого правового воспитания.

Однако было бы крайне ошибочными сводить эти средства и методы только к правовому обучению. Ценность дидактических средств и методов правового воспитания

(а оно не является в этом смысле исключением) в том, что они позволяют определить пути, ведущие к преобразованию самого процесса усвоения правовых знаний в правомерную деятельность, делают возможным при соответствующих условиях органически слить правовые знания с деятельностью.

Благодаря этим методам, усвоение правовых знаний и их применение в правореализующей деятельности становятся двумя сторонами единого процесса. В качестве условия превращения знаний в правомерную деятельность выступает формирующееся в процессе правового воспитания отношение индивида к праву, к получаемой о нем информации (знаниям о праве).

Система правового воспитания, формирующего правовое сознание, не будет целесообразной (эффективной), если в качестве системообразующей связи с процессом формирования правового сознания будут выступать только правовые знания. Целью каждого вида социальной деятельности, помимо передачи определенной суммы знаний, является формирование ценностного отношения к тем объектам общественного бытия, которые составляют содержание того или иного вида деятельности. В деятельности, связанной с правовым воспитанием, основывающимся на принципах дидактики, отношение также становится его основной переменной.

Достигнутый в процессе воспитания уровень отношений к праву как к ценности и определяет уровень достигнутых целей правового воспитания, определенную меру в деятельности по реализации права — соблюдение или применение права.

Мы довольно подробно остановились на проблеме обоснования целей правового воспитания (формирования правового сознания), исходя не только из значения этого вопроса для построения теоретической и практической модели правовоспитательного процесса и методологического обоснования эмпирического изучения правового сознания. Дело и в том, что в литературе до сих пор еще нет единого понимания целей и задач правового воспитания. О тен-

денциях к излишней психологизации процесса правового воспитания, отмеченных в некоторых публикациях, мы уже вели речь выше. Есть и другая тенденция — попытки представить формирование правового сознания и правомерного поведения, охватываемые процессом правового воспитания, как самодовлеющие процессы.

Представляется, что в процессе правового воспитания осуществляется единая по своей сущности задача формирования высокоразвитого правового сознания и соответствующего этому сознанию поведения. Однако уровень решения этой задачи, как мы видели, различный. Как нельзя в реальной жизни отделить сознание человека от его поведения, так и при теоретической конструкции целеполагающего правовоспитательного процесса нельзя их (сознание и поведение) отрывать друг от друга и рассматривать их в качестве самостоятельных целей правового воспитания.

Формирование правового сознания и правомерного поведения — единый и взаимообусловленный процесс, развивающийся и заканчивающийся на различных уровнях. Насколько уровень правового сознания адекватен ожиданиям общества, можно судить лишь на основе эмпирического анализа этого явления.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ И УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

В предыдущем разделе нами были освещены некоторые положения, связанные с определением понятия правового сознания, выявлением специфических черт и особенностей данного явления духовной жизни, исследованием основных закономерностей его формирования и развития и т.д. Как ни велика роль концептуальных схем, теоретических выводов и положений в познании духовного мира человека, подлинное познание этого явления возможно лишь на пути органического единства теоретического и эмпирического анализа.

Оставляя в стороне проблему сложного взаимодействия этих двух направлений в изучении правового сознания, отметим здесь лишь одно обстоятельство: хотя теоретическая концепция правового сознания и выступает в качестве некоего организующего начала в его эмпирическом исследовании, последнее в определенном смысле является самостоятельной фазой движения научной мысли, направленной на приращение знания о данном феномене. Гносеологическое значение этой фазы весьма велико, поскольку лишь на эмпирическом уровне функционирования правового сознания становятся доступными для изучения все его связи и опосредования.

2.1. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Значимость любого эмпирического исследования, в том числе и правового сознания, обуславливается тем или иным

уровнем решения методологических проблем, возникающих перед организаторами этого исследования. Однако отмечая всю важность методологического обоснования, не следует забывать, что его успех во многом определяется эффективностью методического обеспечения самого процесса эмпирического изучения. Перед исследователем постоянно и неотвратно возникает проблема перехода от постановки задач и определения гипотез исследования к выбору адекватных методов сбора социологической информации и обработки ее с помощью наиболее эффективных приемов и методов на компьютере.

По своему содержанию, целям и задачам исследование социальных аспектов правового сознания следует отнести к тем эмпирическим исследованиям, которые, как правило, связаны с выявлением зависимостей обобщенного, универсального характера. Значение подобного рода исследований как для дальнейшей разработки теоретических проблем правового сознания, так и для практики организации самого процесса формирования правового сознания в обществе имеет неопределимое значение. Между тем практика организации и проведения таких исследований еще не велика. И это, естественно, обостряет проблему поиска адекватных эмпирических методов.

Познавательная деятельность, как правило, состоит из таких элементов (стадий), как разработка методологических принципов, понятийного аппарата, применение определенных методик, набора соответствующих процедур исследований и т.д. Логика самого научного познания обуславливает внутреннее единство и упорядоченность этих элементов. Но с другой стороны, эти элементы могут приобрести, и приобретают на самом деле, известную самостоятельность, и в качестве таковых они могут составить содержание (полностью или частично) какой-либо другой системы научного познания. В определенной степени это можно отнести и к исследованию правового сознания, поскольку оно выступает как соответствующая система эмпирических знаний об определенном явлении общественной жизни.

Объем работы не позволяет подробно изложить тактическую линию осуществления программы эмпирического

исследования правового сознания. Мы остановимся лишь на некоторых особенностях применения тех методов получения эмпирической информации, которые как в теории, так и в практике социологических исследований квалифицируются в качестве основополагающих. Речь в данном случае идет о выборе объекта социологического наблюдения, методе анализа первичных документов в социологическом опросе. Представляется, что эмпирическое изучение проблемы отношения между научно-теоретическим и обыденным правосознанием целесообразнее всего проводить относительно системы связей и отношений, складывающихся в процессе трудовой и общественно-политической деятельности людей в трудовом коллективе. Это обусловлено целым рядом причин, важнейшие среди которых следующие.

Труд — это сложный социальный феномен, порождающий целую гамму отношений, как материальных, так и духовных. В спектре вторичных, т.е. духовных отношений, возникающих на данном этапе развития общественного труда, ведущее место занимают отношения, возникающие на базе нравственных и правовых норм. Определяющее место в развитии отношения индивида к труду принадлежит сознанию, формирующемуся и развивающемуся на основе этих отношений, т.е. правовому сознанию.

В производственном коллективе индивид включается в систему многообразных социальных связей с различными социальными институтами и формальными организациями, государством и обществом в целом. Все эти связи так или иначе регулируются многочисленными правовыми нормами, вытекающими из основных принципов российского законодательства. Изучая отношение индивида к труду, выясняя роль и значение правового сознания в этом процессе, мы можем получить также представление об отношении его к основополагающим принципам права, направленным на укрепление и сохранность собственности, дальнейшее развитие и совершенствование государственного и общественного строя.

Каждый индивид включается в процесс трудовой деятельности с определенными мнениями, взглядами, знани-

ями и отношениями по поводу его прав и обязанностей, целей и задач трудового процесса, т.е. с определенными социально-правовыми установками. В связи с этим в трудовом коллективе мы можем наблюдать различные по содержанию социально-правовые установки (что представляется маловероятным при изучении обыденного сознания на макроуровне). Только на основе всестороннего учета отношения к праву и его нормам мы можем определить реальное состояние и уровень функционирующего правосознания в производственном коллективе.

Обширная информация, достаточно важная для социологических исследований, в принципе может быть получена из документов, которые есть на каждом предприятии. Различные статистические отчеты, сводки, таблицы дают возможность получить сжатые, концентрированные сведения, обобщающие большое количество фактов и обладающие высокой степенью достоверности. Эти документы составлены уполномоченными на то людьми (как правило, в соответствии с безличными инструкциями) и являются источником достаточно объективных сведений. Поэтому метод анализа документов довольно широко используется в социологической практике.

При изучении правового сознания трудового коллектива этот метод также не исключен. Проводя исследование правового сознания наемных работников на московских предприятиях, мы широко использовали соответствующую документацию производственных коллективов, материалы административных и общественных организаций, статистических органов, правовую статистику и т.д. Опыт, однако, свидетельствует, что в подобного рода исследованиях метод анализа первичных документов, несмотря на соблюдение всех требований его проведения, не в состоянии дать нам всю необходимую информацию. Относится это, в частности, к использованию и анализу статистических материалов административных органов.

Право — особое социальное явление в том смысле, что оно «проникает» во все сферы социальной жизни, регулирует их. В какую бы область общественной жизни ни включался индивид, он с необходимостью взаимодействует с

различными нормами права. Результатом этого является формирование определенных социально-правовых установок, составляющих в своей совокупности правовое сознание индивида, группы того или иного социального слоя.

Деятельная сущность человека предопределяет проявление его правосознания в многочисленных жизненных ситуациях. Причем факты проявления имеют не случайный, а устойчивый характер. Однако, несмотря на массовость их проявления, эти факты остаются труднодоступными для статистического наблюдения. Так, без особого труда можно в конкретном случае обнаружить связь между правовым сознанием и такими явлениями, скажем, как оказание материальной помощи престарелым родителям или несовершеннолетним детям. В этом случае отношения родителей и детей характеризуются не только нравственными критериями, но являются выражением определенных социально-правовых установок. Однако в случае добровольного оказания помощи эти факторы проявления правосознания остаются за пределами социальной статистики.

Мы сослались лишь на один пример, но в реальной жизни подобные случаи (проявления позитивно-направленного сознания) встречаются очень часто. По логике вещей эта обширная сфера проявления правового сознания должна стать предметом исследования уже хотя бы потому, что знание о ней необходимо для сравнительного анализа, выявления качественных характеристик изучаемого явления. Невозможность с помощью статистики отразить обширнейшую сферу проявления правового сознания снижает ее (статистики) возможность как источника информации об исследуемом предмете.

Это одна из причин, в силу которых данные правовой статистики не могут безоговорочно рассматриваться как единственный источник информации о состоянии и уровне правового сознания.

В сферу социальной статистики попадают, как известно, лишь такие факты проявления правового сознания, которые свидетельствуют об отклоняющемся поведении индивида. Вместе с тем действующая в настоящее время

система регистрации отклоняющегося поведения еще далека от совершенства (она к тому же находится в ведении различных ведомств). В настоящее время ощущается острая необходимость в создании единой государственной статистики, которая была бы выражением более глубокого, социологического подхода к изучению динамики и выявлению причин правовых нарушений, а не ограничивалась лишь регистрацией фактов уголовно-правового характера и некоторых явлений в сфере трудовой и гражданско-правовой деятельности. Создание такого уровня статистики позволило бы более адекватно судить о соблюдении требований правовых норм в различных сферах деятельности и в различных социальных группах людей, а следовательно, о содержательных характеристиках их правового сознания.

При анализе правового сознания трудового коллектива бывает крайне необходимо иметь информацию о степени распространения тех или иных правовых отклонений, ибо их частота свидетельствует об определенной неразвитости правового сознания отдельных членов коллектива.

Такая информация очень важна, но недостаточна. Основная задача заключается не только (и не столько) в том, чтобы выяснить, какие и с какой частотой нарушаются те или иные социально-правовые нормы в коллективе. Важнее узнать, с какой целью, с какими мотивами это делается. Без знания этих обстоятельств невозможно выявить ни типологической характеристики правового сознания членов коллектива, ни наметить конкретные меры по организации и проведению целенаправленной правовоспитательной работы.

Поэтому второй причиной, в силу которой о состоянии правового сознания нельзя судить лишь на основании показателей правовой статистики, является то обстоятельство, что она учитывает факты отклоняющегося правосознания только с объективной стороны; субъективная же сторона, мотивы остаются за пределами статистического наблюдения.

Важность этого положения становится более очевидной, если учесть, что часть правовых нарушений имеет

латентный характер. Поэтому никакая, даже самая совершенная статистика, не в состоянии представить нам подлинную картину развития правового сознания, мотивов правомерного или неправомерного поведения.

Возможность получения концентрированных и достоверных сведений о большом количестве фактов и событий правового характера, значительно меньшая трудоемкость сбора информации с помощью метода анализа первичных документов делает этот метод на первый взгляд весьма привлекательным и в ряде случаев предпочтительным. Однако приступая к изучению правового сознания, всегда надо помнить о предмете своего исследования: и когда исследователь работает с данными социально-правовой статистики, и когда в поле зрения оказываются другие документы, такие, скажем, как письма, заявления работающих в коллективе.

В письмах, с которыми они обращаются в различные государственные и общественные организации, в печать, радио, телевидение, они высказывают самые разнообразные предложения и рекомендации, направленные на улучшение деятельности их коллективов. Письма и заявления зачастую содержат обширную информацию о состоянии соблюдения законности в деятельности коллектива, о состоянии и уровне правового сознания его членов.

Такого рода документы могут и должны стать предметом социологического анализа. Но работая с ними, анализируя и интерпретируя полученные данные, социолог должен, на наш взгляд, исходить из допущения того факта, что документы (в особенности заявления и жалобы) могут отражать определенную систему взглядов, пристрастий заявителя, благодаря чему он при описании различных событий вычленяет только те аспекты, которые его больше всего интересуют, и оценивает их со своей, достаточно субъективной, точки зрения. Такого рода двойные смещения (в описании ситуации и ее оценке) встречаются довольно часто.

Применяя другие методы анализа социальных аспектов правового сознания, скажем, социологический опрос, исследователь может также встретиться с существенными

искажениями информации, вызываемыми разными причинами. Но в этих случаях социолог располагает возможностью (с помощью применения дополнительных процедур, шкал, прожективных тестов и т.д.) уменьшить количество, величину и степень искажения. При работе исследователя с документами такой возможности у него нет.

Работая с письмами, заявлениями и жалобами, исследователь испытывает постоянные трудности в проведении целенаправленного изучения правового сознания граждан. Если, например, в процессе теоретического анализа проблемы исследователь выделил целый ряд гипотез, подлежащих проверке, и систему переменных, по которым должна быть собрана эмпирическая информация, то тем самым он определил характер необходимых сведений, которые он мог бы получить в процессе эмпирического исследования. Для получения необходимых ему сведений он может по-разному изменять содержание вопросов и состав выборки (например, при применении метода анкетирования или интервьюирования), в определенной степени изменить совокупность лиц и набор ситуаций, подлежащих исследованию.

Все это дает ему широкую возможность маневра, в процессе которого он этап за этапом следует стратегии исследования с тем, чтобы с успехом реализовать сформулированные им же задачи и цели исследования.

При анализе документов в эмпирическом изучении правового сознания этот метод может существенным образом ограничить степень свободы в реализации задач и целей исследования. В процессе применения этого метода, как правило, выясняется, что по ряду переменных не оказывается нужных исследователю документов или, наоборот, документы содержат лишь те сведения, которые вовсе не интересуют исследователя, интересуют лишь частично или отражают проблему совершенно под другим углом зрения.

Изложенные соображения позволяют нам сделать выводы относительно целесообразности применения метода анализа первичных документов при исследовании социальных аспектов правового сознания.

Представляется, что наиболее эффективных результатов в применении этих методов можно достичь лишь при изучении и конкретизации проблемы, выделении предмета и объекта исследования, при построении выборки, постановке задач и гипотез исследования. На этой стадии очень важно располагать информацией статистического характера относительно количества работающих на исследуемом объекте; распределения их по половозрастным признакам и социально-профессиональной принадлежности (распределение работающих в зависимости от содержания и характера их труда); очень ценную информацию могут содержать статистические отчеты о состоянии трудовой дисциплины, о простоях, потерях рабочего времени, о различного рода правовых нарушениях и т.д.

Без подробного изучения и анализа всей этой информации невозможно вообще сколько-нибудь серьезное научно-прикладное исследование правового сознания трудового коллектива.

Другой сферой эффективного применения метода анализа документов может быть анализ информации, содержащейся в различных нормативных актах, регулирующих самые различные сферы жизнедеятельности коллектива и всех его сотрудников, и анализ информации по вопросам права и правовой пропаганды, передающейся по различным каналам средств массовой информации. Этот метод незаменим при исследовании вопросов, связанных с изучением и выявлением уровня правовой информированности работающих в коллективе.

В целом же при эмпирическом исследовании правового сознания членов того или иного коллектива анализ документов (традиционный или осуществляющийся посредством формализованных процедур) играет вспомогательную роль. В подобного рода исследованиях он может дать необходимые результаты лишь в сочетании с другими методами.

Уже на более ранних стадиях исследования в процессе разработки концептуальной схемы и подготовки программы исследования социолог должен иметь четкое представление о том, каким способом, с помощью каких приемов

и методов он может получить необходимую информацию. Например, при подготовке программы настоящего эмпирического изучения правового сознания уже было очевидно, что практикуемый метод наблюдения не может быть использован для решения поставленных в исследовании задач по причине нерепрезентативности данных, полученных в ходе его применения. Применение метода анализа документов, как мы видели, тоже связано со значительными ограничениями.

Единственно адекватным способом получения информации по проблемам, связанным с эмпирическим изучением правового сознания, является метод социологического опроса.

Опыт свидетельствует, что квалифицированное применение этого метода, учитывающее все многообразие существующих приемов и процедур, дает более обоснованную информацию, чем другие методы. С помощью опроса можно получить информацию практически по всем переменным, которые могут интересовать социолога. В связи с этим метод опроса и получил широкое развитие, в особенности в тех исследованиях, которые связаны с выявлением тех или иных характеристик сознания.

При проведении различного рода эмпирических исследований социолог, как правило, обеспокоен всегда подстерегающей его опасностью подмены объективной информации о тех или иных фактах и событиях различного рода субъективными оценками и мнениями об этих фактах и событиях. Порой бывает очень трудно преодолеть подобные смещения и это, естественно, не может не сказаться на интерпретации получаемых результатов.

Эмпирическое изучение правового сознания относится к тем исследованиям, в которых получение возможно большего числа и возможно более разнообразных мнений и оценок составляет основную цель исследования. В связи с этим опрос как метод изучения социальных аспектов правового сознания незаменим. Исследователю приходится решить только вопрос, с помощью каких приемов и процедур он в ходе опроса может получить наиболее адекватную информацию по интересующим его переменным.

В исследованиях, связанных с изучением правового сознания коллектива, анкетный опрос оказывается более предпочтительным по сравнению с другими видами опроса по целому ряду причин.

Во-первых, анкетирование предполагает стандартизацию ситуации опроса, при которой все опрашиваемые находятся в одинаковых (равных) условиях. Это дает огромное преимущество в том смысле, что на результаты оказывают влияние главным образом собственные мнения и оценки опрашиваемых, а не условия опроса.

Во-вторых, анкетирование создает у опрашиваемого большую вероятность восприятия обстановки анонимности. Это имеет огромное значение, особенно в тех случаях, когда есть все основания предполагать, что опрашиваемый не всегда будет стремиться давать искренние ответы.

В эмпирических исследованиях правового сознания объективность социологической информации проявляется в ее адекватности, т.е. в максимальном совпадении субъективных по своему содержанию, но истинных (искренних) мнений и оценок требований правовых норм и институтов, регулирующих самые различные жизненные ситуации. Обстановка анонимности способствует получению именно такой информации.

В-третьих, анкетирование во многом экономичнее интервьюирования (безразлично свободного или стандартизированного) с точки зрения материальных и временных затрат.

Представляя исследователю определенные преимущества, этот метод вместе с тем предъявляет явно жесткие требования как к самому исследователю, так и к качеству инструментария.

Изучение правового сознания посредством анкетирования требует от исследователя серьезного методологического обоснования проблемы, более глубокого проникновения в сущность самого предмета исследования, всестороннего познания его особенностей как явления общественной жизни.

Общеизвестно, что всякое социологическое исследование, основывающееся на всестороннем подходе к изу-

чаемому явлению, требует наиболее полного выявления и анализа многочисленных доступных в конкретных условиях связей и зависимостей данного явления и отличия от других факторов и явлений общественной жизни. Исследование правового сознания в этом плане не является исключением. Однако исследователь должен учитывать, что правовое сознание по своим генетическим и функциональным характеристикам — очень сложный феномен. В качестве критерия выявления, например, структуры и уровня развития правового сознания требуется целый комплекс эмпирических индикаторов, последовательное применение которых поможет получить относительно полное представление о содержании этих характеристик. По этой причине применяемые в исследованиях анкеты должны содержать в себе достаточное число вопросов респондентам, призванных выявить наибольшее число связей и факторов, оказывающих влияние на содержание, направленность и качественные особенности правового сознания, которые в общей совокупности определяют собой и соответствующий уровень дисциплины в коллективе, и всю трудовую и общественно-политическую деятельность членов того или иного производственного коллектива. Иначе говоря, из всего комплекса многообразных отношений и связей, реализующихся в производственном коллективе, автор должен ясно представлять и с помощью адекватных вопросов уметь вычленить именно те связи и отношения, в которых наиболее отчетливо проявляется исследуемая проблема. А это не простая задача, если учесть, что правосознание функционирует в тесном взаимодействии с другими формами общественного сознания.

Автор программы в связи с этим должен хорошо представлять себе не только всю совокупность вопросов, которые он намерен поставить перед опрашиваемыми, не только иметь полное представление о той последовательности, следуя которой он будет их задавать респондентам, но он (автор) должен хорошо представлять все возможные варианты ответов на поставленные вопросы.

При эмпирическом изучении правового сознания в производственном коллективе (как, впрочем, и в других эмпи-

рических исследованиях) социолог не вправе сосредоточить свое внимание на изучении (пусть даже самом глубоком и всестороннем) лишь одной, пусть даже основной, переменной. Это возможно и допустимо только на высоком уровне абстракции, когда все содержание познавательной деятельности, вся система знания о предмете строится лишь с опорой на закономерности логического мышления.

Правовое сознание как предмет эмпирического изучения обязывает исследователя к разработке всей системы переменных, с которыми он (предмет) так или иначе может быть связан. В качестве таковых могут быть, с одной стороны, переменные, в которых эмпирически обнаруживает себя предмет исследования, оказывая влияние на характеристику самой переменной, а с другой — переменные, под воздействием которых сам предмет возникает и развивается.

Разработка самой системы переменных, подлежащих изучению, построение эмпирических индикаторов для каждой из них, выбор методов сбора информации — все эти вопросы могут быть решены лишь при условии достаточной разработанности проблемы исследования, причем еще до организации и проведения исследования. Если разработанность проблемы ниже той, которая допустима при применении анкетного метода изучения правового сознания, то сама попытка позитивного решения этих вопросов обречена на неудачу, а исследование по своим результатам может оказаться иррелевантным самому предмету исследования.

Глубоко ошибочным, на наш взгляд, является мнение, согласно которому все эти вопросы могут быть решены эмпирическим путем в ходе так называемого пробного (пилотажного) исследования. Если у исследователя не будет полного представления о содержании изучаемой переменной, то никакое предварительное исследование не может подсказать ему адекватный метод ее измерения. Сам процесс апробации имплицитно содержит в себе требование предъявления того или иного метода. В процессе апробации возможна лишь детализация, обработка отдельных элементов, а не разработка самого метода.

Это одна сторона дела. Другая относится уже к самому инструменту исследования, т.е. к анкете.

Обращая правовое сознание в предмет эмпирического исследования, социолог должен всегда помнить об «эфирности» его содержания, что обуславливает необходимость «ювелирного» обращения с ним, т.е. разработки и применения более совершенной (и завершенной) техники выявления характеристик изучаемых переменных.

Эмпирическое изучение правового сознания требует тонких приемов измерения его характеристик. Инструмент (анкета) обуславливает необходимость самой тщательной проверки обоснованности и надежности как самого инструмента исследования, так и информации, получаемой исследователем с его помощью.

Любой объект предметно-теоретического мышления, в том числе и правовое сознание, характеризуется (помимо всего прочего) неким специфическим для него набором содержательно-логических приемов и процедур объяснения, а также устойчивыми и достаточно единообразными правилами получения достоверного эмпирического знания о нем. Специфика правил состоит в том, что в процессе построения эмпирического знания об объекте за ним стоит не какое-то другое понятие, а непосредственно сама реальность, т.е. функционирующее в определенной социальной общности реальное правовое сознание.

Принципы и схемы объяснения того или иного теоретически мыслимого явления (а правовое сознание в этом смысле не является исключением) организуют и как бы указывают направление поиска эмпирического эквивалента этому абстрактно мыслимому понятию. Эти приемы и правила объяснения позволяют как бы отделить абстрактно мыслимый объект от эмпирического многообразия его проявления, изучить эти проявления и уже на новой основе воссоздать, реконструировать изучаемый объект, дополнив представления о нем, понимание его сущности новыми гранями и свойствами.

Сведение теоретической конструкции правового сознания к операциональному его пониманию является одним

из трудных и самых ответственных моментов в анализе возникающих перед исследователем проблем.

Процедура операционализации понятия (предмета исследования) в данном случае не должна рассматриваться только лишь в качестве способа привязки общего понятия правового сознания к сложившимся в эмпирической социологии способам и методам исследования социальных явлений: редукция общего понятия правового сознания (каким оно предстает перед исследователем на уровне теоретического размышления о нем) к эмпирическому уровню его рассмотрения должно иметь под собой глубокую методологическую основу. Весь смысл применяемых здесь методов и средств сводится к тому, чтобы известное в теории понятие правового сознания представить в качестве особых реалий, порождаемых специфической (нематериальной) деятельностью людей.

Не будет преувеличением утверждение о том, что общественный человек (его многогранная деятельность) современным знанием обращен в единый и целостный объект научного анализа. Вместе с тем приходится констатировать, что каждая из научных дисциплин в соответствии со своей спецификой, определяя оптимальную (с точки зрения стоящих перед ней задач) структуру этого объекта, стремится выделить то или иное свойство человека в качестве основного предмета своего изучения. Общей закономерностью развития научного знания является то, что в процессе познания происходит постоянный переход от непосредственного рассмотрения объекта к опосредствованному его изучению в виде другого явления, составляющего его свойства и выступающего в таких случаях как тот или иной предмет научного объяснения.

Любое материальное или духовное явление, будучи рассмотренным с различных точек зрения, может выступать как объект или как предмет исследования, как его свойство или отношение. Эти категории признано считать в науке соотносимыми, и все определения могут быть признаны правомерными, нужно лишь заранее конкретизировать, в каком смысле трактуется или определяется это явление.

Это положение имеет существенное значение для решения вопроса об операционализации понятий в нашем исследовании.

В качестве концептуального конструкта правовое сознание, сформулированное на основе теоретических выводов и заключений, изложенных выше, принято рассматривать как отношение людей к праву, его нормам и социально-правовым институтам, проявляемое во взглядах и оценках, социально-правовых поступках и действиях. Отношение к праву составляет самую сущность правового сознания, выступает как сам предмет, подлежащий научному анализу, как наиболее значимое с практической и теоретической точек зрения свойство, сторона или особенность объекта.

Представленное в качестве предельно широкой научной абстракции, правовое сознание как предмет исследования является не чем иным, как своеобразным духовным образованием, как внутренний, непосредственно ненаблюдаемый процесс протекания психической деятельности индивида. Совершенно очевидно, что правовое сознание не может быть представлено наблюдателю в готовом виде. Проникновение во внутренний мир человека, выявление содержательных характеристик этого мира всегда сопряжено со значительными трудностями, в особенности тогда, когда речь идет о выявлении истинных позиций человека по отношению к тем или иным социальным нормам, нравственным или социально-правовым ценностям.

На трудностях проникновения во внутренний мир человека снечулирует западная наука, отрицающая саму возможность исследования правового сознания¹. Подлинная социологическая наука, наоборот, исходит из того, что

¹ Один из ее представителей еще более трех десятилетий тому назад писал: «Основание, по которому я отказываюсь от исследования правосознания ... достаточно простое: никто не может с уверенностью знать, что имеют в своем сознании другие люди ... Я не отрицаю, что в правосознании что-то есть, но это непригодный объект для научного исследования. Какое содержание имеется в сознании индивидов и целой категории лиц — мы можем только интроспективно полагать, но не познавать объективно». (См.: Geiger T. Vorstudien zu einer Soziologie des Rechts. Neu Wieden. — Rein-Berlin, 1964, s. 384—385.)

«даже туманные образования в мозгу людей и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса», который может быть установлен эмпирическим путем и который связан с материальными предпосылками.

Сознание в соответствии с установившимся в социологической науке пониманием этого явления не есть некий абсолют, исходящий из самого себя, берущий начало и источник своего развития в самом себе и развивающийся якобы вне всякой связи с окружающей действительностью. Отражая окружающий мир во всем его многообразии, сознание обнаруживает себя и проявляется в предметно-практической или речевой деятельности человека, которые (как первая, так и вторая) являются формой бытия сознания. Материалистический подход делает сознание, все его виды и формы вполне доступными изучению и эмпирическому наблюдению.

Эмпирическое наблюдение реального поведения в сфере социально-правовых отношений в качестве средства изучения правового сознания хотя и возможно, но всегда связано с определенными трудностями. Поэтому в эмпирической социологии основным методом изучения правового сознания остается исследование его на уровне речевой деятельности людей, когда оно проявляется в их высказываниях, мнениях, суждениях о тех или иных событиях, относящихся к реализации требований правовых норм. Изучение правового сознания на эмпирическом уровне его функционирования равнозначно стремлению к изучению и обобщению внутреннего опыта отношения к закону или каким-либо другим нормативно-правовым предписаниям, сложившимся у людей под воздействием практики их реализации. Поэтому основное средство проникнуть в опыт других людей состоит в том, чтобы опрашивать их самих.

Исходным моментом в эмпирическом изучении правового сознания с материалистических позиций является соотнесение его содержания с социально-правовой практикой. Отражая в своем сознании эту практику, человек вместе с тем осознает и те психические явления, в кото-

рых обнаруживается предметное содержание его правового сознания. Содержание сознания человека, как и его правовой формы, обычно не является константным, но при всей его изменчивости психологи отмечают постоянное присутствие в нем таких элементов, как знание, переживание, направленность, активность, которые, взаимодействуя между собой, составляют существенную характеристику данного феномена, систематически проявляющуюся как в общем потоке развивающегося сознания, так и в каждом индивидуализированном акте его проявления.

Изложенное понимание правового сознания как особого психологического явления, структура процессов, протекающих в сознании, позволяет перейти к системе переменных, на языке которых оказывается возможным дать эмпирическую интерпретацию изучаемого явления.

Предельно широкое, представленное выше понимание правового сознания на эмпирическом уровне его функционирования вполне коррелирует с пониманием этого феномена как своеобразной системы социально-правовых установок. В пределах допустимых параметров огрубления социально-правовая установка представляется нам как некий единичный акт эмпирического бытия правового сознания, как своеобразный момент проявления его целостности. В этом качестве правовое сознание предстает перед исследователем как нечто расчленяемое и воспроизводимое в системе установок по отношению к определенному множеству функционирующих в обществе правовых норм.

Трудно определить набор эмпирических индикаторов, совокупность которых с достаточной полнотой и в полном согласии со строгостью теории могла бы представить изучаемое явление, но, как нам думается, социально-правовая установка является именно той искомой величиной, с помощью которой оказывается возможным описать правовое сознание на количественно-качественном уровне его функционирования.

Социально-правовая установка в настоящем исследовании рассматривается как одна из разновидностей соци-

альных установок, и в этом смысле ее содержание и структура может быть описана лишь с учетом достигнутого уровня теоретических разработок в данной области научного знания.

Теория установок, как известно, имеет свою историю, начало которой было положено фундаментальными исследованиями еще в советские времена Д. Узнадзе и экспериментами вюрцбургской психологической школы, с одной стороны, и так называемым аттитюдным направлением в американской социальной психологии США — с другой.

Г. Олпорт, обратившийся к данной проблеме более шестидесяти лет тому назад и уже тогда насчитавший более ста определений установки¹, предложил свое понимание этого феномена, которое надолго определило направление экспериментальных исследований в англо-американской социологии и социальной психологии. По его мнению, «установка — это техническое и нервно-психологическое состояние готовности, обусловленное опытом и оказывающее направляющее или динамическое влияние на реакции индивида по отношению ко всем объектам или ситуациям, с которыми он связан»².

Проблемы, связанные с мотивацией деятельности, личностными установками, обсуждаются как российскими, так и зарубежными социологами и социопсихологами.

К настоящему времени в западной социологии и социальной психологии определилось несколько подходов к пониманию феномена социальной установки, различающихся между собой главным образом тем, какому из составляющих ее компонентов (знанию, оценке или поведению) придается доминирующее значение.

Первая группа социологов и социопсихологов предпочитает концепции, предполагающие, что сущность социальной установки определяется прежде всего когнитивным элементом. Сторонники этой теории сводят установку к

мнениям и убеждениям индивида. Установка, по их мнению, является стабильной системой убеждений, которые обуславливают возникновение у индивида диспозиции к избирательному поведению по отношению к объекту установки.

Следующую группу социологов и социопсихологов объединяют взгляды, согласно которым социальную установку индивида представляют его положительные или отрицательные эмоции по отношению к тому или иному объекту, той или иной социальной ситуации или какому-либо социальному действию. Ряд американских исследователей рассматривают установку как относительно устойчивую эмоциональную реакцию, совершаемую по отношению к определенному объекту или действию и утверждают, например, что установка есть не что иное, как множество оценочных категорий, сформировавшихся у индивида или усвоенных им в процессе взаимодействия с окружающими его в социальном мире людьми и предметами.

В теоретических разработках и эмпирическом изучении социальных установок в западной (особенно американской) социологии сформировалось довольно представительное (по количеству исследований) направление, участники которого полагают, что основной переменной (синдромным образованием), определяющей содержание и направленность всей установки, является поведенческий компонент.

По их мнению, социальная установка индивида является (устойчивым) синдромом реакций, согласующихся между собой, применительно к определенному (состоянию) социальному объекту. Установку, таким образом, они сводят полностью лишь к эмпирически наблюдаемой переменной.

Исходя из бихевиористского истолкования поведения личности сторонники данной концепции рассматривают ее как некую гипотетическую переменную, которая может быть выделена аналитическим путем при анализе согласующихся между собой реакций.

Констатируя различия в понимании природы социальной установки, мы вместе с тем должны отметить, что подавляющее большинство авторов, представляющих раз-

¹ *Allport G.W. Attitudes. In G.Muchion (ed.). Ahandbiok of social psihologie, Worchter, Maas. Cleark University Press, 1935, p. 8.*

² *Ibid, p. 8.*

личные направления в изучении данного феномена, все же сходятся в том, что рассматривают установку как сложную переменную, включающую в себя несколько составляющих ее элементов. Неправомерная гиперболизация одного из компонентов установки для большинства исследователей не послужила препятствием к рассмотрению ее как многомерного явления. Лишь незначительное число исследователей рассматривают ее как единый, одномерный конструктор.

Вместе с тем несмотря на обилие подходов к исследованию социального поведения человека, многие из которых заслуживают внимательного изучения и анализа, несмотря на создание в ряде случаев весьма эффективных средств и методов его изучения, теоретическое объяснение многих фактов и явлений, связанных с социальными установками человека и его поведением, для западных социологов оказалось крайне затруднительным, поскольку ими игнорируются роль и значение объективных социально-экономических, общественных и социально-политических условий его деятельности.

Если же говорить о социально-правовой установке, то она по своей природе — явление социально-обусловленного сознания общественного индивида. Отражая качественно иной уровень проявления сознания человека по сравнению с фиксированной установкой в психологии (установка Узнадзе), социально-правовая установка стала основополагающей научной категорией в социально-правовых исследованиях.

Использование социально-правовых установок в качестве своеобразного индикатора правового сознания как эмпирически данного явления обеспечивает получение статистических рядов и распределений, знание которых создает возможность получить некую определенность для конструирования понятий, используемых в последующем теоретическом анализе правового сознания.

Рассмотрение системы социально-правовых установок в качестве операционального понятия правового сознания плодотворно, с нашей точки зрения, в двух аспектах. Во-первых, мы при этом (и только при этом) условии смо-

жем проникнуть в сущность изучаемого явления; во-вторых, это дает нам возможность привлечь к анализу весь тот концептуальный аппарат, который разработан в социально-психологической теории социальных установок, а к эмпирическому анализу правового сознания — совокупность методов и процедур, разработанных для их измерения.

При анализе работ как российских, так и зарубежных авторов, связанных с теоретическим рассмотрением понятия социальной установки и с экспериментальным изучением процессов ее возникновения, функционирования и изменения, можно выделить целый ряд положений, на основе которых предполагается в дальнейшем проводить исследование правового сознания.

В науке принято различать три составных элемента (компонента) социальных установок — когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Это свойственно и социально-правовым установкам, но в отличие от других видов установок они характеризуются достаточной четкостью своих параметров, более строгой структурой. В социально-правовых установках эти компоненты трансформируются соответственно в следующие формы:

- 1) знание (информированность) индивида об определенных правовых нормах и аспектах правовой действительности;
- 2) отношение индивида к данным нормам и аспектам правовой действительности;
- 3) принятие индивидом решения в прожективной ситуации, требующей применения этих норм, т.е. поведения индивида (на вербальном уровне) в сфере конкретных социально-правовых отношений.

Особенностью настоящего исследования является то обстоятельство, что все перечисленные выше элементы рассматриваются как органически связанные между собой ее части, определяющие целостность и содержание данной установки, когда все ее элементы рассматриваются и измеряются в отношении данной цели, в данном социальном контексте и в заданной точке по времени.

Получение информации об установке индивида по отношению к конкретной норме Д требует выявления зна-

ний (1) и оценки (2) требований именно этой нормы Д, выявления возможного варианта поведения (3) в ситуации, регулируемой только этой (а не какой-либо другой) нормой Д. Поэтому лишь при условии соблюдения ряда $D = 1 + 2 + 3$ мы можем вести речь об измерении установки в полном ее объеме. Выпадение из этого ряда хотя бы одного из составляющих его элементов (1, 2, 3) нарушает целостность установки, а подчас разрушает саму основу данной установки.

Структура операционализируемого явления, точнее, теоретического понятия о нем, в максимальной степени должна найти отражение в структуре представляющего его эмпирического эквивалента. Это непреложное требование редукции научных понятий обуславливает собой ту или иную степень релевантности результатов эмпирического исследования.

Учитывая именно это обстоятельство, правовое сознание на эмпирическом уровне функционирования в настоящем исследовании представлено системой социально-правовых установок в трехмерном измерении (знание + оценка + поведение).

Практике эмпирического изучения правового сознания известны и другие подходы к данной методологической проблеме. Так, некоторые исследователи считают возможным представить правовое сознание на эмпирическом уровне функционирования в виде:

- 1) правовой подготовки;
- 2) ценностного отношения к праву и практике его применения;
- 3) правовых установок.

И хотя правовая установка рассматривается ими как интегративное интеллектуально-эмоционально-волевое образование, они все же полагают необходимым выделять в качестве самостоятельных образований когнитивные и оценочные элементы, требующие, как и установка, самостоятельного измерения, считая при этом невозможным выявить стимулы поведения индивида.

Данная точка зрения согласуется с имеющимися теориями установок и практикой их эмпирического измере-

ния и, возможно, такой подход к их изучению целесообразен с точки зрения простоты и удобств применения соответствующей техники (методов, процедур) их измерения. Однако с точки зрения открывающихся возможностей проникновения в сущность исследуемого явления и изучения содержательных характеристик правового сознания нам представляется более перспективным подход, согласно которому социально-правовая установка индивида предстает перед исследователем как органическое единство взаимообуславливающих друг друга объединенных единым предметным содержанием когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов.

Методологическая ценность такого подхода к изучению социально-правовых установок, а следовательно, и правового сознания в целом, состоит в том, что, опираясь на выявленную совокупность единичных и конкретных его проявлений (т.е. установок), вычленим абстрактно-системный аспект в содержании каждого из этих проявлений и осуществим статистическую обработку полученных результатов; после этих процедур мы можем судить об определенной направленности в развитии правового сознания (как целостного духовного образования), об уровне его развития.

Содержание социально-правовых установок, их устойчивость и глубина определяются иерархией взаимоотношений составляющих ее элементов.

Поведенческий компонент в структуре социально-правовой установки принято считать определяющим, однако он тесно связан, с одной стороны, с существенно влияющим на него когнитивным, а с другой — с эмоциональным компонентом данной установки. Нередко на поведенческий компонент оказывают влияние также когнитивные и эмоциональные компоненты других установок индивида, т.е. имеющейся у него социально-нравственный или социально-правовой опыт, а также социально-правовые установки и поведение других людей. Вследствие этого у индивида могут возникать определенные рассогласования между убеждениями и эмоциями, с одной стороны, и его поведением — с другой.

Социально-правовые установки различаются по степени их устойчивости. Одни могут быть достаточно поверхностны, связаны с ситуативным представлением об объекте (правовой норме) и обладать слабо выраженным эмоциональным компонентом. Такие установки легко возникают, изменяются и легко исчезают (в том числе в результате краткосрочного воздействия). Другие же (по отношению к другим нормам права), обладая сильно выраженным эмоциональным компонентом, более глубоки по своему содержанию. Основываются они, как правило, на ценностных ориентациях индивида, а иногда на личностных особенностях (например, авторитарность). Такие установки медленно формируются, влияние на них в сторону видоизменения сопряжено с большими трудностями.

В первом случае внесение нового знания о правовых нормах может существенным образом изменить установку. Во втором же случае получение индивидом новой для него информации о норме или веских, с его точки зрения, контраргументов против сложившегося у него убеждения, может лишь частично изменить конкретное убеждение, но не социально-правовую установку в целом, до тех пор пока мы не сможем повлиять на систему ценностных ориентаций индивида, на особенности его личности, преодолеть его отрицательную установку по отношению к той или иной норме или правовому институту в целом.

Исследователи отмечают, что установку можно считать хорошо сформировавшейся, если ее компоненты состоят в определенном равновесии и если это равновесие сохраняется в течение значительного периода времени. В равной мере это относится и к социально-правовым установкам.

Обращая внимание на взаимосвязь компонентов социально-правовых установок, мы вовсе не стремимся рассматривать их как самодовлеющие сущности. Обособление каждого из них осуществлено здесь преднамеренно, в целях более удобного научного анализа. В реальной же действительности все они генетически и функционально связаны между собой, действуют как единое целое, и лишь на определенном уровне абстрагирования мы можем провести соответствующую «демаркационную линию» между ними.

Общепринятого определения установки, которое могло бы передать все встречающиеся характеристики этого феномена, как мы это видели, нет, да и быть не может. В самом общем виде установка предстает перед исследователем как гипотетический конструкт, дающий некое представление о личности индивида и служащий в ряде случаев объяснением его поведения.

Соотносимость реального поведения индивида с его оценками тех или иных объектов или ситуаций — одна из сложнейших проблем социологии и социальной психологии, привлекающая к себе внимание как российских, так и зарубежных исследователей.

Известный эксперимент Лапьера продемонстрировал явное несоответствие установок с реальным поведением. Собранные более чем за сорок лет данные о результатах экспериментального изучения проблемы соответствия установок людей их поведению послужили поводом к пересмотру многими исследователями позиции относительно природы связи между этими переменными. Вместе с тем работы, ведущиеся в этой области, продолжали фиксировать значительную корреляцию между установками и поведением опрашиваемых. Соответствие установки поведению — часть более широкой проблемы связи сознания и деятельности человека. Обнаружение этих связей на уровне единичного акта проявления связано с определенными трудностями методологического и методического характера. Многое здесь предопределяется личностными особенностями опрашиваемых, обусловленными, например, характерологическим уровнем их раскрываемости или, скажем, их способностью, умением мобилизовать свои личностные ресурсы для реализации выражаемых намерений, установок, доступностью желаемого поведения, наконец, их умением адекватно выразить личностную установку.

Соизмеримость между установками индивида и теми или иными параметрами его поступков, действий и поведения в целом в немалой степени предопределяется степенью уравновешенности самой установки: надежность прогнозируемого поведения возрастает, если имеем дело с хорошо сформированной, стабильной установкой.

Последняя соответствует этому критерию в том случае, если она в течение определенного времени сохраняет одну и ту же направленность и равновеликую степень интенсивности. Если же это условие не соблюдено, то высокую степень совпадения между установкой и отстоящим от нее по времени поведением получить не удастся. Один и тот же акт в течение определенного времени при различных условиях (социальных контекстах) может изменить свой смысл и направленность и тогда в один период времени он (поведенческий акт) может быть консистентным по отношению к установке, а в другой, наоборот, не совпадающим с ней.

Следующее допущение, возможное при осуждении вопроса о соответствии поведения индивида его установкам, связано со структурой и свойствами реальной ситуации, многие из которых значимо релевантны по отношению к измеряемому поведению, поскольку поведение является функцией не только самой личности, но и окружающей ее социальной среды.

Из других переменных, оказывающих существенное влияние на согласованность поведения людей с их установками, можно указать на то обстоятельство, что в ряде случаев объект, социальная ситуация, действие или какое-либо событие, по отношению к которым мы измеряли установку, требует на самом деле не одной, а нескольких установок. Поведение в таких случаях является не следствием измеряемой установки, а результатом взаимодействия (а возможно, и конфликта) ее с другими релевантными установками, имеющими существенное значение для анализируемого поведения. Последнее (т.е. поведение) в этих случаях может быть и не консистентным измеряемой установке.

Сложные в методологическом отношении проблемы выявления механизма взаимосвязи установки и реального поведения дополняются неадекватным решением ряда вопросов методического плана, в частности тем, что при современных методах эмпирического исследования окончательное соотношение измеряемых переменных представляет собой лишь относительно достоверную величину. Доля

ошибок, связанных с их измерениями, остается еще весьма значительной.

Эмпирически обнаруживаемое несоответствие установок с поведением индивида происходит отчасти и по той причине, что эти переменные измеряются, в большинстве своем, в различные промежутки времени, в различных условиях и подчас с помощью несходных процедур. В частности, если процедуры измерения установок хорошо разработаны и большей частью уже стандартизированы, то операции наблюдения и описания поведения, в особенности в естественных условиях, выбираются и разрабатываются каждый раз исходя из задач, обусловленных конкретным эмпирическим наблюдением. Зачастую сопоставляются разноуровневые переменные: конкретные виды поведения пытаются прогнозировать, опираясь на агрегированные духовные образования в виде ценностных ориентаций общей направленности жизненных интересов и т.д.

Учитывая все эти обстоятельства, следует заметить, что сама постановка вопроса о соответствии (или несоответствии) установок реальному поведению является в определенном смысле некорректной. Более адекватным было бы рассмотрение этой проблемы в аспекте того, при каких условиях, в какой мере и главным образом какого типа установки могут коррелировать с реальным поведением.

В зарубежных эмпирических исследованиях, например, наиболее высокий уровень корреляции с поведением зафиксирован при исследовании установок по отношению к употреблению спиртных напитков (0,46—0,72); к применению средств контроля и предупреждения рождаемости (0,51—0,72); при прогнозировании поведения избирателей (0,51—0,72); по другим же видам установок (например, этнических) уровень корреляции значительно ниже (0,29).

Все это свидетельствует о том, что консистентность социальных установок реальному поведению обуславливается не только теми или иными параметрами измерительной техники, но и содержанием самих установок.

Социально-правовые установки, составляющие предмет настоящего исследования, относятся к тому их виду, обнаружение которых еще не дает возможности в значи-

мых параметрах зафиксировать корреляцию между выявленными установками и прогнозируемым поведением опрашиваемых. По своему содержанию и направленности социально-правовые установки — установки радикального содержания, отражающие лишь вербальный уровень поведения. Реальное поведение, не согласующееся с общепринятыми установками и нормами права, в большинстве своем имеет латентный характер. Поэтому прогнозировать поведение на основе выявленных социально-правовых установок возможно, лишь зафиксировав статистические закономерности их проявления и распределения.

Социально-правовые установки — сфера духовных реалий, по структуре и содержанию которых мы можем судить об обнаружении предрасположенности опрашиваемых к тому или иному виду реального поведения.

В нашем исследовании в связи с этим приобретает особое значение выявление взаимосвязей между структурными элементами самих установок, т.е. между знанием норм права, оценкой их требований и вербальными актами поведения.

В данном случае представляется целесообразным сформулировать следующие гипотезы, подлежащие эмпирической проверке:

1.1. *Прямая гипотеза.* Различные компоненты социально-правовых установок (когнитивный, эмоциональный и поведенческий) взаимосвязаны между собой, хотя и обладают определенной автономностью.

1.2. *Альтернативная гипотеза.* Не существует какой-либо значимой и однозначной связи между различными компонентами социально-правовых установок.

2.1. *Гипотеза-следствие 1* из прямой гипотезы 1.1. В целом ряде случаев изменение когнитивного компонента установки приводит к изменению ее поведенческого компонента (повышение информированности о требованиях правовой нормы, о санкции за нарушение этих требований влияет на поведение).

2.2. *Гипотеза-следствие 2* из гипотезы 1.1. В целом ряде случаев изменение поведенческого компонента установок возможно только при изменении эмоционального компо-

нента. Принятие соответствующих решений и изменение поведения возможно только в результате изменения эмоционально-ценностного отношения к основным нормам и аспектам социально-правовой деятельности.

2.3. *Гипотеза-следствие 3* из гипотезы 1.1. В целом ряде случаев изменение когнитивного комплекса установок может повлиять на изменение эмоционального компонента (повышение информированности повлияет на эмоционально-оценочное отношение к основным нормам и аспектам социально-правовой действительности).

Каждый из компонентов, образующих в своей совокупности социально-правовую установку, обладает сложным и динамическим содержанием.

Когнитивный компонент, например, может быть представлен различным уровнем информированности индивида, т.е. различным уровнем знания о требованиях, содержащихся в норме, и о санкциях, следующих за невыполнение этих требований.

Эмоциональный компонент также может быть представлен целым веером оценок, содержащихся в норме требований (оценок правил поведения): от полного одобрения (положительной оценки) нормы, регулирующей те или иные отношения между людьми, до полного несогласия с требованиями правовых норм, адресованных им.

Поведенческий компонент (на вербальном уровне его проявления) также имеет сложную структуру, отражающуюся в совершении правомерных или, наоборот, неправомерных поступков и действий. Поведение индивида может усложняться в тех случаях, когда ему приходится принимать решение и действовать в связи с нарушениями правовых предписаний другими людьми.

Взаимодействие и сочетание разнонаправленных и разнокачественных по своему содержанию компонентов социально-правовых установок обуславливает и качественные различия между самими установками.

В этих условиях перед исследователем возникает поисковая задача расчленения выборочной совокупности опрашиваемых на группы, имеющих сходные по содержанию и направленности установки по отношению к нор-

мам права. Речь идет о классификации (типологизации) социально-правовых установок.

Выявление типологической структуры правового сознания опрашиваемых составляет одну из главных задач настоящего исследования.

Деятельная сущность человека предопределяет проявление его правового сознания в многочисленных ситуациях, при этом типология сознания имеет устойчивый и направленный характер. В связи с этим при выделении предмета исследования, т.е. тех аспектов объекта, в которых проблемная ситуация проявляется наиболее явно и которые поэтому подлежат непосредственному эмпирическому наблюдению, необходимо было выявить те отношения индивида к правовым нормам, в которых наиболее выпукло проявляется несоответствие между требованиями соответствующих норм и обыденным правосознанием.

При решении этой задачи мы исходили из того, что несоответствие между научно-теоретическим и обыденным правовым сознанием может проявляться не только в традиционно рассматриваемых негативных явлениях (хищения, взяточничество и т.д.), но и в целом ряде важных аспектов трудовой и общественно-политической деятельности индивидов, и прежде всего в их отношении к труду, участию в управлении производством и т.д.

В этих случаях правосознание состоит в определенном смысле в функциональных связях и зависимостях с другими специфическими факторами производства, воздействующими на отношение индивида к этим важным сторонам его трудовой и общественно-политической деятельности.

Правовое сознание, как известно, выступает как явление субъективного характера. Но сформировавшись, оно развивается по присущим только ему закономерностям, т.е. приобретает определенную независимость в своем развитии, приобретает свойства объективного фактора, с которым мы не имеем права не считаться.

Безусловно, мы даем себе отчет в том, что поведение людей в сфере трудовой деятельности и вне ее предопределяется не только правовым сознанием, но еще множественностью взаимодействующих между собой (да и с правовым

сознанием) факторов; мы понимаем также, что всякое явление общественной жизни должно рассматриваться в системе многосторонних связей, условий и опосредований. Не оставляя без внимания и другие факторы, влияющие на социально-правовое поведение людей в сфере трудовой деятельности, мы тем не менее правовому сознанию придаем самостоятельное значение, поэтому и обращаем его (правосознание) в основной предмет эмпирического изучения в данной сфере общественных отношений.

Вычленив в рамках социологического анализа правового сознания в качестве самостоятельного фактора, воздействующего на развитие трудового процесса, мы хотим определить его место в системе других специфических факторов, влияющих на отношение индивида к труду. Анализ правового сознания на уровне функциональных связей и взаимодействий позволит нам полнее выявить его роль и значение в регулировании поведения людей в сфере трудовой деятельности. В таком случае мы преодолеваем подстерегающую социолога опасность рассмотрения субъекта трудового процесса в безличных социально-типических характеристиках. Задача состоит здесь в том, чтобы при социологическом подходе к объяснению явления не упустить из виду субъективные особенности этого явления.

Изложенная нами позиция по вопросу роли правового сознания в формировании отношения к труду положена в основу исследования. Это заставляет уточнить смысл и содержание, вкладываемые нами в понятие «отношение к труду». Оно многопланово и в связи с этим может изучаться в зависимости от стоящих перед исследователями задач. Во многих социологических работах при выявлении отношения к труду внимание исследователей фиксируется в основном на ценностных аспектах труда. В связи с этим понятие «отношение к труду» характеризуется авторами этих работ в нравственных и эстетических категориях (работа «нравится», «не нравится», «удовлетворен», «не удовлетворен» и т.д.).

Для нашего же исследования важно выяснить другое: насколько понимание индивидом его обязанностей, свое-

го долга сказывается на его отношении к труду и, следовательно, на результатах его трудовой деятельности. Коротче, нас интересует деятельное начало, реализующееся в сфере труда независимо от содержания и характера самого труда. В нашем понимании отношение к труду выходит за рамки ценностных характеристик самого труда.

В сфере материального производства результат труда выступает как «овеществленная» деятельность. Результат труда в данном случае выступает как объективный показатель отношения индивида к труду. Проявленная при этом инициативность оказывает существенное влияние на результаты труда, но сама по себе она не составляет его содержания. Определяя внешние, количественные стороны деятельности, а следовательно, и результаты труда, инициативность не может рассматриваться как объективный показатель отношения к труду, как считают некоторые авторы.

Критериями отношения к труду программой настоящего исследования приняты результаты труда, измеряемые в количественных и качественных показателях, и уровень дисциплины труда, также измеряемый в соответствующих показателях.

Выдвинутые нами соображения по поводу роли и значения правового сознания наемных работников в формировании отношения их к трудовой деятельности нашли отражение в следующих гипотезах:

1.1. *Прямая гипотеза.* На отношение к труду, его результаты, на уровень дисциплины работников промышленных предприятий оказывают влияние не только содержание и характер труда, удовлетворенность трудом, но прежде всего осознание ими своего долга, уровень правового сознания.

1.2. *Альтернативная гипотеза.* На результат труда влияет прежде всего его содержание. Уровень правового сознания работников, осознание ими своих обязанностей в данной сфере общественных отношений практически не влияет на отношение их к труду.

Изложенное вовсе не исключает роли нравственных начал в формировании добросовестного отношения к тру-

ду. Вопрос ставится только таким образом, чтобы выделить социально-правовые аспекты в развитии данного феномена.

Представляется, что анализ выдвинутой проблемы соотношения между научно-теоретическим и обыденным правосознанием в сфере трудовых отношений важен не только для изучения особенностей правосознания, но и для исследования факторов, влияющих на повышение эффективности производства.

Следующей, не менее значимой задачей исследования является изучение роли и значения правового сознания в развитии общественно-политической деятельности опрашиваемых, в частности, их участия в управлении делами трудового коллектива.

Внимание к правовым аспектам отношения к труду, участию в управлении делами коллектива и т.д. не исключает нашего интереса к негативным последствиям низкого уровня правосознания (нарушения трудовой дисциплины, хищения, бесхозяйственность и т.д.), так как эти последствия довольно часто встречаются в реальной действительности, и в них в достаточной степени проявляется изучаемая проблема.

В конечном счете нас будут интересовать все основные (как положительные, так и отрицательные) последствия определенного уровня развития правового сознания наемных работников промышленных предприятий.

Эмпирическая интерпретация правового сознания имеет огромное значение, поскольку этот вопрос, его решение представляет в данном случае всю стратегию и тактику настоящего исследования.

2.2. ТЕХНИКА И ПРОЦЕДУРЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Анкетный метод изучения правового сознания, как известно, основан на последовательном применении вопросов (обычно с достаточно широким набором альтернативных ответов), с которыми исследователь обращается к опрашиваемым с целью разрешения поставленных им на-

учно-исследовательских и прикладных задач. Вопросы к опрашиваемому — существенный элемент всякого эмпирического исследования. Логическая последовательность в постановке вопросов, умение конструировать и оперировать ими в значительной степени определяет успех эмпирического исследования.

Однако определение социологического опроса в качестве основного метода изучения правового сознания еще не решает всех проблем, связанных с методическим обеспечением эмпирического изучения правового сознания. Не менее важной задачей является определение и выбор процедур, последовательное применение которых могло бы гарантировать выявление наиболее существенных характеристик изучаемого явления.

В практике социологических исследований различных явлений действительности, в том числе и таких, как правовое сознание, все более широкое распространение получают прожективные методы, основывающиеся на последовательном применении процедур тестирования. Применение тестов в социологическом исследовании есть не что иное, как своеобразный «ввод» опрашиваемого в прожективную ситуацию, постановка перед ним определенной задачи, требующей соответствующего решения. Выход из затруднительной ситуации (а исследователь преднамеренно ставит опрашиваемого именно в такую ситуацию) опрашиваемый ищет, опираясь на анализ ее данных и на сопоставление их с собственным опытом.

В процессе работы с тестом у респондентов открывается возможность сравнения, сопоставления различных сторон, моментов и условий той или иной ситуации. Необходима напряженная психологическая и мыслительная деятельность, чтобы принять решение, «выйти» из ситуации. В этом и состоит ценность прожективной методики тестирования: с ее помощью исследователь получает ценнейшую информацию об исследуемом объекте, факте или явлении.

Применение текстов в качестве процедуры измерения социально-правовых установок респондентов открывает широкие возможности для изучения их правового созна-

ния. С помощью этих процедур представляется возможным не только выявить существенные признаки правового сознания опрашиваемых, но и в определенном смысле прогнозировать их поведение в сфере социально-правовых отношений.

Основная задача, с которой сталкивается исследователь при конструировании соответствующих тестов, состоит не только в том, чтобы обнаружить те или иные признаки изучаемого явления, но и в том, чтобы измерить степень выраженности этих признаков.

В теории и практике (зарубежной и отечественной) социологических исследований получили широкое развитие методы, направленные на измерение установок как единого конструкта, определяющие интенсивность отношения индивида к объекту установки независимо от составляющих данного конструкта (компонентов установки). Процедурами измерения таких установок являются вопросы типа: «Как вы относитесь...?» и соответствующие шкалы.

В своем исследовании мы, исходя из специфики изучаемого явления, отказались от применения подобных процедур измерения. Для решения задач, поставленных в исследовании, мы полагали более целесообразным использовать процедуры, позволяющие измерить степень выраженности каждого компонента установки.

Это особенно важно для изучения социально-правовых установок:

1) при разработке практических мероприятий, связанных с их изменением, необходимо иметь информацию о том, каким образом знание нормы права влияет на оценку индивидом событий, описываемых данной нормой, а также о том, каким образом знание конкретной нормы, отношение к ней и к ситуации, связанной с этой нормой, влияет на поведенческий аспект установки;

2) каждый из компонентов, входящих в состав социально-правовой установки (как мы уже отмечали), имеет четко выраженную структуру; знание о степени выраженности их представляет самостоятельный научный интерес.

Предстояло создать такие формы тестов, которые, измеряя каждый из компонентов, позволили бы выявить качественное содержание, направленность социально-правовой установки и измерить ее в количественном отношении как единое целое (единый конструкт).

Решить эту задачу мы попытались с помощью *тестов незаконченных предложений и стандартизованных прожективных ситуаций*.

Суть данного метода (процедуры) состоит в том, что по интересующим исследователя вопросам конструируется ряд предложений (фраз), которые в незаконченном виде представляются (в качестве вопроса) опрашиваемым вместе с рекомендацией завершить эти предложения в письменном виде. При этом постулируется, что респондент, не располагающий необходимой информацией о подлинных целях проводимой операции, спонтанно воспроизводит имеющиеся у него установки, взгляды и мнения по затрагиваемым в предложениях вопросам.

Незаконченные предложения, составляющие содержание тестов подобного рода, по своей смысловой конструкции должны обладать способностью к выявлению максимально-го числа возможных суждений. Выполнить эту функцию они смогут, если будут сформулированы в достаточно неопределенной форме, содержать в себе прожективно-прогностические функции, обладать текстуальной независимостью.

В литературе, посвященной эмпирическим методам изучения правового сознания, описываемая здесь процедура не применялась. Включая ее в арсенал методических приемов исследования правового сознания, мы стремились выяснить:

1) какого рода эмпирическая информация о правовом сознании опрашиваемых может быть получена при контент-аналитическом изучении завершений незаконченных предложений, точнее, возможно ли с помощью избранной процедуры получить необходимые данные о составленных элементах социально-правовых установок опрашиваемых. Если это окажется возможным, то к каким элементам — когнитивным, оценочным или конативным (поведенческим) — относится эта информация;

2) возможно ли с помощью данной процедуры получить информацию о содержании и уровне развития правового сознания? Насколько возможно судить по этой информации о направлении развития (типологической структуре) правового сознания индивида и коллектива в целом;

3) каким образом соотносится эмпирическая информация, полученная в результате обработки тестов незаконченных предложений, с информацией о содержании и уровне развития правового сознания, полученной с помощью других методов.

В опросный лист анкетирования респондентов был включен ряд суждений, характеризующих различные жизненные ситуации, в которых мог оказаться опрашиваемый. Суждения эти были представлены в виде таких предложений, как, например: «Если бы я узнал, что в промышленные отходы списывают пригодные для использования материалы, то я бы...», «Если бы я заметил, что продавец магазина обвешивает покупателей, то я бы...» и т.д.

В инструкции к выполняемой процедуре мы указали, что в данном случае для нас не существует правильных или неправильных ответов, есть лишь различные мнения, которые нам хотелось бы узнать. Каждое из включенных в анкету предложений мы просили опрашиваемых завершить таким суждением, которое бы отражало его истинное мнение о возможных в таких случаях вариантах проведения (при этом гарантировалась анонимность высказываний).

В число опрашиваемых были включены работники предприятий, отобранные методом бесповторной выборки по спискам личного состава. При формировании выборочной совокупности учитывались социально-демографические характеристики, содержание и характер (степень механизации) труда, уровень трудовой и общественно-политической активности и т.д.

Опрос респондентов проводился (в зависимости от образовательного уровня опрашиваемых) с помощью анкетирования или стандартизованного интервью.

Обработка полученных результатов заключалась в том, что по каждому предложению выписывались все формулировки завершений (суждений) и затем эти формулиров-

ки объединялись, систематизировались, сводились к ряду независимых друг от друга ответов-суждений.

Выяснилось, что по каждому незавершенному предложению можно получить различное количество несводимых суждений (от трех до девяти), содержащих в себе разнообразную смысловую информацию. Так, например, по первому предъявленному респондентам предложению были получены завершения, которые мы сгруппировали следующим образом.

«Если бы я работал продавцом в магазине и заметил, что директор магазина пытается скрыть образовавшуюся недостачу денежных средств, то я бы...» (см. табл. 1 Приложения).

При обработке полученных данных выяснилось, однако, что предложения, характеризующие ситуации и побуждающие респондентов принять единственно возможное (по их мнению) решение, фиксируемое в завершениях незаконченных предложений, обладают различной степенью информативности, являются неоднозначными в смысле возможности выявления компонентов социально-правовых установок.

Наиболее полную и ценную информацию мы получили из завершений тех предложений, которые описывали ситуации, в максимальной степени приближающие респондента к реальным условиям и сферам его жизнедеятельности. Вместе с тем различия в степени и уровне информативности тестов незаконченных предложений хотя и являются фактором, в известной мере снижающим эффективность данной процедуры, тем не менее с ее помощью имеется полная возможность выявить практически все элементы, составляющие содержание социально-правовых установок опрашиваемых.

Анализируя приводимые выше ответы-завершения, мы можем судить о способности респондентов дать правовую оценку приводимому в тесте деянию, т.е. отграничить дисциплинарный проступок от уголовного преступления. В этом аспекте все ответы первого и второго типов следует расценивать как знание требований конкретных норм права, все другие ответы — как отсутствие необходимых знаний.

Другим источником, из которого мы можем получить информацию о когнитивных установках, являются данные относительно того, насколько адекватна та организация, в которую предполагает (судя по завершению предложения) обратиться опрашиваемый о совершенном нарушении закона. Так, ответ «обратился бы в суд» свидетельствует об отсутствии необходимой правовой информированности.

Тщательное изучение завершений предложений позволяет сделать выводы также об оценочном отношении опрашиваемых к требованиям правовых норм (аффективный компонент установки). Выяснилось, что по этому признаку все опрошенные дифференцируются следующим образом:

- 1) активно осуждающие нарушения закона, допускаемые со стороны других людей;
- 2) занимающие нейтральную позицию;
- 3) солидаризирующиеся с действиями нарушителей требований правовых предписаний.

К первой группе мы отнесли всех тех, кто в своих суждениях (завершениях) высказал намерение обратиться (пусть даже в неадекватные органы) с заявлением о совершенном нарушении закона или же завершил незаконченное предложение суждением типа «указал бы директору магазина на его незаконные действия».

Вторую группу составили респонденты, которые высказали суждения типа «сделал бы вид, что не видел», «ничего не смог бы сделать, так как уволят с работы». К этой группе опрашиваемых можно с определенной долей условности отнести и тех, кто воздержался вообще от ответа или дал ответ типа «затрудняюсь ответить», «не знаю».

И наконец, в третью группу мы включили всех опрошенных, которые на нашу просьбу завершить незаконченное предложение закончили его суждением в виде «скрыл бы недостачу», «помог бы».

Как видим, полученная нами в ходе эмпирического исследования информация позволила выявить у опрашиваемых самые различные оценки поведения лиц, нарушающих требования закона. В этих оценках, собственно говоря, проявилось обобщенное отношение к требованиям

соответствующих правовых норм. Нетрудно заметить, что это отношение характеризуется трехмерным измерением, колеблется от активного (позитивного) одобрения требований правовых норм к весьма отрицательной позиции, занимаемой отдельными респондентами по отношению к ценностям и благам, охраняемым правовыми нормами.

Установка индивида по отношению к какому-либо объекту или ценности определяется несколькими компонентами. Кроме знания и оценки обязательным элементом установки, как известно, всегда выступает поведенческий компонент, который по сути дела определяет все содержание социально-правовых установок. Выявление подобных синдромных образований в правовом сознании представляет в связи с этим особый интерес.

Изучение правового сознания, проведенное с помощью тестов незаконченных предложений, продемонстрировало определенные трудности в обнаружении поведенческих компонентов социально-правовых установок. Мы обнаружили их косвенным путем, прибегая к логическому анализу дополнений к незавершенным предложениям.

Применяемые в исследовании тесты ставят опрашиваемого в принудительную ситуацию, побуждающую его к определенному варианту поведения. И хотя оно (на вербальном уровне) не является результатом непосредственного взаимодействия респондента с нормой, охраняющей какое-либо благо или ценность, не выступает как итог непосредственного знания и оценки ее требований, а представляет собой лишь реакцию на уже совершившееся нарушение закона, хотя оно и обусловлено непосредственно противоправным поведением других, тем не менее ответы опрашиваемых в данном случае следует рассматривать и как проявление поведенческого уровня правового сознания (поведенческий компонент).

Ответы на данный тест, равно как и на другие, позволяют получить достаточно однозначную информацию о степени активности позиций опрашиваемых в вопросах соблюдения требований тех или иных норм права. Практически во всех тестах мы смогли выбрать ответы, которые характеризуют позитивную и нейтральную позиции.

В некоторых же тестах обнаружили завершения предложений, характеризующие отклоняющееся поведение опрашиваемых.

Изложенное здесь подтверждает наше предложение о том, что с помощью тестов незаконченных предложений представляется возможным выявить социально-правовые установки опрашиваемых в полном объеме (знание, оценка, поведение).

Анализ данных, относящихся к выявленным компонентам установок опрашиваемых по отношению к различным нормам, позволяет нам получить определенное представление о качественном содержании и направленности в развитии правового сознания как отдельного индивида, так и определенной социальной общности.

Результаты исследования свидетельствуют о значительных колебаниях в позициях опрошенных. Различия в установках определяются многими факторами и обстоятельствами, среди которых на одно из первых мест выдвигаются прежде всего содержание и уровень ценностей (в представлении опрашиваемых), охраняемых законом. Самый высокий уровень положительно направленной активности опрашиваемые проявили, например, по отношению к требованиям тех норм, которые охраняют интересы личности, жизнь и здоровье людей, их достоинство. Здесь был выявлен наиболее высокий процент респондентов с активно позитивными установками: 85,3% заняли крайне отрицательные отношения к фактам проявления хулиганских действий; 92,6% — к хищению личной собственности (краже); 76,7% опрошенных выразили готовность вести борьбу с обманом покупателей. Довольно высокий процент людей из числа опрошенных проявил крайне негативное отношение к фактам, связанным с приписками в объемах выполненных работ: 70,6% респондентов, встретившись с подобными явлениями, предприняли бы все зависящие от них меры с тем, чтобы пресечь нарушения соответствующих правовых норм. Вместе с тем тестирование выявило у опрошенных наличие установки, характеризующейся безразличным отношением к некоторым нормам и их нарушениям, а в некоторых, хотя и редких, случаях и отрицательно направленные установки.

Отрицательно направленный стереотип в сознании и поведении отдельных людей формируется при условии неспособности их противопоставить воздействию негативных факторов и обстоятельств высоконравственные идеалы и ценности. В этих случаях «давление» обстоятельств негативного плана порождает несопротивляемость им, формирует нейтральную позицию по отношению к нарушениям норм права и самим нарушениям, а в ряде случаев обуславливает противоправное их поведение.

В ходе исследования было выявлено значительное количество людей, еще не придающих особого значения фактам мелкого хищения собственности (78,6%), бесхозяйственности (38%), имеющим место в отдельных коллективах. В этом отношении определенный интерес представляет сопоставление данных об установках по отношению к государственной и личной собственности работников. Практически все опрошенные заняли активную позицию в отношении государственной собственности, незаконно обрабатываемой отдельными людьми в личное пользование посредством мелкого хищения на предприятиях.

Предварительный анализ эмпирических данных, полученных с помощью тестов незаконченных предложений, позволяет сделать еще один весьма интересный вывод. Оказалось, что люди с положительно направленной активностью, проявляемой ими в сфере реализации требований правовых предписаний, в борьбе со всевозможного рода нарушениями правовых норм, неоднородны по своему составу в смысле содержания и формы проявляемой активности. Установлены два варианта, или уровня, активного отношения к реализации требований норм права. Первый вариант: для того чтобы пресечь нарушения закона, опрашиваемые выразили намерение обратиться в компетентные (по их мнению) органы; и второй — с целью восстановления нарушенного права, в своих завершениях предложений тестируемые выразили готовность лично вмешаться в разрешение возникшей ситуации. Уже из простого (статистического) распределения ответов (см. табл. 2 Приложения) становится очевидным, что личная реакция преобладает в тех случаях, когда какое-либо нарушение

норм права направлено против личности, ее интересов или же тогда, когда оно хотя и направлено против интересов той или иной организации, но субъективно воспринимается как преступление против личности (например, обвешивание покупателей — 72%).

И наоборот, намерение обратиться в компетентные (по мнению самих опрашиваемых) организации превалирует над личной инициативой в тех случаях, когда совершаемые преступления и проступки направлены против государства, не затрагивают непосредственно личные интересы опрашиваемых (хищения государственной собственности — 65,3%, списание в отходы годных для производства материалов — 59,3%).

В тех случаях когда нарушение закона затрагивает интересы государства и одновременно интересы личности, но индивид убежден, что личное вмешательство в ситуацию не дает эффективных результатов, он высказывает намерение обратиться за помощью в правоохранительные органы.

Анализ реагирования на нарушения законности приводит к выводу о том, что в основе выявленных различий хотя и лежат различия в содержании противоправных действий, но дифференциация опрашиваемых по характеру реагирования на совершаемые правонарушения преимущественно обусловлена различием в уровне их правового сознания. Нежелание обратиться в правоохранительные органы с целью пресечь нарушение закона и стремление ограничиться личной реакцией (замечанием) свидетельствует о том, что в ряде случаев в представлении опрашиваемых данный вид правового нарушения или преступления не является социально опасным. Так, в ситуации, описывающей возможность вмешательства в расследование дела с целью помочь товарищу избежать наступления уголовной ответственности, личная реакция составила 50,7%, и никто из опрошенных не изъявил желание обратиться в правоохранительные органы с целью пресечь готовящееся нарушение закона. Недооценка степени опасности отдельных нарушений закона в ряде случаев, как показало исследование, обусловлено правовой неосведомленностью опрашиваемых.

Можно было бы продолжить интерпретацию полученной информации. Однако уже этого достаточно, чтобы убедиться: с помощью апробируемой процедуры исследования правового сознания можно получить весьма содержательные результаты. Конечно, прежде чем какой-либо тест признать валидным, необходимо неоднократное его применение. Но в данном случае даже локальное исследование подтвердило эффективность его применения.

Исходные данные, полученные при помощи тестов незаконченных предложений, могут быть использованы для более глубокого изучения социальных аспектов правового сознания (выявление качественных характеристик, определение и оценка уровня развития и т.д.).

Настоящее исследование выявило также определенные недостатки, относящиеся к вопросам, связанным с техникой построения самих тестов. Хотя по своему характеру они не смогли повлиять на результаты исследования, тем не менее, как нам представляется, они должны быть учтены при применении описываемой процедуры. Суть их в следующем:

1) тесты незаконченных предложений должны отличаться внутренней логикой, научной строгостью в описании ситуации и нести в себе такую информацию, которая бы позволила дать четкую правовую оценку поведению опрашиваемых;

2) ситуации, описываемые незаконченными предложениями, должны быть в максимальной степени приближены к реальной жизни;

3) на полноту, характер и содержание получаемой информации существенное влияние оказывает включенность опрашиваемого в ту или иную сферу жизнедеятельности, описываемую ситуацией.

Информацию, полученную по ситуациям, связанным с производственной и внепроизводственной сферами деятельности, следует анализировать раздельно.

Эти замечания и выводы необходимо учитывать при конструировании тестов незаконченных предложений, открывающих перед исследователем значительные возможности в области эмпирического изучения правового со-

знания. Вместе с тем констатируя эффективность процедуры использования тестов незаконченных предложений в качестве возможных средств эмпирического изучения правового сознания, необходимо указать также и на значительные трудности, возникающие при использовании этой методики.

Во-первых, она требует привлечения значительного числа высококвалифицированных специалистов. Выбор наиболее адекватных предложений, определение их взаимного расположения, выделение степени влияния контекстуальных связей — все эти задачи, возникающие на стадии разработки тестов незаконченных предложений, могут быть квалифицированно решены лишь при условии привлечения высококвалифицированных работников различных специальностей, ибо только они в состоянии дать экспертную оценку обоснованности и надежности предлагаемых тестов.

Во-вторых, интерпретация завершений незаконченных предложений во многом предопределяется личностными особенностями исследователя. Это обстоятельство при соответствующих условиях может повлечь за собой привнесение в определенном смысле элементов субъективизма в получаемые результаты исследования.

Внешняя простота и нетривиальность процедуры, возможность получения с ее помощью более глубокой и интересной информации, относящейся к социально-правовым установкам опрашиваемых, — все эти преимущества данной методики могут быть сведены к нулевому значению, если полученная информация будет интерпретироваться не на профессиональном уровне.

В-третьих, данная процедура оказалась неэкономичной в том смысле, что требует значительных временных затрат на изучение поставленных в исследовании проблем.

Изложенные здесь соображения обуславливают необходимость разработки таких методов изучения правового сознания, которые позволят преодолеть отмеченные выше трудности.

Ценность же описываемой процедуры кроме отмеченных выше достоинств состоит в том, что она позволяет:

1) убедиться в правомерности редукции общего понятия правового сознания к системе социально-правовых установок;

2) зафиксировать многомерность как самих установок, так и ее составляющих;

3) гипотетически предположить (опираясь на эмпирически установленные факты, а также на логический анализ возможных сочетаний разнонаправленных элементов установок) наличие более сложной структуры отношений индивида к требованиям правовых норм, чем выявленная.

Предполагаемая структура социально-правовых установок в самом общем виде может быть представлена (описана) следующим образом.

Активно-позитивная установка. Эта установка присуща тем, кто чувствует личную ответственность за состояние дисциплины и общественного порядка в нашем обществе. Эти люди понимают, что определенную опасность для общества представляют не только те, кто непосредственно нарушает требования правовых норм, но и те, кто проходит мимо этих нарушений. Отношению этих людей к требованиям права, к его реализации присуща высокая гражданственность, зрелость. Они активно борются с недостатками на производстве, а также пресекают антиобщественное поведение, допускаемое отдельными людьми вне производственной сферы деятельности.

Традиционно-позитивная установка. В сознании людей, обладающих этой установкой, еще не произошла ломка веками культивировавшихся представлений о том, что соблюдение общественного порядка, норм трудовой и государственной дисциплины — задача уполномоченных на то соответствующих должностных лиц, организаций и учреждений. Эти люди активно и хорошо трудятся, аккуратно выполняют свои непосредственные обязанности, должным образом относятся к требованию правовых норм, сами их не нарушают, но безразличны к нарушениям со стороны других.

Неустойчивая установка. Так мы определяем социально-правовую установку тех людей, которые, как правило, не высказывают своего неодобрительного отношения к

требованиям правовых норм, в общем положительно относятся к мероприятиям по укреплению дисциплины и общественного порядка, исходящим от соответствующих органов, но вместе с тем при стечении определенных обстоятельств способны совершать правовые нарушения. Требование, выражающееся в отдельных нормах права, эта категория людей усваивает формально, неглубоко. В связи с таким неглубоким усвоением требований некоторых правовых норм и ценностей сознание оказывается «бессильным» удержать таких людей от совершения противоправных поступков.

Пограничная социально-правовая установка. Носителями ее выступает та часть людей, которая, как правило, не одобряет требования тех или иных правовых норм, но все-таки выполняет их, боясь отрицательных последствий. Это та часть людей, которые могут стать на путь правовых нарушений, если будут убеждены, что их противоправное поведение не окажется достоянием гласности и они смогут избежать ответственности.

Постоянно и негативно отклоняющаяся социально-правовая установка. Она аномальна в том смысле, что содержит негативные оценки правовых норм. Носители этой установки склонны к совершению дисциплинарных поступков, административных правонарушений, и даже преступлений. Для людей с этим типом установок характерна высокая степень выраженности и стойкости неправомерного отношения к государственной и частной собственности, охраняемому Законом общественному порядку. Зачастую «обладатели» этих установок не мыслят жизнь вне преступной деятельности. Эту категорию людей психологи называют типами с полной преступной зараженностью. Они в высшей степени с пренебрежением относятся к требованиям правовых норм. Но среди них довольно часто встречаются и такие, которые свою антиобщественную направленность прикрывают вполне пристойным внешним поведением и положительными оценками действующих норм права (например, взяточники). В этих случаях они как будто бы сходны с обладателями неустойчивых установок (по оценке правовых норм). Но это лишь внешнее

сходство, так как их поведение всегда преступно, а нарушения не выходят большей частью за пределы дисциплинарных или административно-правовых нарушений.

При построении типологии социально-правовых установок мы исходим из того неопределенного факта, что незнание нормы права не может освободить индивида от ответственности. Поэтому во всех случаях когнитивный компонент социально-правовой установки представлен положительным законом. Но в реальной действительности индивид может совсем не знать о той или иной норме, ее требованиях или иметь о ней ошибочное представление. В подобных случаях он вынужден оценивать сложившуюся ситуацию, опираясь на свой прежний, ранее накопленный опыт социально-нравственного поведения. В этих случаях он принимает решение и строит программу своего поведения, опираясь на доминирующие в его сознании позитивные или негативные установки.

Предполагается, что незнание или ошибочное представление индивида о правовых нормах, о содержании их требований может оказывать существенное влияние на их оценку и на поведение индивида в конкретной ситуации. Но это обстоятельство не в состоянии, на наш взгляд, поколебать самого принципа построения структуры социально-правовых установок.

Конечно, предложенная классификация социально-правовых установок, как и всякая классификация других социальных явлений, содержит в себе некоторые элементы схематизма, а поэтому, как и всякая схема, страдает определенной неполнотой. Однако она, на наш взгляд, более или менее адекватно отражает функциональные свойства и социальную направленность реально действующего, эмпирически данного правового сознания индивида.

Обладатели соответствующих установок образуют определенную иерархию по степени соответствия (адекватности) ожиданиям общества, с одной стороны, и сложности влияния на их установки (мы не говорим о первой группе) — с другой.

Концептуальные соображения по поводу типологической структуры установок имеют вероятностный характер. Эмпирическая проверка представленных здесь соображе-

ний является (мы уже об этом говорили) одной из главных задач в настоящем исследовании. Решение только этой задачи имеет большую теоретическую и практическую значимость.

Экспериментальную проверку типологической структуры социально-правовых установок мы стремились осуществить с помощью методики стандартизированных ситуаций, создающей, так же, как и тесты незаконченных предложений, возможность покомпонентного их измерения, позволяющей при этом избежать отмеченных выше недостатков.

В реальной жизни правовое сознание всегда выступает в виде деятельности индивида, разрешающего конкретную жизненную ситуацию, связанную с необходимостью реализации тех или иных нормативных предписаний. Осуществляясь на психологическом уровне, эта деятельность каждый раз актуализируется в виде определенной установки или их системы, необходимой для принятия того или иного волевого решения.

В связи с этим весь процесс измерения установок в нашем исследовании состоял в том, чтобы разработать такую систему индикаторов, с помощью которых можно было бы получить информацию о связях и отношениях, возникающих в правовом сознании опрашиваемых в процессе общения их с инструментом исследования.

С этой целью нами был сконструирован набор проективных ситуаций, которые по заранее установленному и совершенно определенному способу были предложены каждому из опрашиваемых. Ситуации составлялись в виде сообщений, адресованных респондентам, при этом была предпринята попытка представить восприятие всех сообщений в виде действий, направленных на решение исследовательской задачи, суть которой — в покомпонентном измерении социально-правовых установок. При сохранении тождества в логической структуре содержания ситуации варьировались в зависимости от характера нарушаемой нормы.

В психологическом отношении ситуация представляла собой не что иное, как решение своеобразных задач. По-

этому важно было, чтобы информация содержала в себе не только исчерпывающую характеристику условий, позволяющую решить проблему (прожективную) ситуацию, но и включала в себя такие смысловые структуры, которые позволили бы поэтапно проследить за проявлением психологического уровня правового сознания опрашиваемых.

Как и во всех случаях, решение проблемной ситуации (задачи) здесь явилось своеобразной формой познания некоего фрагмента социальной действительности, выступающей в данном случае в виде содержательных характеристик социально-правовых установок опрашиваемых. Сами ситуации, как и выбор логической конструкции вопросов, основывались на теоретической проработке проблемы социально-правовых установок, а также на теории построения вопросов. Прожективные ситуации рассчитаны на получение количественных и качественных характеристик правового сознания респондентов. Отбор информации, содержащейся в прожективных ситуациях, производился с учетом программы исследования. В каждом случае ситуация описывала события нарушения правовой нормы (об установке индивида к требованиям той или иной нормы адекватно можно судить лишь при выявлении его отношения к нарушению этой нормы) в терминах, исключающих неоднозначную интерпретацию установки опрашиваемого. Сама проблема измерения социально-правовых установок решалась в исследовании в плане предпринятия оптимального числа прожективных ситуаций, надежно регистрирующих и отражающих характерные особенности правового сознания опрашиваемых.

Для выявления установок респондентов, например, к нормам, регулирующим трудовой распорядок в коллективе, была предложена (включена в анкету) следующая ситуация. «Бригада рабочих, в которой состоит П., на протяжении рабочего дня простояла из-за недопоставки необходимого материала. Прибывший в бригаду руководитель предприятия на вопрос об обеспечении работой на следующий день дал неопределенный ответ. П. на следующий день на работу не явился».

Опрашиваемый должен был ответить на четыре вопроса следующего типа:

1) Как оценивает законодательство поступки, подобные поступку П.?

2) Как Вы лично оцениваете поступок П.?

3) Как бы Вы сами поступили, если бы оказались в подобной ситуации?

4) Как бы Вы поступили, если бы узнали, что кто-либо из работающих с Вами собирается поступить так, как П.?

В вопросе обычно отражается противоречие между имеющимся знанием и какими-либо фактами, которые не укладываются в рамки наличного знания о них. В приращении определенного рода знания и состоит гносеологическая функция любого вопроса.

Выясняя уровень правового знания опрашиваемых как конструктивного элемента их установок, мы также получаем, в определенном смысле, приращение знания, но это приращение особого рода: мы здесь выявляем уровень знаний (осведомленности) об уже имеющемся знании, ранее полученном, утвержденном (санкционированном и функционирующем) в обществе. Проводимая здесь операция, не затрагивая природы самого феномена правового знания, с помощью вопроса соответствующей конструкции должна нас «вывести» на содержательную характеристику правовой информированности опрашиваемых.

Процедура выявления правовых знаний, как было установлено при проведении пробного исследования, предъявляет особые требования к логической конструкции вопросов, с помощью которых выявляются эти знания. Смысл этих требований состоит в том, что вопросы должны адекватно отражать отношение между объективным содержанием правовых знаний и теми признаками, с помощью которых мы стремимся определить это содержание.

В выявлении (измерении) эмпирических признаков того или иного явления, в том числе и признаков правовых знаний, получили широкое распространение вопросы, логическая конструкция которых предполагает ответы на них только в дихотомической форме (вопросы типа *S* есть *P* или не *P*). При выявлении когнитивных элементов социально-правовых установок опрашиваемых мы преднамеренно отказались от подобной конструкции воп-

росов как некорректной. При кажущейся простоте конструкции и легкости статистической обработки вопросы с дихотомической формой ответов обладают в данном случае крайне ограничительной познавательной возможностью (познавательной функцией). При данной конструкции вопроса свобода выбора опрашиваемого ничтожна; он вынужден ограничиваться лишь одним предикатом суждения, тогда как эмпирический уровень правовых знаний не укладывается (и не может уложиться) в рамки простой дихотомической противоположности. Степень определенности в данном случае может быть различной так же, как и различен уровень измеряемых знаний о праве. Правовое знание, как никакой другой вид знания, четко структурировано, строго формализовано в том смысле, что всегда имеется однозначное указание о том или ином его содержании. Тем не менее и здесь просто невозможно представить такую форму ответа, которая бы исчерпывалась простым отрицанием или утверждением. Кроме этих двух противоположных оценок уровня правовых знаний на шкале их измерения вполне укладывается и третья оценка — неполное, неточное, наконец, ошибочное представление индивида о той или иной норме права, относящейся или к диспозиции, или к санкции этой нормы.

В связи с этим в качестве процедуры по выявлению уровня правовых знаний (когнитивный компонент установки) был предложен строго определенный и достаточно разнообразный набор ответов-суждений, в своей общей совокупности характеризующих наличный уровень *правового знания* (Z_n) респондента. Выглядят они следующим образом:

Вопрос: Как оценивает законодательство поступки, подобные проступку П.?

- как правовое нарушение, влекущее за собой наказание, не связанное с лишением свободы (выговор, увольнение, штраф и т.д.) (1);

- как уголовное преступление, влекущее за собой наказание в виде лишения свободы (2);

- ни уголовная, ни дисциплинарная (или административная) ответственность за подобный поступок законом не предусмотрена (3);

- какой-либо другой ответ (4);

- затрудняюсь ответить (5).

Нам представляется, что с помощью этих суждений-индикаторов мы можем отыскать искомую величину, т.е. знание нормативного акта, регулирующего борьбу с нарушениями трудовой дисциплины. В данном случае для нас значимым является не конкретное знание санкций, содержащихся в законах, а умение опрашиваемого ограничить дисциплинарный (или административный) проступок от уголовного преступления. Мы выявляем в данном случае лишь родовые признаки правового знания, преднамеренно отвлекаясь от индивидуализированных его качеств (конкретный срок лишения свободы, виды административных санкций или дисциплинарных взысканий и т.д.).

Знание закона на этом уровне нам представляется вполне достаточным, чтобы каждый человек, оказавшийся в той или иной ситуации, смог бы сделать правильный выбор и организовать свое поведение в соответствии с требованиями тех или иных норм права.

Из всех представленных здесь суждений только одно содержит правильный ответ на поставленный вопрос, все остальные — неправильные, но в различной степени приближающиеся к истинному. Остановившись на том или ином ответе (а условием ответа на этот вопрос, как и на все остальные, был выбор только одного суждения), опрашиваемый тем самым демонстрировал уровень имеющихся у него знаний данного нормативного акта.

Одной из смысловых сторон любого вопроса является своеобразное предвосхищение тех мыслительных процессов и операций, которые происходят в сознании опрашиваемого в ходе подготовки к принятию решения — ответа на этот вопрос. Принятая нами конструкция вопроса (S есть или P , или P_1 , или P_2 , или P_n) создает возможность для выявления знания на уровне логических форм правового мышления, что очень важно для выявления не только истинного уровня знания, но и тех закономерностей,

которые лежат в основе развития самого процесса формирования правового знания как когнитивного элемента установки, а также для понимания качественных характеристик этих знаний.

Эмоциональный (Э) компонент установки описывается с помощью нескольких расположенных на шкале суждений-ответов, содержащих оценку действия лица, совершающего нарушения той или иной нормы права.

Верхней границей такой оценки является резкое осуждение любых противоправных действий, а следовательно, проявляемая в высшей степени солидарность опрашиваемого с требованием нормы права.

Нижней границей оценки поведения, описываемого ситуацией, является, наоборот, непринятие требований той или иной нормы права, полнейшая солидарность (в оценке) с действиями правонарушителя.

Как составляющая социально-правовой установки эмоциональный компонент в нашем инструментарии описывается с помощью следующих суждений (индикаторов).

Вопрос: Как Вы лично оцениваете поступок П.?

- такие, как П., приносят большой вред обществу, и с ними нужно вести решительную борьбу (1);
- конечно, П. поступил плохо, но так делают некоторые люди (2);
- ничего предосудительного в поступке П. я не нахожу (3);
- П. поступил, думаю, правильно (4);
- какой-либо другой ответ (5);
- затрудняюсь ответить (6).

Проводимые здесь суждения составляют операциональную характеристику аффективного компонента социально-правовой установки. Взятые в качестве возможных вариантов ответы, как нам представляется, с достаточной полнотой характеризуют содержание самого вопроса, направленного на выявление оценочных компонентов установок опрашиваемых. В отличие от набора ответов-суждений к первому вопросу, здесь все суждения представлены как истинные (в том аспекте их понимания, что они отражают истинные оценки действий правонарушителя). Сама оценка как переменная представлена системой ин-

дикаторов, каждый из которых, являясь ее следствием, изменяется одновременно с самой переменной. Индикаторы необходимо коррелируются с ней как следствие одной причины.

Единый по своему содержанию *поведенческий* компонент в разработанной нами процедуре его измерения представлен двумя переменными.

Одна из них описывает собственное поведение опрашиваемого (Пс), представлена третьим *вопросом* («Как бы Вам сами поступили, если бы оказались в подобной ситуации?»). Другая же нацелена на выявление направленности в поведении опрашиваемого, явившемся реакцией на нарушение норм права другим лицом (Пр); она представлена *четвертым вопросом* («Как бы Вы поступили, если бы узнали, что кто-либо из работающих с Вами собирается поступить так, как П.?»).

В первом (из этих двух) случаях респонденту в качестве одного из ответов были предложены следующие суждения:

- я бы при любых обстоятельствах вышел на работу (1);
- я бы поступил так же, как П., только в том случае, если бы был уверен, что придется весь день простоять (2);
- я бы поступил так же, как П., если бы был уверен, что мне это ничем не грозит (3);
- в подобной ситуации я бы поступил так же, как и П. (4);
- какой-либо другой ответ (5);
- затрудняюсь ответить (6).

В другом случае — назовем его условно реактивным поведением — оно измерялось тремя индикаторами, представленными в ответах типа:

- я бы принял все меры для того, чтобы он не совершил подобных действий (1);
- в конце концов каждый поступает так, как считает это необходимым (2);
- если его поступок был вызван действиями администрации, то он поступил правильно (3);
- какой-либо другой ответ (4);
- затрудняюсь ответить (5).

Нетрудно заметить, все эти суждения на поставленный вопрос характеризуют различную позицию опрашиваемого в той ситуации, когда он сталкивается со случаями нарушения норм права окружающими его людьми. Позиция эта колеблется от высшей степени гражданского отношения к соблюдению требований правовых норм до нейтральной. По логике позиция опрашиваемого предопределялась той оценкой, которую он давал поведению нарушителя, и собственным поведением, которое он избрал в представленной ему прожективной ситуации.

Как видим, в данном случае был разработан специальный алгоритм, который позволил точно соотносить совокупность выбираемых опрашиваемыми ответов с конкретным типом правового сознания. В формализованном виде эти типы социально-правовых установок могут быть представлены следующим образом:

Активно-позитивный	«Зн» ₁₋₅ → «Э» _{1,2,6} → «Пс» ₁ → «Пр» ₁
Традиционно-позитивный	«Зн» ₁₋₅ → «Э» _{1,2,6} → «Пс» ₁ → «Пр» _{2,5}
Неустойчивый	«Зн» ₁₋₅ → «Э» _{1,2,6} → «Пс» ₂ → «Пр» ₁₋₅
Пограничный	«Зн» ₁₋₅ → «Э» _{2,3,6} → «Пс» ₃ → «Пр» _{2,3,5}
Негативно отклоняющийся	«Зн» ₁₋₅ → «Э» _{3,4,6} → «Пс» ₄ → «Пр» _{2,3,5}

Учитывая, что у опрашиваемых может сложиться определенная стереотип при ответах на вопросы, мы, во-первых, отказались от последовательного (следующего друг за другом) предъявления прожективных ситуаций в одной анкете и разместили их так, что они чередовались с другими вопросами анкеты, и, во-вторых, сделали достаточно разнообразной последовательность как самих вопросов, выявляющих компоненты установок, так и альтернатив в каждом из этих вопросов.

Так, в одной из ситуаций респонденту вначале ставился вопрос, имеющий своей целью выявить (в отличие от написанного выше порядка) не уровень правовых знаний опрашиваемого, а его отношение к действиям нарушителя. Затем следовал вопрос, с помощью которого определялись оценочный и поведенческий компоненты. Уровень правовых знаний измерялся в последнюю очередь.

Порядок предъявления альтернатив к каждому из вопросов в данной прожективной ситуации был так же существенным образом изменен: в вопросе следовало суждение, фиксирующее у респондента неадекватное отношение к требованию соответствующей нормы. Замыкающим в представленном наборе было суждение, свидетельствующее о наличии положительно направленной оценки правовых предписаний в анализируемой сфере общественных отношений.

Изменения в порядок предъявления вопросов и альтернативных ответов на них вносились от ситуации к ситуации. Для нашего исследования это обстоятельство имело существенное значение. Дело в том, что решения, которые приходится принимать опрашиваемому при переходе от одной задачи к другой в процессе измерения установок, носят характер осознанных, логически контролируемых действий, а следовательно, содержат и возможность осознания самого контроля за выполнением этих действий.

Когда же область поиска альтернативных суждений оказывается недостаточно определенной, опрашиваемый вынужден исследовать саму проблемную ситуацию и находить адекватное (с его точки зрения) решение с помощью действий, логические основания которых (а иногда и само содержание ситуации) он в достаточной степени не осознает. Производимые опрашиваемым в таких случаях операции в известном смысле можно определить как случайные, так как здесь отсутствует логическая соединенность между ними. Однако в действительности все его действия по выбору суждения, характеризующего ту или иную переменную, обусловлены самой задачей, содержащейся в прожективной ситуации, точнее, степенью проникновения в содержание предложенной ему информации, с одной стороны, и с другой — наличием опытом и сложившимся у него отношением к ценностям, между которыми ему приходится в каждом случае делать необходимый выбор.

В основе подобных действий опрашиваемого лежат производимые им обобщения относительно определенных признаков той или иной переменной (знания, оценка, вербальное поведение). Ориентировка респондента на общие

особенности прожективной ситуации, имплицитно содержащийся в ней набор всех свойств и признаков социально-правовых установок дают возможность выделять (хотя и в генерализованном виде) те свойства и признаки этих установок, которые принадлежат ему и только ему, и никому другому.

Правовое сознание опрашиваемых, включенное здесь в последовательную цепь следующих друг за другом вербальных актов поведения, оказывается как бы развернутым в своем содержании благодаря актуально действующим установкам по отношению к той или иной норме права, реализующейся в конкретной ситуации.

Сам акт выбора альтернативных суждений, содержащихся в каждом из поставленных вопросов, есть не что иное, как объективизация наличествующих у них когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов установок. Многомерность суждений, обуславливая максимальную свободу для проявления различных по содержанию признаков (компонентов) установок, создает необходимые предпосылки для адекватного (с точки зрения респондента) поведения в соответствующей ситуации.

Особенность описываемой здесь методики изучения социально-правовых установок опрашиваемых состоит не только в том, что позволяет измерить каждый из составляющих ее компонентов, но и в том, что она создает возможность для выявления качественных различий между самими установками.

Последние (т.е. различия между установками) фиксируются тем или иным набором сочетаний альтернативных суждений, отбираемых респондентами в качестве ответов на каждый из четырех вопросов, сформулированных по конкретной прожективной ситуации, что дает возможность осуществить их классификацию.

Применяя описываемую здесь процедуру компонентного измерения социально-правовых установок, мы предполагаем, что можем встретиться с определенными затруднениями в интерпретации их как фиксированных установок.

В теории, как известно, установка (в том числе и социально-правовая) рассматривается не как чисто субъек-

тивное явление, обусловленное только индивидуальными психологическими особенностями человека, а как результат определенного (повторяющегося) взаимодействия индивида с объективными для него условиями жизнедеятельности. Предлагая опрашиваемому соответствующую прожективную ситуацию-задачу с определенным алгоритмом для ее решения, мы вполне допускаем, что респондент до этого мог и не пребывать именно в такой ситуации. Однако это вовсе не означает, что у опрашиваемого отсутствует определенное отношение к подобным социальным фактам.

Процедура здесь преследует цель стимулировать проявление установки, складывающейся не только под воздействием непосредственного (собственного) социально-правового опыта. Последний, безусловно, имеет существенное значение для формирования социальных установок, однако, среди факторов, обуславливающих формирование и развитие установок, непосредственный опыт состоит далеко не в первом ряду. Формирование установок может быть обусловлено и вторичным опытом.

Прожективные ситуации, применяемые в нашем исследовании, создают своеобразное «поле» для проявления подобного рода установок и способствуют в данном случае разворачиванию логико-психологических аспектов правового сознания опрашиваемых.

2.3. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ УСТАНОВОК

В настоящем исследовании (как, впрочем, и в любом другом) единицей эмпирического наблюдения выступает конкретный общественный индивид. Из всей совокупности его признаков и свойств в качестве исследуемых мы выделяем те, которые, будучи продуктами его духовной деятельности, характеризуют только его *знание* требований норм, только его *оценку* этих требований и только его *решение*, принимаемое им в ситуациях, связанных с реализацией этих норм.

«Снимая» информацию о специфических признаках правового сознания индивида, мы вместе с тем получаем данные об общих свойствах правового сознания всей выборочной совокупности, ибо такое единичное явление, как индивидуальная социально-правовая установка в саморазвивающейся системе, какой в данном случае является система социально-правовых взглядов и оценок опрашиваемых, имеет двоякую природу. С одной стороны, индивидуальная установка по отношению к конкретной норме права имеет свое собственное содержание, характеризующее только данного индивида и отличающее его от других; с другой — эта же индивидуальная установка по отношению к конкретной норме права обладает теми качественными особенностями, которые сближают его с установками других индивидов, т.е. она (установка) обладает теми же характеристиками, что и другие социально-правовые установки.

Подобное соотношение качественных особенностей социально-правовых установок у конкретных индивидов обуславливается теми общими требованиями, которые содержатся в правовой норме и по отношению к этим требованиям измеряются установки.

В настоящем исследовании предполагалось измерение установок каждого (в пределах отобранной совокупности) индивида к определенному их множеству. Образующаяся в этом случае система социально-правовых установок каждого в отдельности индивида соотносится с системой установок другого и с образовавшейся системой установок в целом как единичное, особенное и всеобщее. Система социально-правовых установок опрашиваемых проявляется таким образом как наличная определенность, расчлененная среди других определенностей. В этих параметрах и функционирует эмпирически данное правовое сознание той или иной социальной общности.

Для выявления его качественных характеристик необходимо было, во-первых, создать соответствующие условия для его проявления и, во-вторых, применить такие методы его изучения, которые, выявляя социально-правовые установки конкретного индивида, позволяли извлечь

абстрактно-единичное содержание в каждой из этих установок и редуцировать его к качественно-количественным признакам всей системы социально-правовых установок, функционирующих как наличное бытие правового сознания выборочной совокупности.

Функционирующие в этой или иной социальной общности (эмпирически данное) правовое сознание обладает свойством многомерности и требует в качестве критерия выявления его уровня целого комплекса показателей, последовательное применение которых дает нам возможность отнести конкретное его проявление к тому или иному типу. Поэлементное исследование социально-правовых установок опрашиваемых не решает, а лишь создает предпосылки для решения проблемы выявления качественного содержания и уровня развития правового сознания.

Задача воссоздания цельного представления о содержании социально-правовых установок обуславливает необходимость в таких методах обработки эмпирической информации, которые, сохранив каждый из измеренных уже элементов установки в своем неизменном тождестве, позволили бы выявить социально-правовую установку как единое целое, но отличающееся своим качественным содержанием от любой другой установки.

При моделировании знания, оценок и вербального поведения опрашиваемых исследователю приходится сталкиваться с рядом сложных информационных проблем, разрешить которые возможно лишь путем логических построений и определенных преобразований. На первый план здесь могут выдвигаться задачи логической переработки полученной информации, что позволяет отнести их в разряд задач, решаемых в классе информационно-логических и поисковых систем.

Это обстоятельство обуславливает необходимость использования математического аппарата и тех процедур, которые применяются при классификации тех или иных объектов. Последняя же в эмпирических исследованиях обычно осуществляется на основе факторного и регрессионного анализом, с помощью которых исследователь стремится свести значительное число признаков к нескольким

поддающимся удовлетворительной интерпретации факторам, на основании которых затем проводится соответствующая классификация объектов и полученные классы (группы, кластеры) описываются в терминах факторов.

В нашем исследовании мы вынуждены были отказаться от использования вышеупомянутых процедур по следующим соображениям:

1) процедуры факторного и регрессионного анализов обуславливают в качестве необходимого условия их осуществления наличие переменных, измеряемых с помощью количественных шкал; в качестве связи между этими методами используются коэффициенты линейной корреляции.

Нам же предстояло осуществить классификацию объектов с помощью признаков (переменных), построенных на основе сочетания как количественных, так и номинальных шкал, наличествующих в каждой из переменных (знание, оценка, поведение);

2) факторные решения могут существенным образом зависеть от кластерной структуры, которую в нашем исследовании как раз и надлежало выявить. Применение в данном исследовании факторного анализа для сжатия признакового пространства в принципе делало невозможным интерпретацию полученных факторов, поскольку не было оснований предполагать, что при обработке информации в тот или иной фактор войдут признаки только одного компонента установки или признаки только одной ситуации;

3) в качестве основания для типологизации (классификации) социально-правовых установок программой исследования был определен набор признаков, состоящих из четырех переменных — «Зн», «Э», «Пс», «Пр», — каждая из которых имела существенное значение для выделения того или иного типа социально-правовых установок. Ни один из них нельзя было интерпретировать как самостоятельный и конституирующий тот или иной класс установок. Исключение любого признака («Зн», «Э», «Пс», «Пр»)¹ из набора классифицирующих пере-

¹ «Зн» — знание; «Э» — эмоциональный (оценочный) компонент; «Пс» — поведение собственное; «Пр» — поведение реактивное.

менных повлекло бы за собой (об этом уже говорилось выше) нарушение целостности самой установки. Единственно возможной процедурой, с помощью которой предстояло решить поставленные нами исследовательские задачи, оставалась процедура автоматической (многомерной) классификации.

Поскольку сама задача как в методологическом, так и в методическом отношении носила поисковый, экспериментальный характер, мы стремились произвести классификацию, используя независимые способы ее осуществления. Самым экономным, а следовательно, и самым привлекательным методом получения ожидаемых результатов мог быть тот, который позволит осуществить группировку всего массива высказанных опрашиваемыми мнений и оценок относительно требований всех норм, отобранных и предъявленных в ходе опроса.

С этой целью в исследовании была предпринята попытка при заданных условиях применить соответствующий алгоритм таксономии. Выявилось, однако, что данная процедура неадекватна, поскольку дать сколько-нибудь содержательное описание полученных результатов оказалось невозможным: в результате проведенной классификации было получено достаточно большое количество трудно интерпретируемых (а подчас и вовсе не подлежащих логической интерпретации) переменных, причем каждая из них являла собой лишь составную часть образовавшихся при этом более крупных комплексов этих переменных.

Поиск решения поставленной задачи обусловил выбор в конце концов такой процедуры классификации социально-правовых установок, которая требовала, чтобы в качестве типологообразующих признаков были определены те из них, которые структурируют (образуют) каждую ситуацию как единое целое.

Для этого четыре переменных («Зн», «Э», «Пс», «Пр») пришлось свести в одну, в результате получено десять (по числу ситуаций) синтетически образованных признаков-переменных, по отношению к которым была произ-

ведена классификация социально-правовых установок опрошенных.

В исследовании, таким образом, была применена методика двухступенчатого агрегирования, при которой сначала строились классы (типы) по каждой из десяти ситуаций отдельно, а затем проводилась классификация по десяти предварительно сконструированным классификационным признакам.

Решение вставшей перед нами методической задачи именно в таком ключе было обусловлено прежде всего содержательными задачами настоящего исследования, ставящего своей целью наиболее глубоко проникнуть в структуру и содержание социально-правовых установок опрашиваемых, выявить специфические особенности как на уровне их проявления, так и на уровне функционирования как целостного духовного образования.

Применение процедур многомерной классификации на первоначальном этапе ее осуществления преследовало цель сгруппировать мнения и оценки правовых норм, выявить ту или иную направленность в вербальных актах поведения, проявляемых респондентами в каждой из сконструированных прожективных ситуаций.

Весь массив опрашиваемых подлежал такому расчленению, при котором произошла бы дифференциация респондентов в зависимости от структуры (содержания и направленности) их установок по отношению к правовым требованиям. Работники, фиксирующие свое внимание на альтернативных суждениях с примерно одинаковым значением, т.е. обладающие каким-либо типом этих установок, были бы более близки друг другу (по функциональным свойствам их правового сознания), чем наемные работники, выбирающие в качестве своего ответа альтернативные суждения с противоположным значением.

Мера близости (сходства) между такими респондентами, точнее, между тем или иным классом (типом) их установок, определяется соответствующими метрическими измерениями.

В нашем исследовании, как уже говорилось выше, анкеты содержали альтернативные суждения (переменные),

измеряемые разнопорядковыми шкалами, в связи с чем классификация суждений рабочих по поводу требований правовых норм, фиксируемых в их ответах на поставленные вопросы, требовала безусловного преобразования шкал измерения. По условиям исследования это преобразование следовало осуществить таким образом, чтобы сохранить в максимальной степени полученную эмпирическим путем информацию, содержащуюся в альтернативах, измеренных разнопорядковыми шкалами.

Данное условие было соблюдено тем, что для принятия набора признаков при преобразовании смешанных шкал были взяты значения (вес) альтернатив, полученных с помощью экспертных оценок. При этом исходные шкалы отображались на ось положительных, действительных чисел R^+ . При вычислении расстояния между объектами было использовано расстояние по Евклиду. В качестве алгоритма классификации был принят алгоритм «выделение ядер».

В процессе осуществления классификации нами было получено более 100 вариантов сочетаний переменных («Зн», «Э», «Пс», «Пр»), характеризующих установки опрашиваемых по отношению к требованиям, содержащимся во всех отобранных для исследования правовых нормах.

Наличие довольно значительного числа таксонов (100—140 в каждой ситуации), весьма значимая дифференциация в их наполняемости (число респондентов, составивших таксоны в границах одного и того же класса, колебалось в пределах от 1—2-х до 500 и более человек) отразило, с одной стороны, значительное различие в содержании правовых предписаний, адресованных респондентам, и с другой — отсутствие однозначного отношения их к этим предписаниям, т.е. весьма широкий диапазон их мнений и оценок.

Все это — свидетельство внутренней неоднородности изучаемого объекта, другими словами, сложной типологической структуры правового сознания опрашиваемых.

По ситуации, описывающей нарушение трудовой дисциплины, после обработки информации на ПК было, например, получено 129 таксонов. Внимательное изучение

характера связей между компонентами установок в каждом из образовавшихся таксонов позволило вычленить из них те, которые не поддаются содержательной (логической) интерпретации. Игнорированы были также мелкие (с наполняемостью в 1—2 объекта) таксоны.

Оставшиеся 75 таксонов оказалось возможным разбить на пять групп, чтобы в каждой из них оказались те, которые объединяют респондентов со сходными по качественному содержанию признаками социально-правовых установок. Приводимые в табл. 4—14 (см. Приложение) группы таксонов объединяют собой респондентов, имеющих *однотипные* установки к нормам, регулирующим дисциплину труда.

Таким образом, с помощью кластерного анализа нами было получено количественное распределение опрашиваемых в зависимости от их установок в каждой из десяти прожективных ситуаций. Описание (интерпретация) образовавшихся групп нами будет представлено ниже, здесь же следует отметить, что поставленная нами в исследовании задача (гипотеза) о возможности типологизации социально-правовых установок по отношению к конкретным нормам права оказалась вполне разрешимой.

При реализации первого этапа построения типологии кроме применения кластерного анализа был разработан другой метод, состоящий в том, что для каждой ситуации типы конструировались посредством перечисления комбинаций альтернатив по четырем признакам по схеме:

$$(P_i^1, P_i^2, P_i^3, P_i^4) \rightarrow T_j$$

где $P_i^1 \dots P_i^4$ — альтернативы первого... четвертого признаков. Определенное сочетание i_1, i_2, i_3, i_4 этих признаков фиксировалось в качестве типа T_j .

Для четырех признаков по специальной программе ПК были перечислены все возможные комбинации этих сочетаний. Графически они могут быть изображены в виде своеобразного «таксономического дерева».

Содержательный анализ полученных комбинаций переменных позволил вычленить из всей их совокупности логически противоречивые в смысловом отношении неинтерпретируемые сочетания этих переменных. В свою очередь сочетания переменных, имеющие содержательную характеристику, группировались в небольшие плеяды, каждая из которых приписывалась к определенной комбинации, составляющей «идеальный» тип.

С помощью подобной процедуры было сконструировано 46 типов сочетаний переменных (квантифицированные: знания, оценка, поведение), имеющих четкую смысловую интерпретацию. Все 46 типов оказалось возможным разбить на группы таким образом, что типы, попавшие в каждую из пяти групп, оказались мало различимыми с точки зрения содержательной характеристики, зато типы, попавшие в разные группы, заметным образом различались. Однородными при этом считались такие сочетания переменных, которые в пределах заданного критерия несущественно различались между собой по всему кругу исследуемых признаков одновременно, хотя по каждому признаку в отдельности они могут быть аномальными (в случае использования в исследовании критериев для одномерных распределений мы вынуждены были бы их исключить). По условиям классификации (типологизации) в однородную группу объектов (явлений) при проверке их по многомерному критерию могут входить «несоднородные» группы объектов при анализе их по одномерным критериям.

Исходя из этого выделенные с помощью экспертной классификации пять групп респондентов, обладающих определенными сочетаниями признаков («Зн» → «Э» → «Пс» → «Пр»), были зафиксированы в качестве конечной типологии по каждой ситуации. Важной особенностью полученных типов явилось то, что они образовали упорядоченный ряд, где каждый тип соответствует степени «идеальности» респондента в каждой прожективной ситуации.

Построение типов таким образом соответствовало задаче классификации с учителем, где в качестве обучающей выборки использовались интерпретируемые комбинации. Каждый объект относился к такому типу, где находилась «ближайшая» к нему комбинация.

Поскольку при конструировании типов перебирались все возможные комбинации, то в данном случае «близость» означала полное совпадение значений признаков объекта и элемента обучающей выборки.

Количественные распределения, полученные с помощью этих независимых методов — кластерного анализа и комбинаторики (так мы условно называли описанную выше процедуру), — совпали по всем параметрам, о чем свидетельствует приводимая табл. 15 (см. Приложение).

Совпадение исходных данных свидетельствует о достаточной степени валидности применяемых процедур, о достоверности самой информации, характеризующей типологическую структуру социально-правовых установок опрошенных.

Информация, полученная нами в результате произведенной классификации выявленных мнений и оценок респондентов, их готовности действовать соответствующим образом в той или иной ситуации, имеющей правовую характеристику, иллюстрирует довольно сложную структуру отношений опрашиваемых к требованиям закона. Оказалось, что обнаруженные у них установки по отношению к конкретным нормам значимо различаются между собой по своему содержанию и направленности.

Каждый из пяти выявленных типов (классов) социально-правовых установок, будучи весьма сложным по своей структуре образованием, включает в себя систему признаков, которые хотя и характеризуются наличием определенных количественно-качественных различий, но в своей совокупности не нарушают целостности самого типа, а, наоборот, пребывают в границах необходимой меры опознаваемых объектов.

Отклонения от идеального образа (модели) в каждом типе установок наблюдаются (во всех ситуациях) прежде всего в системе признаков, характеризующих или знание требований нормативных предписаний, или оценку этих предписаний.

В группу опрошенных с активно-позитивным типом социально-правовых установок вошло, например, определенное число тех, кто дал умеренно-позитивную оценку

нарушениям требований правовых норм («Конечно, П. поступил нехорошо, но так делают многие») и даже те, кто в оценке этих требований испытывает определенные затруднения («Затрудняюсь ответить»).

С другой стороны, в группе респондентов, скажем, с традиционно-позитивным типом установок имеется весьма значительное число тех, кто в высшей степени дает адекватную оценку общественной опасности правовым нарушениям и преступлениям («Такие, как П., приносят большой вред обществу, с ними нужно вести решительную борьбу»), и вместе с тем проявляет безучастное отношение к этим нарушениям (в каждой из ситуаций респондентов с подобного рода оценками насчитывается от 3,7% до 21,2%).

Аналогичные явления (отклонение от эталона) имеют место и в системе признаков, характеризующих другие (неустойчивый, пограничный и т.д.) типы социально-правовых установок.

Все это свидетельствует о том, что:

1) социально-правовые установки, объединяемые тем или иным типом, характеризуются признаками лишь с приблизительно одинаковым набором их значений;

2) в многомерном пространстве признаков каждый из выявленных типов социально-правовых установок по отношению к ближайшему к нему по адекватности типу, пребывает в состоянии частичной пересечения, в основе которой лежат главным образом знания норм и их оценок;

3) признаки социально-правовых установок, как и сами установки в целом, обладают в высшей степени динамическими свойствами, обуславливающими возможность их перехода (при определенных условиях) из одного типа в другой. Существенное значение в этих случаях имеет степень выраженности каждого из признаков установки.

Опираясь на экспертные оценки значений (весов) признаков, характеризующих социально-правовую установку, мы попытались выявить корреляционные связи между ее компонентами. Оказалось, что при наличии у респондентов точного знания санкции, полагающейся за нару-

шение нормы, оценка степени общественной опасности нарушения ее требований, как правило, более строгая, а поведение (на вербальном уровне) более адекватно социально-ожидаемому, чем в тех случаях, когда у них отсутствует необходимая информация по данному вопросу.

Так, для респондентов, достаточно правильно ориентирующихся в определении санкции за совершение мелкого хищения на производстве, средневзвешенная приведенная оценка общественной опасности данного правонарушения составила 0,88, а для тех, кто полагает подобные действия ненаказуемыми, — 0,77. Аналогичная зависимость оценки от знания установлена и в других ситуациях (борьба с контрабандой — 0,88 и 0,53).

Исключение составила лишь ситуация, описывающая дачу взятки. Здесь обнаружена обратная зависимость между когнитивным и оценочным компонентами: адекватность оценки общественной опасности данного преступления (в описываемой ситуации) понижается по мере перехода от незнания к точному определению полагающейся меры наказания.

При точном знании средневзвешенная приведенная оценка общественной опасности этого преступления составила 0,49; при ошибочном представлении о наказании — 0,51 и при полном незнании — 0,60.

Анализируя взаимодействие когнитивных и поведенческих элементов в социально-правовых установках опрашиваемых, мы наблюдали такую же структуру (направленность) связей между ними, как и в описанном выше случае: для тех респондентов, которые имеют полное или частичное представление о санкции (знают, что данное деяние наказуемо) правовой нормы, поведение (вербальное) ближе к социально одобряемому варианту в большей мере, чем для тех, которые полагают, что данное действие ненаказуемо. При этом различия (в направленности поведения) между опрашиваемыми, знающими содержание санкции данной нормы и знающими его лишь приблизительно (ошибаются в характере наказания), значительно меньше, чем различия между теми, кто имеет

адекватное представление о ней, и теми, кто такими знаниями не располагает.

Выявлена также достаточно значимая связь между оценкой неправомерных действий (эмоциональный компонент) и вербальными актами поведения (когнитивный компонент). Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что из числа тех, которые дали резко отрицательную оценку фактам бесхозяйственности («Такие, как Зайцев, приносят большой вред обществу, государству, и с ними нужно вести решительную борьбу»), подавляющее большинство (89%) заявили, что они ни при каких обстоятельствах не допустили бы нарушения нормы, регулирующей борьбу с подобного рода явлениями (с бесхозяйственностью). Средневзвешенная приведенная оценка поведения приближается здесь к 1 (0,98).

Среди тех, кто дал более умеренную оценку фактам бесхозяйственности («Конечно, Зайцев поступил плохо, но так делают многие люди»), имеются и такие, которые под влиянием определенных обстоятельств могли допустить факты бесхозяйственного отношения к государственной собственности (31,7%). Поведение этой категории рабочих по своим социально-правовым характеристикам менее адекватно социально-ожидаемым вариантам: средневзвешенная приведенная оценка его здесь равна уже 0,88. Подобная картина связи наблюдается и в других ситуациях (нарушение трудовой дисциплины, хищение личной собственности, хищение государственной собственности в особо крупных размерах и т.д.).

Вместе с тем имеют место случаи, когда оценки требований норм (в особенности когда респондент в оценке поведения правонарушителя солидаризуется с его действиями) не всегда совпадают с направленностью поведенческих компонентов.

Так, при полной солидарности с действиями совершившегося при определенных условиях нарушения трудовой дисциплины («Гаврилов поступил совершенно правильно») средневзвешенная оценка поведения выше, чем при более умеренном одобрении неправомерных действий («Ничего плохого в поступке Гаврилова я не нахожу»); в первом случае она равна 0,67, во втором — 0,53.

Такое же соотношение между отрицательным отношением к требованиям норм (оправданием действий правонарушителей и вербальным актам поведения) мы наблюдаем и в ситуациях, описывающих действия, квалифицируемые как бесхозяйственность, клевета, хищение государственной собственности в особо крупных размерах, мелкое хищение и т.д. В данном случае несоответствие между оценкой действий лица, совершающего нарушение закона, и личным поведением следует рассматривать не как солидарность с его действиями, а как осуждение той ситуации и тех обстоятельств, которые способствуют этим нарушениям.

Здесь, как и в других ситуациях, мы наблюдаем линейную зависимость между социально одобряемой оценкой требований правовой нормы и направленностью в поступках и действиях опрашиваемых. Вместе с тем имеют место случаи, когда оценки требований правовых норм не всегда совпадают с направленностью поведенческих компонентов.

Общие выводы, которые следует сделать из анализа связей оценочных и поведенческих компонентов социально-правовых установок, состоят в следующем:

1) существует значимая связь между этими компонентами установок, хотя интенсивность ее проявления различная (от ситуации к ситуации). В целом же зависимость следующая: чем строже оценка данного правонарушения, тем более социально поощряемые формы поведения выбираются опрашиваемыми, и наоборот;

2) знание правовых норм (в большинстве случаев) в большей мере влияет на акты вербального поведения, чем на оценку;

3) имеет место тесная связь между когнитивными, оценочными и поведенческими компонентами социально-правовых установок опрашиваемых. Связь эта является хотя и взаимной, но не линейной.

Таким образом, сформулированные выше гипотезы относительно взаимосвязей и взаимодействия компонентов установок получили свое подтверждение в настоящем исследовании, из чего следует вывод: содержание и уро-

вень социально-правовых установок (другими словами, уровень правового сознания) в значительной степени предопределяется наличным уровнем правовых знаний и адекватностью оценочных отношений к требованиям правовых предписаний.

Образовавшийся ряд установок по отношению к требованиям норм, как в объеме всей отобранной их совокупности, так и к каждой из них в отдельности, имеет свою специфику и свои особенности, которые подробно будут изложены ниже; здесь же целесообразно указать на следующие обстоятельства:

1) активность опрашиваемых в вопросах соблюдения требований правовых норм, а также в вопросе борьбы с нарушениями этих требований со стороны других лиц, как правило, возрастает по мере усиления санкции, следующей за совершением того или иного противозаконного действия; следовательно, социально-правовая активность индивида возрастает вместе с возрастанием социальной ценности объекта, охраняемого законом; в сознании респондентов в связи с этим возрастает ценность самой нормы права;

2) однако здесь мы наблюдаем и другое явление: по мере повышения социальной ценности объекта, охраняемого нормой права, усиления ответственности за нарушение этой нормы растет также и число тех, кто занимает нейтральную позицию в вопросах борьбы с лицами, посягающими на эту норму. В ситуациях, с помощью которых выявляется отношение респондентов к требованиям нормы, влекущих за собой, по мнению опрашиваемых, более строгое наказание, происходит своеобразная поляризация респондентов: в таких ситуациях наибольшее число респондентов с активно-позитивным или же с традиционно-позитивным типами социально-правовых установок;

3) различие в количественном соотношении, с одной стороны, между респондентами, обладающими этими двумя типами установок (активно-позитивная и традиционно-позитивная), и с респондентами, имеющими неустойчивый и пограничный типы социально-правовых установок, с другой — весьма существенно. И в то же время при из-

мерении установок по отношению к менее опасным нарушениям закона (дисциплинарные проступки, нехозяйское отношение к материалам, оборудованию, мелкое хищение государственной собственности на производстве) количественные различия между этими двумя группами опрошенных не столь значимы, как в первом случае.

Представляет определенный научный интерес рассмотрение вопроса о связи некоторых личностных свойств и признаков опрашиваемых (имеются в виду половозрастные особенности, уровень образования респондентов — А.Г.) с их отношением к правовым нормам и поведением (на вербальном уровне) в ситуациях, содержащих нормативные предписания, адресованные респондентам.

Тщательный анализ информации (полученный нами в настоящем исследовании) относится к блоку социально-демографических данных и свидетельствует о значительной дифференциации уровня правового сознания в зависимости от этих данных.

Так, если в группе респондентов с самым высоким (активно-позитивным) типом социально-правовых установок оказалось примерно равное число мужчин и женщин (диапазон различия по всем ситуациям здесь колеблется от $\pm 0,2\%$ до 3%), то в группе с традиционным типом социально-правовых установок преобладают, как правило, женщины.

Исследование выявило и другую особенность: в группах лиц с более низким уровнем социально-правовых установок (в соответствии с описанной выше типологией — неустойчивая, пограничная, постоянно отклоняющаяся) по всем ситуациям большинство составили мужчины.

Мы не приводим соответствующих данных, однако, общий вывод, который можно сделать, проанализировав эмпирическую информацию о распределении респондентов по признакам пола, свидетельствует: как в каждой ситуации в отдельности (т.е. при выявлении установок по отношению к конкретной норме), так и по всем ситуациям одновременно мы наблюдаем одну и ту же тенденцию в проявлении социально-правовых установок: среди мужчин больше всего насчитывается респондентов с активно-

позитивным и неустойчивым типом, а среди женщин — с активно-позитивным и традиционным типом социально-правовых установок.

Что же касается групп респондентов с пограничным типом установок, то здесь, как правило, женщины составляют меньшинство. В целом же сложившийся здесь динамический ряд социально-правовых установок не отличается особой устойчивостью.

Дальнейший анализ эмпирической информации позволил нам также выявить определенное соотношение между возрастными особенностями опрашиваемых и сформировавшимися у них установками по отношению к требованиям тех или иных нормативных предписаний.

Во всех ситуациях в группе опрашиваемых с активно-позитивным типом установок оказались люди в возрасте 36—40 лет и 41—50 лет, причем из всех старших возрастов возрастная группа в пределах 36—40 лет с активно-позитивным сознанием превалирует во всех ситуациях. Среди всех возрастов этот контингент в группе с активно-позитивным типом установок по своей численности занимает первое место, а следующий за ним контингент людей в возрасте 41—50 лет — второе. Наиболее пассивными в борьбе с нарушениями правовых норм (во всех случаях) оказались респонденты в возрасте 51—60 лет, за ними следует группа опрошенных в возрасте 41—50 лет.

Следует заметить, что этот возрастной контингент респондентов (41—50 лет) ведет себя во всех ситуациях несколько своеобразно: во всех случаях среди лиц с активно-позитивным и традиционным типом установок по отношению к требованиям правовых норм он составляет определенную и константную величину.

Это обстоятельство является свидетельством, видимо, того, что к данному периоду своей жизнедеятельности индивид приходит в большинстве своем со сформировавшейся системой взглядов и оценок социально-правовой действительности. Люди этой возрастной группы в своих установках и поведении более устойчивы, менее подвержены преходящим ситуативным влияниям. Число лиц с неустойчивым и пограничным типами социально-право-

вых установок среди этого возрастного контингента встречается значительно реже, чем, скажем, среди людей в возрасте 30—35 лет.

Среди респондентов этого возраста (41—50 лет) значительно меньше также тех, которые выражали бы несогласие с требованиями правовых норм. В особенности их становится меньше среди респондентов следующей возрастной категории (51—60 лет).

Для группы опрошенных, примыкающих к верхней границе молодежного возраста (эта группа включает в себя респондентов в возрасте 30—35 лет) характерно то, что наибольшее их число попало в группы с активно-позитивным и пограничным типами социально-правовых установок и меньше всего их в группах с неустойчивым и традиционным типами установок.

Некоторыми отличительными особенностями обладает также и правовое сознание молодежи, численность которой (в возрасте до 29 лет включительно) в нашем исследовании составила 31,8% от выборочной совокупности.

Полученная информация свидетельствует, например, что значительное число молодых людей обладает активно-позитивным типом социально-правовых установок по отношению ко всей отобранной совокупности правовых норм. Почти во всех ситуациях молодых людей с данным типом установок насчитывается более 35%, т.е. больше, чем их в выборочной совокупности. Во всех ситуациях в группах (из числа опрошенных) молодежь с активно-позитивным типом социально-правовых установок представлена в значительном большинстве по сравнению с группами, обладающими более низким уровнем правового сознания.

Эмпирически зафиксированы и другие важные особенности правового сознания молодых респондентов:

1) по сравнению со старшим возрастом среди молодых людей весьма незначительное число тех, которые обладают традиционным типом правового сознания, проявляющегося в отсутствии активной позиции в борьбе со всевозможными отступлениями от требований закона;

2) как следовало ожидать, среди молодежи оказалась довольно значительная прослойка с неустойчивым типом

социально-правовых установок: в количественном отношении молодежь с неустойчивым типом правового сознания почти в два раза превосходит людей с этим типом установок более старшего возраста;

3) исследованием выявлено значительное число молодых людей, выполняющих требование правовых предписаний по мотивам нежелания наступления негативных последствий за их нарушение.

Полученная информация позволила выявить определенную зависимость между уровнем развития социально-правовых установок опрашиваемых и их образованием.

Исследование этого вопроса позволяет нам сделать вывод, что в группах респондентов с активно-позитивным типом социально-правовых установок оказалось большинство людей, имеющих среднее и среднее специальное образование.

Подавляющее большинство опрашиваемых, имеющих более высокий образовательный уровень, в складывающихся условиях значительно лучше, чем другие, понимают важность соблюдения нормативных предписаний в сфере непосредственных трудовых отношений.

Этот вывод относится прежде всего к тем, кто имеет не среднее общее, а среднее специальное образование.

Объяснение этому факту следует искать, видимо, в том, что сам процесс профессиональной подготовки, приобретения той или иной специальности открывает перед индивидом более широкие возможности для понимания и проникновения в сущность причинно-следственных связей и зависимостей, функционирующих в системе производственных отношений, для более глубокого понимания нормативных предписаний, регулирующих эту сферу общественных отношений. Этот контингент работников, как правило, раньше, чем люди со средним общим образованием, включается в систему производственных отношений; производственная среда в данном случае оказывает существенное влияние на формирование положительно направленной активности в вопросах труда и соблюдения трудовой дисциплины.

Люди со средним и средним специальным образованием, по сравнению с имеющими неполное среднее обра-

зование, составили меньшинство в группе с традиционным типом социально-правовых установок.

Вывод, который можно сделать, проанализировав образовательный уровень обладателей активно-позитивного и традиционно-позитивного типа социально-правовых установок, состоит в том, что в границах этих двух типов установок выявилась определенная закономерность: с повышением уровня образования уменьшается число респондентов с более низким уровнем правового сознания (социально-правовых установок).

Это в одинаковой степени верно как для всех ситуаций, вместе взятых, так и для каждой из них в отдельности, где число опрошенных с более высоким уровнем образования составляет подавляющее большинство в группе с активно-позитивным типом социально-правовых установок, а люди с более низким образовательным цензом составляют большинство в группе с традиционным типом установок.

Особый интерес представляет анализ образовательного уровня респондентов, составивших группы людей с неустойчивым и пограничным типами социально-правовых установок.

Здесь можно наблюдать следующую картину: люди с более низким уровнем образования менее подвержены воздействию факторов, способствующих совершению правовых нарушений. В ситуациях, предрасполагающих к противоправному поступку, их поведение более устойчиво, установка на правомерное поведение отличается большей стабильностью, чем у респондентов, имеющих более высокий образовательный уровень. За ними по своей численности следуют респонденты с неполным средним образованием.

Казалось бы, индивид с более высоким общеобразовательным уровнем развития владеет ситуацией с большим знанием дела, чем человек, не располагающий к этому достаточными внутренними возможностями, но вместе с тем полученные нами эмпирические данные свидетельствуют о другом.

Налицо противоречивая ситуация. Однако антиномия легко снимается, если мы обратимся к анализу данных о

распределении респондентов в зависимости от их возрастных характеристик. Нами было зафиксировано, что в группе с неустойчивым типом установок по отношению к данному классу правовых норм преобладают в основном люди, по возрастной сетке относящиеся к первой группе, т.е. к молодежи, а она в современных условиях обладает, как известно, более высоким образовательным цензом, чем другие возрастные группы рабочих.

Анализ социально-демографических характеристик опрошенных и их социально-правовых установок свидетельствует, как это мы убедились, о наличии определенной связи между этими свойствами опрашиваемых и соответствующим уровнем их сознания. Однако было бы грубейшей ошибкой рассматривать (квалифицировать) эту связь как однозначную, причинно-следственную зависимость.

Из полученной информации усматривается, что каждый из гипотетически сконструированных нами и эмпирически подтвержденных классов (типов) установок по отношению к отобранной совокупности правовых норм, представлен респондентами, обладающими буквально всем набором социально-демографических характеристик. В группе с активно-позитивным типом установок по отношению, например, к дисциплинарным предписаниям наличествуют люди как с начальным, так и средним образованием, как молодежь, так и люди более старших возрастов. В каждом из образовавшихся типов установок могут преобладать люди как с определенным уровнем образования, так и люди определенного возраста.

Но это не дает нам оснований к отождествлению, скажем, возрастных особенностей того или иного индивида или его образовательного уровня с тем или иным типом установок по отношению к определенным правовым предписаниям.

В основе формирования социально-правовых ориентаций и установок по отношению к требованиям тех или иных норм лежат факторы и обстоятельства, связанные с более глубинными личностными свойствами и качествами опрашиваемого, его воспитанием, неповторимым жизненным опытом, а также объективными для него, но спе-

цифическими по своей сущности условиями его жизнедеятельности. Многие из этих глубинных свойств и качеств личности видоизменяются под воздействием таких факторов, как возраст или, скажем, образование, но многие из них остаются без изменений. Поэтому лишь в совокупности с объективными свойствами и характеристиками (половозрастными особенностями, образовательным уровнем) человека они определяют сформировавшийся у него тот или иной уровень отношений к требованиям норм и социально-правовых институтов.

Связь перечисленных выше факторов и обстоятельств (всех вместе взятых и каждого из них в отдельности) с процессом формирования и развития правового сознания индивида, тем или иным типом социально-правовых установок не может быть охарактеризована как жесткая причинная зависимость.

В объективном мире, как в материальном, так в особенности в духовном, круг явлений, которые можно было бы представить в виде однозначных зависимостей, крайне ограничен. Поэтому о связи социально-демографических характеристик (как, впрочем, и других факторов — воспитание, условия жизнедеятельности и т.д.) с тем или иным типом правового сознания как системой социально-правовых установок индивида может идти речь как о связи в высшей степени вероятностной.

Между глубинными, личностными (психологическими) качествами индивида, его половозрастными особенностями, условиями его жизнедеятельности, воспитанием, образовательным уровнем и т.д., с одной стороны, и сформировавшимися теми или иными взглядами, мнением по поводу требований отдельных правовых норм, его поведением в той или иной ситуации, с другой — существует множество причинно связанных событий, смежных во времени и образующих сложный процесс взаимодействия как с перечисленными выше факторами, так и с процессом появления тех или иных взглядов и установок на право и социально-правовые явления.

Вычленение и определение веса и значимости каждого из детерминирующих факторов, обуславливающих фор-

мирование социально-правовых установок, — задача крайне сложная и на данном этапе, в рамках достигнутого уровня развития социологического знания (эмпирической социологии), видимо, не разрешима.

Однако это обстоятельство не освобождает исследователя от необходимости учета и анализа всех доступных эмпирическому наблюдению факторов, обуславливающих развитие правового сознания человека, поскольку линейная причинная связь не является единственно реализуемой в социальной действительности, а следовательно, и в социологической науке.

Положение об обусловленности всех социальных и духовных явлений — бесспорно. Оно подтверждено опытом предметно-практической и духовной деятельности человека. Социологическая наука при изучении тех или иных явлений социальной жизни стремится к познанию не только качественных характеристик этих явлений, но и причин (пусть даже на уровне вероятностной зависимости), обуславливающих их появление и развитие.

В связи с этим приобретает значение не только гносеологический анализ социально-демографических параметров опрашиваемых с имеющимися у них социально-правовыми установками, но и социологический анализ истоков их появления, т.е. своеобразное исследование социального основания возможного их возникновения. Обнаруживаемые при этом противоречия в самой их социальной основе не могут служить предлогом для ее дискредитации, обнаружение их является в данном случае лишь отправной точкой развертывания иного варианта ее развития.

Для выявления позиции опрашиваемых по отношению к нарушению норм, охраняющих честь и достоинство российских граждан, в проведенном исследовании была сконструирована прожективная ситуация, в которой в качестве потерпевшего в результате нарушения закона было определено лицо, работавшее в торговой сети. Состав нарушения соответствующей правовой нормы выражался в необоснованном обвинении его в хищении материальных ценностей, в распространении об этом клеветнических слухов.

Обычно, как мы отмечали выше, в тех случаях, когда речь идет о нарушении законных прав и личных интересов граждан, опрашиваемые занимают активную позицию, направленную на осуждение и пресечение подобных действий. Об этом свидетельствуют данные об измерении социально-правовых установок, полученных нами с помощью тестов незаконченных предложений; об этом свидетельствует также информация, полученная нами при измерении социально-правовых установок опрашиваемых по отношению к противоправным действиям против личной собственности; информация получена с помощью проективных ситуаций, в которых измеряется отдельно каждый компонент установки (знание, оценка, поведение): здесь почти половина из всех опрошенных заняла решительную (активную) позицию в вопросах борьбы (на вербальном уровне) с подобного рода нарушениями — 46,5%.

В анализируемой же ситуации (распространение клеветнических слухов, позорящих имя гражданина) мы наблюдаем несколько иную картину. Опрошенных с активно-позитивным типом установок по отношению к предложенной правовой норме здесь значительно меньше, чем в других ситуациях. По номинальной шкале расположения респонденты с активно-позитивным типом установок оказались (по этой ситуации) где-то на восьмом (из десяти) месте. В этой же ситуации оказалось гораздо больше, чем в других, и тех лиц, чьи социально-правовые установки по своему содержанию (в соответствии с предложенной нами типологией) находятся на самом низком уровне (негативно-отклоняющееся, преступное сознание и поведение): таких лиц оказалось 3,9% от выборочной совокупности.

Объяснение этому факту, само собой разумеется, следует искать не в склонности опрашиваемых к совершению действий, описываемых данной ситуацией, а в своеобразном стереотипе, сложившемся в их правовом сознании под воздействием эмпирически наблюдаемых явлений в сфере бытового и торгового обслуживания. Поведение, образ жизни некоторых представителей этой категории работников способствует формированию у индивида негативно окрашенного отношения к их деятельности.

Это обстоятельство свидетельствует о глубинных и подчас противоречивых процессах, происходящих в правовом сознании людей под воздействием социальной ситуации, сложившейся в исследуемой сфере общественных отношений, о неоднозначном воздействии этой сферы на формирование и развитие правового сознания людей.

Эти процессы заслоняют собой надлежащее восприятие обыденным правосознанием степени опасности отдельных видов нарушения закона, как это мы можем наблюдать, например, в ситуации, описывающей действия, влекущие за собой ответственность за совершение контрабанды. Последняя по своим родовым признакам относится к преступлениям, направленным на подрыв экономической основы российского общества, стоит в ряду весьма опасных правовых нарушений. Между тем, как это видно из полученной информации, данное нарушение закона обыденным правосознанием опрашиваемых воспринимается как ординарное правовое нарушение, стоящее в одном ряду с теми нарушениями, за совершение которых, по их мнению, следует незначительная мера наказания. Здесь мы имеем, видимо, дело с эффектом ассимиляции, зафиксированным зарубежными авторами при исследовании социальных установок.

Степень опасности противоправных действий, причиняющих ущерб непосредственным интересам российского общества и Российского государства, правовым сознанием опрашиваемых на эмпирическом уровне его функционирования адекватно воспринимается лишь в тех случаях, когда поведение правонарушителя, описываемое ситуацией, явно содержит признаки антигосударственных действий, причиняющих ущерб политическим интересам нашего общества.

И наоборот, в процессе повседневной реализации требований нормативных предписаний не все и не всегда задумываются над политическим содержанием этих предписаний. В сознании многих людей еще не сложилось массовое убеждение в том, что любое отступление от требований любого закона может иметь (и имеет) политические последствия. Политическая нагрузка, которую несет в

себе любая правовая норма, не всегда еще адекватно воспринимается эмпирическим уровнем правового сознания опрашиваемых. Это можно наблюдать, проанализировав выявленную у опрашиваемых всю систему социально-правовых установок по отношению к требованиям различных правовых норм.

Мы остановились лишь на некоторых положениях и выводах, вытекающих из анализа полученной нами информации. Этого оказалось достаточно, чтобы составить представление о содержательных характеристиках социально-правовых установок опрашиваемых.

Переход от умозрительной конструкции, в качестве которой теория правового сознания представляет свой предмет, к эмпирическому уровню его понимания, осуществленный нами с помощью описанных методов и процедур, позволил, с одной стороны, определить более-менее точные параметры той социальной реальности, с которой сталкивается исследователь, приступая к эмпирическому изучению такого феномена духовной жизни, каким является правовое сознание, и, с другой — проникнуть в сложнейшую структуру правового сознания, выявить обусловленность и динамизм его развития.

В этом своем качестве (эмпирически данное) правовое сознание представляется исследователю как явление внутренне организованное и соотносимое в своем развитии с определенными социальными и социально-психологическими закономерностями.

Если на уровне абстрактного определения понятие правового сознания ассоциировалось у нас лишь как определенное свойство, качество того или иного индивида, то при переключении на эмпирический уровень его рассмотрения правовое сознание как духовное образование вступает в определенные соотношения и связи с этим конкретным индивидом — из свойства человека правовое сознание превращается в самостоятельный предмет научного анализа.

Исследование качественного содержания и уровня развития правового сознания как определенной совокупности социально-правовых установок, характеристика его в аспекте связей с социально-демографическими особенно-

стями опрашиваемых, обусловленность формирования установок условиями их жизнедеятельности на этом уровне анализа еще не дает ответа на все вопросы, возникающие в связи с исследованием этого феномена. Исследование правового сознания на этом уровне позволило нам решить одну из существенных своих задач — привязать мыслительную конструкцию этого феномена к некоему фундаментальному понятию эмпирической социологии и социальной психологии, к системе социально-правовых установок, с помощью которых нам удалось описать и структурировать реально функционирующие правовые установки респондентов. В рамках настоящего анализа ставились и решались вполне определенные задачи. Последующий уровень рассмотрения поставленной проблемы будет посвящен другим аспектам правового сознания.

2.4. ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК СИСТЕМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ТИПОЛОГИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Анализ эмпирической информации, относящейся к исследованию содержательных характеристик социально-правовых установок, позволяет нам сделать вывод о значительной (глубинной) дифференциации опрашиваемых, в зависимости от их отношения к требованиям конкретных нормативных предписаний. Однако выявленная при этом типология правовых взглядов и оценок, суждений и мнений относительно отдельных правовых норм еще не дает нам полного представления о правовом сознании индивида как о комплексном (системном) духовном образовании, характеризующемся в своем проявлении определенной направленностью.

Описание правового сознания лишь на уровне констатации отдельных актов его проявления не исчерпывает полностью его содержательных характеристик. Такой подход слишком упростит проблему, и мы не сможем объяснить особенности как правомерного, так и неправомерного поведения отдельных людей и целых групп.

Более полное знание об изучаемом феномене мы сможем получить лишь при исследовании его как направленного, функционального и системного образования.

В реальной жизни индивид может одни правовые нормы и институты воспринимать весьма активно, постоянно следовать их требованиям; к требованиям других норм относиться весьма индифферентно, а по отношению к третьим — и вовсе отрицательно. В соответствии с этим отношением он и организует свое поведение, принимая соответствующее решение в различных ситуациях. В этом мы убедились, проанализировав исходные данные. Наши представления о содержании правового сознания и об уровне его развития будут тем убедительнее, чем полнее будет полученная нами информация об отношении индивида к самым различным правовым установлениям и институтам, а также чем полнее мы зафиксируем решения, принимаемые индивидом в различных ситуациях, требующих реализации тех или иных правовых норм.

Короче говоря, исследование реально функционирующего правового сознания (эмпирически данного) может быть плодотворным лишь в том случае, если мы будем располагать информацией о правовом сознании не как о независимом ряде проявляющихся каждый раз тех или иных социально-правовых установок, а как об особой, внутренне связанной, обусловленной определенным единством системе этих установок, как о своеобразном, системном взаимодействии индивида с различными нормами права и аспектами социально-правовой действительности (отношение типа субъект — объект).

Чтобы иметь истинное представление о содержании правосознания, правовых убеждениях людей, надо эмпирическим путем зафиксировать достаточно представительный набор фактов такого взаимодействия. В данном случае установка индивида по отношению к тем или иным нормам или правовым институтам в целом выступает лишь как момент проявления целостности его правового сознания. Только в широком наборе социально-правовых установок просматривается определенная линия, своеобразный стержень правового сознания и социально-правового

поведения индивида. Будучи замеренными с точки зрения знака и интенсивности, социально-правовые установки только в своем органическом единстве могут выразить социальные качества индивида, и только в таком виде они могут служить исходным началом в выявлении типологических особенностей правового сознания отдельных социальных групп, социальных слоев и образований, отразить определенную направленность развития.

Другими словами, проблема типологизации правового сознания той или иной социальной общности ставит перед исследователем в высшей степени сложную и ответственную задачу. Из всей системы многочисленных норм права, функционирующих в обществе, отобрать соответствующим образом структурированное множество этих норм с тем, чтобы, измерив отношение к нему как единому целому со стороны опрашиваемых, мы могли судить о правовом сознании как о целенаправленной духовной деятельности их, с одной стороны, и, с другой — имели возможность произвести разбиение выборочной совокупности респондентов в зависимости от направленности (типа) их правового сознания: респонденты, принадлежащие к одной группе, обладали бы большим сходством между собой, чем респонденты, принадлежащие к разным группам. При этом численность каждой из групп должна служить показателем удельного веса ее в общей численности опрошенных.

Определение путей отбора правовых норм, необходимых для изучения особенностей их отражения в сознании опрашиваемых, обуславливалось неким рядом гипотетических предположений:

1) В российском обществе функционирует сложная по своей структуре и динамичная система права, регулирующая все основные сферы социально-экономической, культурной и политической жизнедеятельности людей. Представлялось заманчивым получить информацию об уровне освоения опрашиваемыми всей системы права как единого целого. Для этого в выборочную совокупность правовых норм следовало бы включить нормы, представляющие многочисленные отрасли права, в свою очередь явля-

ющиеся структурно-необходимыми элементами единой и целостной системы права. Эта задача в своем решении оказалась нереальной из-за огромного количества норм, представляющих всю систему права.

2) Казалось естественным произвести выборку норм, относящихся к конкретным отраслям права. Следуя этому принципу, мы могли бы получить информацию об уровне усвоения (интернализации) опрашиваемыми норм финансового или административного, гражданского или уголовного права и т.д. В некоторых российских и зарубежных исследованиях к такому принципу отбора правовых норм прибегают, когда ставится задача об определении уровня информированности опрашиваемых, например, в сфере уголовного права или уголовного процесса, конституционного или административного права и т.д.

Для решения поставленной нами задачи типологизации правового сознания (определения уровня его развития) такой подход к формированию выборочной совокупности правовых норм, подлежащих оценке опрашиваемыми, не соответствовал бы специфике изучаемой проблемы, а поэтому был бы некорректным:

во-первых, трудно отдать предпочтение какой-либо отрасли права, поскольку они в равной мере ответственны за регулирование социальных связей и отношений в нашем обществе, за состояние и уровень правового порядка в стране. Реализация этого принципа в выборке осложнялась еще и тем, что выделение конкретных норм, которые бы достойно представляли всю отрасль права, оказалось невозможным;

во-вторых, адекватность отражения различных правовых норм в сознании людей предопределяется конкретным видом жизнедеятельности, степенью включенности в тот или иной вид общественных отношений, регулируемых и охраняемых правом; отраслевые нормы права и инструкции получают адекватное отражение в сознании довольно ограниченного круга людей.

Предложив нормы конкретной отрасли права в качестве единственного объекта измерения установок по отношению к ним со стороны опрашиваемых, мы бы весьма

важную в теоретическом и практическом аспекте проблему типологизации правового сознания свели бы к решению крайне неопределенной задачи, поскольку низкий уровень отражительных возможностей отраслевых норм и инструкций мог быть свидетельством отсутствия фиксированного (положительного или отрицательного) отношения респондентов к этим нормам в силу отсутствия значимой связи их с жизнедеятельностью опрашиваемых.

Сложность осуществления и обоснования выборки норм, необходимых для изучения типологических свойств правового сознания опрашиваемых, обусловило необходимость обратиться к теоретико-методологическим принципам построения типа личности, оказавшимся в данном случае единственно возможным средством разрешения возникших затруднений.

По мнению ведущих специалистов, в этой области знания основным требованием, которого следует придерживаться при построении типологии личности (в данном случае это равнозначные типологии), ее сознания состоят в том, чтобы идти не от нормы к чертам типа личности, а от характеристики реальных отношений к свойствам типа, которые могут быть выражены посредством норм, принципов, а также идеалов, выдвигаемых обществом. При этом наиболее правильный подход к характеристике свойств типа личности, удовлетворяющий выдвинутому выше требованию, состоит в выборе таких объективных ориентиров, которые составляют основные глобальные условия общественного бытия и в отношении к которым выявляется сущность человека.

В российском обществе в качестве главных (глобальных) принципов, определяющих общественные условия бытия человека, характеризующих направленность его сознания и поведения, являются, как нам представляется, принципы организации общественного труда, собственности на средства производства и условия труда и т.д.

Отношение к труду — существенная черта правового сознания общественного человека. Будучи сложной переменной, она характеризуется многими признаками. Мы же для выявления типа правового сознания выбираем тот

из них, который содержит, на наш взгляд, наиболее существенную информацию об этой переменной.

Речь идет о выявлении отношения опрашиваемых к фактам нарушений дисциплины труда, являющегося в данном случае концентрированным выражением отношения к труду. Направленность и существенные различия в реагировании на нарушения дисциплины труда могут служить дифференцирующим моментом в характеристике типологических свойств правового сознания опрашиваемых в этой сфере общественных отношений.

В связи с этим в опросный лист и была введена соответствующая прожективная ситуация.

Кроме отношения к труду существенной чертой правового сознания индивида является его отношение к собственности, являющееся также одним из глобальных условий общественного бытия современного человека.

Собственность генетически обусловлена трудом, состоит с ним в причинно-следственных зависимостях и в своем естественном состоянии неотделима от труда. Отношения между производителями в процессе общественного труда не могут существовать за пределами отношений собственности. Последние в данном случае выступают всего лишь как пролонгированные отношения по поводу труда. Как особый социальный феномен собственность фиксирует в себе конечный путь движения труда, предстает перед индивидами как овеществленный, как накопленный труд. Труд как бы объективируется в собственности, последняя же в труде находит источник и конкретный способ своего существования.

Формирование добросовестного отношения к достоинству составляет одну из главных задач всех форм и методов правовоспитательной деятельности. О том, насколько правовое сознание опрашиваемых адекватно ожидаемым результатам в этой сфере, мы можем судить по их отношению к определенной совокупности правовых норм, регулирующих борьбу с посягательствами на собственность в виде:

1) небрежного хранения материальных ценностей (бесхозяйственность);

2) посягательства как на частную, так и общественную собственность;

3) хищение государственной собственности в особо крупных размерах.

В таком наборе социально-правовые установки с достаточной полнотой описывают, на наш взгляд, все характерологические особенности правового сознания респондентов, проявляющиеся в данной сфере общественных отношений.

При определении типологических свойств правового сознания в российском обществе речь должна идти о выявлении отношения людей не только к нормам и институтам, регулирующим труд и собственность как основополагающим принципам общества, но и к государственному и общественному строю в целом как развивающейся экономической и политической системе, к установленному и функционирующему общественному порядку и деятельности тех или иных государственных или хозяйственных организаций и учреждений.

В условиях расширяющихся связей и контактов российских граждан с иностранными государствами хозяйственно-экономический ущерб нашему государству может быть причинен действиями, связанными с незаконным перемещением через государственную границу товаров и последующей их реализацией в нашей стране (контрабанда). Прожективная ситуация с соответствующим сюжетом также включена в опросный лист.

Действия, причиняющие ущерб политическим и экономическим интересам Российского государства, хотя и встречаются не так часто в реальной действительности, но без оценки опрашиваемыми таких поступков, без выявления соответствующих структур в их правовом сознании типологическая характеристика его страдала бы существенной неполнотой.

Характеристика содержания правового сознания была бы неполной также, если бы мы не попытались выявить отношение опрашиваемых к требованиям норм, регулирующих борьбу с нарушениями общественного порядка, которые в современных условиях являются достаточно

распространенным видом нарушения российской законности, а также со взяточничеством — самым позорным и отвратительным видом преступлений, причиняющих ущерб нормальному функционированию соответствующих организаций и учреждений, относящихся к разряду должностных преступлений.

Последняя группа свойств типа личности связана с ее отношением к другим людям. Эти качества личности проявляются в ее установках по отношению к нормам, регулирующим интересы других людей, защищающих права, честь и достоинство человека.

В исследовании отобранная совокупность правовых норм в этой части была представлена правовой нормой, охраняющей имущественные интересы личности (предусматривающая ответственность за совершение тайного хищения личной собственности) и нормой, регулирующей борьбу с распространением заведомо ложных измышлений, слухов, порочащих честь и достоинство человека (клевета).

Таким образом, чтобы получить представление о типологической структуре правового сознания опрашиваемых, нами с опорой на экспертный опрос была отобрана некая система правовых норм, хотя и относящихся к различным отраслям права, но органически связанных между собой единой направленностью, в своей совокупности регулирующих существенные стороны социальных связей и отношений, в системе которых осуществляет свою жизнедеятельность каждый человек.

Адекватное отражение этих норм и отношений в сознании опрашиваемых в одинаковой степени необходимо всем людям независимо от их социально-профессиональной принадлежности, уровня образования, возрастных особенностей, социального статуса, занимаемой должности и т.д.

Процедура и техника осуществления эмпирических исследований, как известно, накладывают определенные ограничения на количественный объем переменных и их признаков, подлежащих изучению. В связи с этим мы стремились, чтобы все родовые признаки правового сознания опрашиваемых (отношение к труду, частной и государственной собственности, государственному и общественному

строю, к другим людям и т.д.) были представлены минимальными, но вполне достаточными характеристиками. Количество норм в данном случае ограничивалось самими параметрами рефлексивной деятельности сознания опрашиваемых.

Выявить направленность в правовом познании (типологическую структуру) опрашиваемых возможно лишь при условии определения качественного содержания установок каждого из респондентов, проявляемых им по отношению ко всем отобранным нормам, последовательно описанных в каждой из десяти прожективных ситуаций.

Связи между признаками (компонентами) социально-правовых установок и ситуациями, преследующими цели их обнаружения, довольно сложны.

Из всех представленных связей предстояло извлечь те из них, которые характеризовали бы реальную структуру правового сознания опрашиваемых. При этом нами были сформулированы следующие гипотезы, подлежащие проверке:

1) *Прямая гипотеза.* Социально-правовые установки индивидов образуют некий ряд синдромных образований, имеющих в своей основе ценности по отношению к труду, личной (частной) и государственной собственности, государственному и общественному строю, по отношению к другим людям, правам и интересам отдельной личности. Вероятность того, что тип правового сознания, определенный на примере отношения к одним нормам, может быть существенно изменен при измерении отношения к другим, — крайне мала.

2) *Альтернативная гипотеза 1.* Социально-правовые установки по отношению к определенному ряду правовых норм формируются и однозначно проявляются в параметрах какого-либо одного типа правового сознания, по отношению к другим правовым нормам — в параметрах другого типа сознания. При этом один из каких-либо типов правового сознания является преобладающим.

3) *Альтернативная гипотеза 2.* Отношение людей к различным по содержанию требованиям конкретных норм права крайне индивидуализировано, зависит от личного

опыта каждого индивида, и в принципе возможны любые сочетания отношений к различным нормам права и социально-правовой действительности. Выявить направленность в правовом сознании (тип) не удастся.

Из имеющейся информации путем обработки на компьютере предстояло получить такую квалификацию правового сознания, которая с достаточной полнотой отразит внутреннюю неоднородность исследуемого объекта и будет адекватна заранее предсказанной типологии. Весьма важным при этом было получить количественное (одномерное) распределение признаков по каждому типу правового сознания.

В процессе обработки эмпирической информации предстояло выяснить, насколько легко соотносятся ответы на каждый из десяти блоков вопросов с выделенными нами типами правового сознания.

Здесь возможно было ожидать несколько вариантов:

1) отношение всех опрашиваемых к требованиям всех норм, отобранных для измерения установок, дает соотношение с каким-то одним, вполне определенным типом правового сознания;

2) для значительного числа респондентов ответы на вопросы, содержащиеся в одних блоках (ситуациях), дают возможность отнести их к одному типу правосознания, а ответы на другие блоки вопросов позволяют сделать соотношение с другими типами, причем эти последние достаточно постоянные для большинства опрашиваемых;

3) практически не удастся выявить таких групп и таких синдромов по отношению к правовым нормам, чтобы по ним можно было выделить какой-либо устойчивый тип правового сознания, однозначно проявляющийся во всех десяти ситуациях.

Интерпретируя возможные результаты обработки информации, нетрудно заметить: в первом случае имеется большая вероятность подтверждения изложенной выше прямой гипотезы, во втором — альтернативной гипотезы 1. При этом надо будет изменить типологию, усложнить ее, введя дополнительные типы правового сознания — понятия «неопределенный», «смешанный» или «переходный» тип

правового сознания. И лишь в том случае, если при привлечении целой серии методов, процедур и независимой обработки информации с помощью этих методов не удастся выделить предполагаемые типы правового сознания, придется изменить концепцию исследования, представить другие основания (критерии) для конструирования типологии правового сознания опрашиваемых.

Решение поставленных задач на данном этапе исследования затруднялось тем, что мы не могли использовать прежние методы обработки эмпирической информации, поскольку составление значимых комбинаций альтернатив одновременно по всем десяти ситуациям практически оказалось невозможным. Методологические и методические трудности решения задач обуславливались тем обстоятельством, что априори нам неизвестно было, каким образом взаимодействуют ситуации между собой при образовании того или иного типа. Из сконструированной типологии следовало лишь предположение о существовании определенных типов правового сознания, но их реальное содержание и конкретный объем предстояло выявить в ходе эмпирического анализа.

Последний в исследовании был осуществлен с помощью процедуры «поиска связанных альтернатив», состоящей в том, что из всего массива имеющейся информации выделялись (с помощью компьютера) такие сочетания альтернативных ответов на каждый из четырех вопросов всех десяти ситуаций одновременно, чтобы число респондентов, обладающих этими сочетаниями, было бы не меньше заданного.

Порог, выше которого сочетание соответствующих альтернатив можно было считать устойчивым, обуславливался как общими ошибками измерения (опроса), так и субъективными представлениями респондентов о значении этих сочетаний. В нашем исследовании он был равен пятнадцати, а это означало, что не менее пятнадцати респондентов должны были иметь одинаковое значение альтернатив по всем ситуациям, чтобы такое сочетание можно было считать идеальным эмпирическим типом правового сознания (синдромом того или иного типа правового сознания).

Синдромные образования были выявлены для каждого типа правового сознания, за исключением негативно отклоняющегося (преступного) типа. При этом выяснилось, что лишь незначительная часть респондентов однозначно ведет себя во всех прожективных ситуациях. В каждом типе правового сознания число респондентов от ситуации к ситуации резко сокращается.

Респонденты с активно-позитивным типом правового сознания по отношению к фактам нарушения трудовой дисциплины составили 38,1% от выборочной совокупности. Значительный «отсев» произошел во второй (выявляющей нехозяйское отношение к хранению заводского оборудования) и в четвертой (определяющей отношение опрашиваемых к норме, регулирующей борьбу со взяточничеством) ситуациях; в последних четырех ситуациях респонденты с активно-позитивным типом сознания ведут себя более ровно.

В рамках данного типа правового сознания группа опрошенных по своему составу оказалась наиболее многочисленной.

За ними следует группа респондентов, обладающих традиционно-позитивным типом правового сознания. Следует отметить, что поведение (на вербальном уровне) этой группы во всех прожективных ситуациях оказалось более стабильным. Здесь можно наблюдать относительно равномерное от ситуации к ситуации уменьшение численности респондентов с данным типом правового сознания, сокращение их численности происходит без особых, резких колебаний. Тем не менее на «выходе» их все же оказалось в три с лишним раза меньше, чем на «входе».

Весьма незначительными по своей численности оказались группы респондентов с синдромом неустойчивого и пограничных типов правового сознания. В первом случае их выявлено всего лишь немногим более 3%, во втором — 1,9% от всех опрошенных.

Анализ данных, относящихся к выявлению синдромных образований в правовом сознании опрашиваемых, позволяет на данном уровне анализа проблемы сделать некоторые предварительные выводы:

1) Возможность выявления людей с однозначным типом поведения в сфере социально-правовых отношений обратно пропорционально частоте взаимодействия индивида с правовыми нормами: по мере увеличения ряда правовых норм, в отношении которых измеряются установки опрашиваемых, число респондентов с однозначным типом их проявления резко сокращается.

2) В правовом сознании опрашиваемых наличествуют так называемые «смешанные синдромы», когда наряду с однотипным проявлением социально-правовых установок по большинству ситуаций имеет место проявление установок, относящихся (в соответствии с нашей классификацией) к другим типам правового сознания.

Логика дальнейшей обработки информации состояла в том, чтобы относительно выявленных синдромных образований в правовом сознании опрашиваемых (относительно идеальных типов) произвести классификацию всех опрошенных, составивших выборочную совокупность. В итоге мы получили одиннадцать таксонов (групп), соответствующих определенным типам правового сознания. Таким образом, в одиннадцати таксонах оказались объединенными группы респондентов, различающиеся между собой по уровню развития (типу) правового сознания (см. табл. 4—14 Приложения).

Прежде чем перейти к детальному описанию эмпирически установленной типологии правового сознания, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство.

1) Из всех гипотетически предполагаемых типов правового сознания нам удалось выявить лишь первые четыре типа (активно-позитивный, традиционно-позитивный, неустойчивый, пограничный). Среди респондентов, составивших выборочную совокупность, социально-правовые установки, относящиеся по нашей классификации к негативно-отклоняющемуся (преступному) типу правового сознания, проявляются не систематически, а лишь в отдельных ситуациях, и то в весьма редких случаях (Т-4, Т-4-1; см. табл. 13, 14 Приложения).

2) Выявленные четыре (основные) типа правового сознания можно определить лишь как относительно «чис-

тые» типы сознания. Каждый из них включает в свой состав людей, чьи установки по отношению к требованиям отдельных правовых норм хотя и в незначительной степени, но все же отклоняются от характерной для данной группы направленности правового сознания (Т-1, Т-2, Т-3, Т-4; см. табл. 4—14 Приложения).

3) Исследование выявило также значительные группы опрошенных, обладающих смешанными или переходными типами правового сознания, группирующихся вокруг основных четырех типов. Наличие установок, отклоняющихся от смешанного или переходного типов, характерно в большей степени для этих групп, чем для групп, обладающих относительно чистым типом, т.е. границы смешанных и переходных типов более размыты, чем у относительно чистых типов.

Все это свидетельствует о том, что прямая гипотеза, выдвинутая нами в исследовании, подтвердилась лишь частично, в то время как альтернативная гипотеза I — полностью.

Содержание и направленность каждого из типов правового сознания нами была раскрыта ранее, поведение обладателей каждого из основных типов правового сознания в сфере трудовой и общественно-политической деятельности будет рассмотрено несколько ниже.

Здесь же представляется естественным охарактеризовать с точки зрения социально-демографических особенностей каждую из групп респондентов, объединенных в том или ином таксоне, обладающих соответствующим типом правового сознания.

Итак:

I. *Активно-позитивный тип* правового сознания, таксон I₁ (Т 1 — 21% от общего числа опрошенных).

Группа обследуемых, составивших этот таксон, состоит преимущественно из респондентов мужского пола (54,8%), по возрастной сетке относящихся к третьей (36—40) и четвертой (41—50) группам. Респондентов этого возраста в этой группе насчитывается 44,1%. Опрошенные со средним и специальным средним образованием составляют 49,4%, с неполным средним — 36,8%.

Различия в профессионально-квалификационном отношении между группами, представляющими этот тип правового сознания, хотя и имеются, но незначительны. Больше всего различий в группе работников, занятых автоматизированным (26,8%) и высококвалифицированными видами ручного труда (26,0%), среди респондентов, работающих на машинах и механизмах их 24,8% и среди неквалифицированных работников — 21,2%.

Респонденты этой группы характеризуются четко выраженным, позитивно направленным отношением к требованиям правовых норм. Среди них крайне мало таких, у которых бы взгляды на закон и право отклонялись бы от данного типа правового сознания.

II. Т 2 (13,4%). Правовое сознание этой группы рабочих следует отнести к *традиционно-позитивному типу*.

В каждой из ситуаций люди из этой группы ведут себя стабильно, о чем свидетельствует количественное распределение их установок по отношению к каждой из отобранных правовых норм, отклонения от однозначно занятой (нейтральной) позиции хотя и имеются почти во всех ситуациях (за исключением последней, выявляющей отношение к норме, регулирующей борьбу с преступлением, направленным против интересов государства), но эти отклонения незначительны.

При анализе правового сознания на уровне единичных фактов его проявления нами было зафиксировано, что традиционно-позитивным типом установок обладают в большинстве женщины: в группе респондентов, объединяемых этим таксоном (в отличие от группы с активно-позитивным типом сознания), женщины оказались также в большинстве.

По возрастным параметрам этот тип характеризуется следующими данными: наиболее многочисленной прослойкой в этой группе оказались респонденты в возрасте 41—50 лет (их насчитывается 39,4%), затем следуют респонденты в возрасте 51—60 лет (25,1%), молодежь составила всего лишь 12,5%. Большинство обследованных, составивших данный тип, имеют неполное среднее образование (66,15%); по производственному стажу эта группа отлича-

ется от людей с активно-позитивным типом правового сознания тем, что в нее вошло значительно больше людей, имеющих более чем десятилетний общий производственный стаж, а также стаж по данной профессии (53,9% и 45,8%). Люди данного типа большей частью заняты на работах, связанных с малоквалифицированным трудом (33%), и на работах, связанных с машинами и механизмами (27,1%).

III. Т 3 (4,5%). *Неустойчивый тип*. Этот таксон объединил обследованных работников с относительно чистым типом правового сознания, которые, допуская возможность отступления от требований правовых предписаний, во всех ситуациях оставались в границах одного, специфического для данной группы, неустойчивого типа правового сознания. Отклонения в сторону смежных с ним (традиционно-позитивного и пограничного) типов в некоторых ситуациях имеют место, но, как видно из самой структуры этого таксона, эти отклонения незначительны (подобное явление мы наблюдали при анализе активно-позитивного и традиционно-позитивного типов правового сознания. См. Т-1, Т-2).

IV. Т 4 (3,4%). Относительно «чистый» *пограничный тип* правового сознания по численному составу невелик (так же, как и Т 3). Этот тип представляет группа респондентов, в сознании которых содержатся структуры, определяющие неодобрительное отношение к нормативным предписаниям, представленным в настоящей выборке, но вместе с тем выполняющие их требования в силу нежелания наступления негативных для них последствий.

Как видим, группы респондентов с относительно чистыми типами правового сознания составили по численности меньшую половину массива (всего немногим более 42%). Остальная часть массива выборочной совокупности вошла в группы опрошенных, обладающих смешанным или неопределенным типами сознания, группирующихся вокруг основных типов.

Так, к группе с активно-позитивным типом правового сознания примыкают две группы довольно значительных

по своему численному составу. Одна из них (Т 1-1) составила 16,5% от общего массива и другая (Т 1-2) — 9,5%.

Первую из этих групп можно отнести к группе респондентов, имеющих некий смешанный тип правового сознания. В сознании этой группы в подавляющем большинстве ситуаций мы наблюдаем проявление активно-позитивных установок, но в ряде случаев (отношение к нормам, регулирующим борьбу со взяточничеством, клеветой, нарушением общественного порядка) нами выявлены установки, относящиеся к традиционно-позитивному и даже неустойчивому типу правового сознания.

По некоторым социально-демографическим параметрам эта группа отличается от обладателей чистого типа активно-позитивного правосознания. Здесь в большинстве оказались женщины (52,7%), более 1/3 (37,8%) составила молодежь, людей старших возрастов здесь значительно меньше, чем в группе, вошедшей в таксон I.

Вторую из примыкающих групп (Т 1-2) мы отнесли условно к неопределенному типу правового сознания.

Активно-позитивный тип установок проявляется здесь во всех ситуациях, но их проявление особой стабильностью и интенсивностью не отличается. Во многих ситуациях респонденты этой группы проявляют социально-правовые установки, относящиеся к неустойчивому, пограничному и даже негативно-отклоняющемуся типам правового сознания. Наличие логически противоречивых структур в содержании правового сознания данной группы не позволяет отнести респондентов к какому-либо определенному или даже смешанному типу правового сознания.

В данной группе женщины составили большинство (их на 10% больше, чем мужчин), подавляющее их число (72,4%) имеет начальное и неполное среднее образование, почти 1/3 (31,2%) из них люди в возрасте до 29 лет. К группе с традиционно-позитивным типом правового сознания примыкают также две группы опрошенных. Правовое сознание одной из них (Т 2-1) характеризуется переходным состоянием от традиционно-позитивного к активно-позитивному (по численности группа составила 12,2%); правовое сознание другой (Т 2-2) по своему со-

держанию склонно к переходу к неустойчивому типу (в группу с этим типом правового сознания вошло 4% респондентов).

По социально-демографическим параметрам эти две группы существенно отличаются от респондентов с «чистым» традиционно-позитивным типом правового сознания.

Последующие группы опрошенных, объединенные в табл. Т 3-1 (7,8%) и Т 3-2 (4,1%), следует отнести к особым разновидностям неустойчивого типа правового сознания, хотя в содержании их правового сознания наличествуют структуры, относящиеся и к традиционно-позитивному (Т 3-1), и даже к пограничному (Т 3-2) типу правового сознания.

По своим социальным параметрам все три группы (Т 3, Т 3-1, Т 3-2) не обладают стабильными характеристиками. Так, в первых двух из них большинство составили мужчины, в третьей — наоборот женщины; в первой (Т 3) молодежи, например, значительно больше, чем в двух других группах. При всем разнообразии профессионально-квалификационных различий этих групп, следует все же отметить, что большинство из них заняты на работах, связанных с квалифицированными видами ручного труда, или, наоборот, — с неквалифицированным трудом.

В отличие от предшествующих трех типов к группе с пограничным типом правового сознания примыкает всего лишь одна группа (Т 4-1), включившая в себя 3,9% работников всех опрошенных. Как видим, по численному составу подгруппа обследуемых, составившая таксон Т 4-1, мало чем отличается от основной группы (Т 4), тем не менее каждая из них имеет свои особенности.

Границы правового сознания подгруппы Т 4-1, например, более размыты, чем у представителей основной группы, обладающей этим (пограничным) типом правового сознания: здесь чаще и в большем объеме, чем в основной группе, мы наблюдаем проявление установок, относящихся к неустойчивому типу правового сознания.

Вместе с тем различия между ними (Т 4 и Т 4-1) проявляются в значительно меньшей степени, чем, скажем, различия между группой с неустойчивым («чистым») ти-

пом правового сознания, с одной стороны, и примыкающими к ней двумя подгруппами — с другой.

По социально-демографическим и профессионально-квалификационным параметрам эти группы (Т 4 и Т 4-1) имеют много сходных черт: в обеих группах большинство составляют мужчины, отсутствуют существенные различия по возрастным особенностям и образовательному уровню; более чем у половины респондентов этих групп производственный стаж исчисляется более чем десятилетним сроком, заняты они в большинстве случаев неквалифицированными видами труда.

Анализ информации, полученной нами в результате осуществления настоящего исследования, свидетельствует не только о совпадении выдвинутых положений с эмпирическими данными, но и позволяет сделать недвусмысленный вывод о соответствии произведенной классификации всем методологическим и методическим требованиям, предъявляемым к решению подобных научных проблем, поскольку она обеспечила:

- 1) выполнение конкретных целей настоящего исследования (наибольшую адекватность модели правового сознания реальным типам);

- 2) возможность достаточно четкой содержательной интерпретации полученных классов (таксонов);

- 3) получение по возможности небольшого числа классов (типов), различимых в признаковом пространстве.

В науке существует достаточное число методов проверки обоснованности решения задач, связанных с классификацией соответствующих явлений или объектов. В нашем исследовании, например, применялась определенная система процедур, последовательное применение которых позволяет судить о степени обоснованности произведенной типологизации правового сознания опрашиваемых.

Одна из них состояла в привлечении дополнительных, не участвующих в классификации дифференцирующих признаков правового сознания. Так, для выявления мотивов выполнения требований нормативных предписаний в анкету был включен следующий вопрос: «Отметьте, пожа-

луйста, основную причину, по которой, по Вашему мнению, люди выполняют требования закона. (Укажите не более двух причин)» (см. табл. 15 Приложения).

По характеру отбираемых опрашиваемыми альтернативных ответов мы можем судить о существенных различиях между респондентами, обладающими тем или иным типом (классом) правового сознания. Нетрудно заметить при этом, что опрашиваемые в качестве ответов чаще всего выбирали именно те суждения, логический смысл и содержание которых в достаточной степени свидетельствуют о принадлежности их к определенному (а не какому-либо другому) типу правового сознания.

Из табл. 15 усматривается, что для респондентов с активно-позитивным типом правового сознания преобладающими мотивами исполнения закона является прежде всего то, что закон охраняет и защищает интересы каждого человека (70,7%) и одновременно — интересы личности, общества и государства (33,9%). Гражданские мотивы в реализации требований правовых предписаний у этой группы проявились в большей степени, чем у других групп (типов).

Для группы респондентов, обладающих традиционно-позитивным типом правового мышления и поведения, существенное значение при исполнении требований закона имеет привычка («так надо»). При выборе альтернатив они чаще всего обращались к суждениям, отражающим эту позицию (42,0%) и позицию, свидетельствующую о существенном значении для них собственных интересов (57,9%).

Для респондентов, обладающих пограничным типом правового сознания, преобладающим мотивом исполнения нормативно-правовых предписаний явилось нежелание наступления негативных последствий. Чаще всего они обращались к суждению, отражающему эту позицию (57,9%).

Для респондентов с неустойчивым типом правового сознания наиболее значимыми оказались суждения, свидетельствующие о том, что требования норм ими выполняются: 1) из-за нежелания быть привлеченным к ответственным

ности (63,7%); 2) потому, что закон защищает и охраняет личные интересы (40%); 3) потому, что у людей сформировалось привычное отношение к требованиям закона (34,4%).

В наборе альтернативных суждений, предложенных для выбора опрашиваемым, отсутствуют те из них, по выбору которых можно наиболее адекватно судить о содержании мотивов исполнения закона представителями этой группы обследуемых. Однако значительный (больше, чем у других) разброс их ответов на вопрос, связанный с определением мотивов исполнения нормативных требований, свидетельствует об отсутствии у этой группы однозначной и твердой позиции в вопросах соблюдения требований правовых норм.

Направленность в содержании их правового сознания нами была выявлена с помощью других признаков (переменных), не участвующих в классификации. Свойственные этой группе (как, впрочем, и другим) особенности правового сознания зафиксированы с помощью вопроса:

«С каким из нижеперечисленных мнений Вы согласны?» (распределение ответов см. в табл. 16 Приложения).

Группы респондентов с активно-позитивным и традиционно-позитивным типами правового сознания в вопросах соблюдения требований закона заняли однозначную и последовательную позицию: 74,3% из числа респондентов, объединяемых первым таксоном (Т 1), и 71,0% из числа тех, кто составил второй таксон (Т 2), ответили, что «закон нужно выполнять во всех случаях, каковы бы ни были конкретные обстоятельства». Что же касается группы с неустойчивым типом правового сознания, то 66,2% из них высказали мнение о возможности в исключительных случаях отступить от требований закона.

Существуют определенные различия между группами респондентов, обладающих тем или иным типом правового сознания, а также в их подходе к оценке степени опасности различного рода нарушений закона. Эта проблема представляет интерес не только с точки зрения обсуждаемой здесь проблемы обоснованности осуществленной типоло-

гизации правового сознания; знание об оценках респондентами степени опасности для общества тех или иных преступных посягательств характеризует с определенной стороны состояние общественного правосознания и имеет большое как познавательное, так и прикладное значение.

Теория и практика применения закона различают преступления, как известно, по характеру и степени общественной опасности, обуславливаемые многими факторами и обстоятельствами (объектом преступного посягательства, способами совершения преступных действий, характером причиняемого вреда, степенью распространенности тех или иных видов преступлений, мотивами и целями их совершения и т.д.). Каждый раз этот довольно сложный вопрос решается в зависимости от конкретных обстоятельств нарушения закона.

Адекватное применение закона (во всем его объеме) имеет существенное значение для формирования правового сознания. Вместе с тем при реализации закона весьма важно знать состояние правового сознания различных слоев и социальных групп.

Отбирая уголовно-правовые нарушения, подлежащие оценке опрашиваемыми с точки зрения опасности их для общества, мы руководствовались теми же принципами, что и при конструировании прожективных ситуаций, но число норм при этом было несколько увеличено за счет включения в качестве объекта оценки таких составов преступлений, как посредничество во взяточничестве, изнасилование, злостное уклонение от уплаты алиментов и другие, каждый из которых дополнительно охарактеризовал посягательство на интересы личности или на нормальное функционирование государственного аппарата.

Положив в основу имеющиеся в теории и законе указания об отнесении того или иного преступления к определенному классу (тяжкие преступления, преступления, представляющие большой общественной опасности, малозначительные преступления) и предложив оценить опасность их для общества по пятибалльной шкале, мы построили своеобразную «ранговую шкалу ригоризма» (см. табл. 17 Приложения).

Внимательное изучение этой шкалы позволяет сделать по крайней мере два существенных вывода:

1) в оценке степени общественной опасности уголовно-правовых нарушений респонденты, обладающие различным уровнем (типом) правового сознания, существенным образом различаются между собой;

2) структура оценок (обыденное правосознание осуществляет такую оценку как бы в обобщенном виде) опрашиваемых в значительной степени отлична от официальных оценок тяжести преступлений, содержащихся в законе.

Респондентам, обладающим активно-позитивным типом правового сознания, в наибольшей степени присущи черты ригоризма. Обобщенная оценка степени опасности отобранной совокупности преступных посягательств на основополагающие ценности у них значительно выше, чем у всех других групп (4,05). Самая низкая оценка степени общественной опасности преступных посягательств была дана группой респондентов, обладающих пограничным типом правового сознания (3,10), затем — неустойчивым (3,19). Оценка обследуемых, обладающих традиционно-позитивным типом правового сознания, близка к той, которую дали респонденты всего массива (3,87 и 3,83).

В иерархии ценностей обследуемой совокупности работников здоровье, честь и достоинство человека занимают ведущее место.

Опасность преступлений, посягающих на эти ценности, всеми группами опрашиваемых оценивается наравне с особо тяжкими преступлениями; такие составы преступлений, как изнасилование, нанесение побоев или иных действий, носящих характер истязания, по степени опасности для общества, по мнению опрашиваемых, занимают второе, пятое или шестое ранговые места; на шкале они находятся на более высокой отметке, чем, скажем, хищение собственности в особо крупных размерах или даже контрабанда; за ними следует состав преступления, связанный с клеветой, соединенной с обвинением в тяжких преступлениях.

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

Проблемам социальной активности, ее различным аспектам посвящено значительное число научных исследований.

Вместе с тем следует признать, что до сих пор не все проблемы, связанные с развитием социальной активности, исследуются равномерно. Если социальные и нравственные аспекты трудовой и общественно-политической деятельности наемных рабочих изучаются в достаточной степени интенсивно, то другие ее формы не всегда находят отражение в научной литературе.

В этой главе предпринята попытка выявить роль и значение правового сознания опрашиваемых в развитии их социальной активности.

3.1. НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ

Анализ эмпирических исследований, связанных с изучением социальных аспектов труда, свидетельствует о том, что подавляющее большинство из них ориентировано главным образом на изучение и анализ внешних по отношению к человеку условий его трудовой деятельности. Отношение к труду в таких исследованиях становится в однозначную связь и зависимость от содержания и условий труда; в этом же аспекте рассматриваются и рекомендации, связанные с укреплением трудовой дисциплины в производственных коллективах.

Не настолько опасным, как полагает закон, значительное число опрашиваемых считают такие преступления, как получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве, халатное отношение к служебным обязанностям, выразившееся в бесхозяйственном хранении государственной собственности.

По остальным видам преступлений (мелкое хищение собственности, злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание детей, уклонение от содержания престарелых родителей, тайное похищение личного имущества) мнение опрашиваемых о степени их общественной опасности совпадает (в основном) с мнением законодателя.

Процедуры, применяемые в настоящем исследовании с целью выявления типологических особенностей (уровня) правового сознания опрашиваемых, свидетельствуют не только о достоверности полученной информации, но и о необходимости (целесообразности) осуществления классификации респондентов по данному признаку.

Социальная принадлежность индивида продолжает оставаться важнейшим образующим признаком, но в современных условиях все большее значение приобретают (наряду с ним) такие критерии, как общеобразовательный уровень, глубина овладения научным мировоззрением, степень и уровень интернализации моральных и правовых требований общества, половозрастные особенности и т.д. Применение этих критериев позволяет более глубоко и всесторонне раскрыть социальный облик опрашиваемых, а также представить во всем объеме типологическую структуру российского общества.

В следующей главе внимание автора концентрируется на исследовании функциональных характеристик правового сознания, на роли и значении сознания в формировании гражданских качеств личности, развитии ее трудовой и общественно-политической активности.

Данный подход к проблеме реализуется в соответствующих процедурах измерения отношения к труду. Удовлетворенность работой, специальностью или условиями труда измеряется обычно с помощью соответствующих шкал. Даже в тех случаях, когда к анализу эмпирической информации по вопросам отношения опрашиваемого к его труду привлекаются прогрессивные математические методы, методологическая посылка, предполагающая линейную связь между отношением к труду, с одной стороны, характером и содержанием труда, удовлетворенностью работой, с другой — остается неизменной.

Признавая важность этих исследований, не вступая в полемику с их авторами, мы вместе с тем полагаем, что такое видение проблемы вступает в определенные противоречия с методологическими требованиями, предъявляемыми изучению вопросов, связанных с формированием добросовестного отношения к труду, с укреплением трудовой и государственной дисциплины среди промышленных рабочих:

1) Подобная постановка вопроса противоречит эмпирически наблюдаемым фактам: работая в одном и том же коллективе, в совершенно одинаковых производственных условиях, подавляющее большинство работников предприятия проявляют образцы добросовестного отношения к труду. Неудовлетворенность работой, выявляемая в ходе эмпирического обследования рабочих, может быть вызвана стремлением к преодолению негативных условий трудовой деятельности, возникающих обычно при заинтересованном подходе работника к выполнению трудовых заданий.

2) Преодоление непривлекательных видов труда, создание оптимальных условий протекания трудового процесса — одно из главных направлений современной технической и социальной политики, осуществляемой в промышленных коллективах. Однако развитие технического прогресса диалектически противоречиво. Механизация и автоматизация производственных процессов имеют свою логику осуществления не везде и не во всех сферах промышленного производства, внедрение переловой техники не производится такими темпами, как бы нам этого хотелось.

В этих условиях мы в конечном итоге в проблему формирования добросовестного отношения к труду привносим (хотим мы этого или не хотим) элементы стихийности. Недостаточный уровень механизации и автоматизации на отдельных участках производства может в таких случаях служить в определенном смысле оправдывающим фактором недостаточно высокого уровня трудовой и государственной дисциплины.

Это обстоятельство создает определенные трудности: социологические исследования, ориентированные на выводы об определяющей роли фактора удовлетворенности работой, в формировании добросовестного отношения к труду не способствуют преодолению этих трудностей.

С учетом изложенного в качестве гипотезы, подлежащей проверке, нами был выдвинут тезис о том, что отношение наемного рабочего к труду определяется не только, а может быть, не столько содержанием, характером труда и его удовлетворенностью, сколько уровнем понимания и осознания им своих обязанностей и своего гражданского долга в сфере трудовых отношений.

Проверка выдвинутой гипотезы обусловила имманентную ей логику построения эмпирического изучения феномена «отношение к труду».

Как мы уже отмечали, в понимании отношения к труду существенным для нас является деятельная сторона этого отношения. Поэтому в качестве основного показателя, определяющего отношение опрашиваемых к содержанию их трудовой деятельности, нами были приняты конечные результаты их труда, выражающиеся в выполнении ими соответствующих норм выработки.

Использование конечного результата в качестве объективного критерия (индикатора) отношения к труду основывается на понимании труда как целесообразной деятельности», включающей в себя диалектическое соотношение целей и результатов труда.

Правда, в реальном трудовом процессе эти категории (цели и результаты трудовой деятельности) не всегда совпадают: в достижении намеченных результатов не все и не всегда зависит от работника. Намечаемые цели и полу-

чаемые результаты в связи с этим могут быть в различной степени отдалены друг от друга, но главное допущение здесь состояло в том, что наемный работник, обладающий высокоразвитым чувством гражданского долга в сфере трудовых отношений (т.е. высокоразвитым правовым сознанием), всегда стремится к преодолению препятствий на пути достижения высоких результатов в его трудовой деятельности. Поэтому его отношение к труду в определенной степени объективируется в результатах его труда, представленных тем или иным уровнем выполнения норм выработки.

Вводя индикатор выполнения норм выработки, следует иметь в виду, что с его помощью измеряется не только количественная сторона изучаемого явления, т.е. отношение к труду, но в определенной степени и качественная сторона этого отношения, поскольку в нормах труда качественные особенности трудовой деятельности находят (или во всяком случае должны находить) свое выражение.

Попытки некоторых исследователей реализовать данный подход в изучении трудовых процессов не выходят, однако, за рамки традиций, сложившихся в эмпирических исследованиях отношения к труду: включая (и совершенно обоснованно) показатели результатов труда в отношении наемного работника к труду, они все же полагают возможным регулировать отношение наемных работников к своему труду только через изменение условий их трудовой деятельности.

Для нашего исследования характерен несколько иной подход: наряду с изучением влияния на отношение рабочего к своему труду объективных для него условий трудовой деятельности, необходимо было выявить возможные связи между функционирующим на эмпирическом уровне правовым сознанием промышленных рабочих (субъективный фактор) и их отношением к труду, с одной стороны, и, с другой — определить место и роль этих связей в ряду других факторов, определяющих отношение рабочих к своему труду.

В реальной жизни нормы выработки (результаты труда) работника обусловлены взаимодействием как объек-

тивных для него, так и субъективных факторов производственной и трудовой деятельности.

К числу объективных факторов, влияющих на трудовую деятельность опрашиваемых, мы (как и другие исследователи) отнесли:

1) содержание самого труда, определяемое соотношением затрат умственного и физического труда в процессе трудовой деятельности индивида;

2) организацию труда, эмпирически проявляющуюся в ритмичности производства и своевременном получении рабочими сменного задания.

Представляется, что именно в этих феноменах проявляется интегральная характеристика организации труда.

К субъективным факторам, влияющим на формирование добросовестного отношения к труду, настоящим исследованием отнесены:

1) установки опрашиваемых по отношению к правовым нормам, регулирующим выполнение трудовых обязанностей, рационализаторская деятельность, сверхурочные работы и т.д., поскольку в этих установках проявляется соответствующий уровень правового сознания опрашиваемых;

2) удовлетворенность работой и отдельными элементами трудовой и производственной ситуации.

Каждый из факторов, влияние которого на отношение к труду нам предстояло исследовать, в инструментарии был представлен в виде показателей, отражающих определенный уровень их измерения (шкалирования).

Так, результаты труда измерялись с помощью вопроса: «Укажите, пожалуйста, выполнение Вами нормы выработки за прошедший месяц и в течение последнего года». При этом предлагалось пять градаций этого признака: менее 90%, 90—100%, 101—110%, 110—120%, свыше 120%; в качестве показателя результатов труда по группе работников берется процент невыполнивших норму выработки в течение месяца или года (т.е. выполнивших норму менее чем на 100%). В принципе такая шкала может быть рассматриваема как шкала отношений (высокий уровень измерения), однако поскольку мы используем лишь дихото-

мию «Выполняют — не выполняют норму», то в исследовании применяется лишь номинальный уровень измерения.

Остальные показатели отношения к труду — отношение к сверхурочным работам, отношение к рационализаторству и т.д. — измерялись с помощью порядковых или упорядоченно-номинальных шкал.

В социологическом знании отсутствует единое понимание отношения к труду, еще не создана концепция, которая позволила бы четко операционализировать это понятие, измерить каждую из ее составляющих и построить единый показатель (индекс) отношения к труду.

В своем исследовании мы, естественно, также не стремились к получению интегрального индикатора отношения к труду. Определение (вычисление) такого показателя на основе измерения перечисленных выше факторов (признаков) хотя и возможно, но в исследовательских целях нам представлялось нецелесообразным: единый индекс мог бы лишь затемнить картину связи между различными факторами (объективными и субъективными), оказывающими влияние на отношение к труду, представленное результатами труда (выполнением норм выработки).

После определения методологических предпосылок эмпирического исследования отношения к труду следует перейти к анализу полученной информации по данному вопросу и, в первую очередь, к анализу данных, позволяющих судить о правомерности выдвинутого положения об отсутствии однозначной зависимости между отношением к труду со стороны наемных работников, с одной стороны, содержанием их труда и удовлетворенностью работой, с другой.

Соотношение элементов физического и умственного труда в процессе его осуществления определяет содержательную структуру труда, представляющуюся человеку как объективный фактор в развитии его трудового процесса. Чтобы выяснить, в какой степени содержание труда влияет на отношение к самому труду, оказалось достаточным сравнить результаты трудовой деятельности рабочих, занятых различными видами трудовой деятельности.

Полученная нами информация по данному вопросу свидетельствует о том, что наилучших результатов (по субъективным оценкам) достигают рабочие, занятые на станках и механизмах, затем — рабочие неквалифицированного ручного труда (в том числе и работающие при станках и механизмах).

У этого контингента опрошенных в среднем результаты труда выше, чем у рабочих, занятых на автоматических линиях, и чем у работников, занятых высококвалифицированным ручным трудом. Так, среди рабочих, занятых на автоматических линиях, число респондентов, не выполнявших норм выработки (по данным опроса), в 1,36 раза больше, чем среди респондентов, занятых на тяжелых физических работах, и почти в 1,6 раза больше, чем среди работающих на станках и механизмах.

Соответствующую картину мы наблюдаем среди рабочих, занятых высококвалифицированным ручным трудом. Здесь невыполнивших норм выработки в 1,46 раза больше, чем среди станочников, и в 1,26 раза больше, чем у рабочих неквалифицированного труда.

Показатели работы респондентов, занятых на станках и механизмах, а также рабочих на тяжелых, неквалифицированных видах труда в общем-то выше, чем показатели в работе по всему массиву наемных работников.

Различия же по показателям труда между респондентами, работающими на автоматических линиях, и теми, кто занят высококвалифицированным ручным трудом, незначительны (соотношение невыполнивших норм здесь 1,2 : 1), так же, как и незначительны различия в результатах труда между работающими на станках и механизмах и занятыми неквалифицированными видами труда (соотношение невыполнивших в течение года производственных норм здесь соответственно 1,1 : 1).

Согласно утвердившемуся мнению (чем выше интеллектуальное содержание труда рабочего, тем выше должны быть результаты его трудовой деятельности) казалось бы наиболее высокий результат должны показывать рабочие автоматизированного труда как вида труда, требующего высокого уровня общего образования, специальной

профессиональной подготовки и т.д. Оказывается, наоборот, среди рабочих автоматизированного труда наиболее высока доля невыполняющих норму выработки.

Отмеченные выше факты носят устойчивый, а не случайный характер, поскольку аналогичную картину мы наблюдаем не только по итогам работы за месяц, предшествующий опросу рабочих, но и по итогам всего предшествующего года. Кроме того, следует иметь в виду, что опрос проводился на разных предприятиях, с различными условиями труда и поэтому нет оснований считать, что в этих данных выражена специфика какого-либо одного предприятия.

Вместе с тем, чтобы иметь более полную картину связи содержания труда рабочего с его отношением к труду, целесообразно проанализировать данную проблему в аспекте взаимосвязи содержания труда с другими, объективными для рабочих факторами трудовой и производственной деятельности, в частности с ритмичностью работы на производственном участке и со своевременностью получения сменного задания, что в определенной степени связано с организацией труда.

Как известно, организация труда (на рабочем месте) в сфере материального производства не является самоцелью; ценность всех мероприятий в этом направлении определяется тем обстоятельством, насколько они способствуют эффективности трудовой деятельности промышленных рабочих (повышение результатов их труда). Поэтому для определения факторов, влияющих на формирование отношения рабочего к труду, для выявления значимости каждого из них необходим анализ связей между показателями, отражающими результаты его трудовой деятельности, с одной стороны, и показателями, характеризующими уровень организации его работы, — с другой; причем анализ должен осуществляться с учетом фактора дифференциации трудовой деятельности рабочих в зависимости от степени механизации и автоматизации трудовых процессов (дифференциации по содержанию труда).

Настоящее исследование продемонстрировало всю сложность этих связей. Мы столкнулись здесь с парадоксаль-

ным явлением: рабочие, осуществляющие свою деятельность в условиях более высокой организации труда, например группа рабочих, занятая управлением автоматическими линиями, демонстрирует более низкие результаты труда, чем работающие в условиях, характеризующихся сравнительно худшей организацией трудовой деятельности, например группа, занятая на станках и механизмах.

Мы оказались, таким образом, перед фактами, вступающими в противоречие с эмпирически наблюдаемыми явлениями: недостатки в организации труда, как правило, влекут за собой снижение результатов трудовой деятельности. Однако противоречие здесь только кажущееся. Картина проясняется, если мы обратимся к связям, характеризующим организацию труда тех рабочих, которые не выполняют норм выработки. Оказывается, что организация труда таким своим существенным признаком, как ритмичность производства, наиболее значимое влияние оказывает на результаты труда (в которых проявляется в определенной мере отношение к труду) прежде всего тех рабочих, которые заняты управлением автоматическими линиями, и тех, кто работает на станках и механизмах.

В этих группах рабочих доля невыполнивших норм выработки в значительной степени увеличивается по мере нарушения ритмичности производственных процессов.

В массиве опрошенных, отнесенных нами к группе рабочих, занимающихся тяжелыми, неквалифицированными видами труда, подобных явлений мы не наблюдаем. Здесь, наоборот, среди тех, кто работает в условиях более низкой организации труда, доля невыполнивших норм выработки оказалась хотя и не намного, но все же меньшей, чем среди тех, кто работает в нормальных условиях. Это обстоятельство наводит на мысль, что в ряде случаев эта группа рабочих в условиях напряженности может работать не хуже, чем при нормальном течении производственного цикла, и объясняется это, видимо, спецификой самого труда.

Из всего сказанного выше вытекает следующее:

1) на результаты трудовой деятельности, в которых отражается отношение рабочего к своему труду, содержа-

ние труда само по себе существенного влияния не имеет. Во всяком случае полученные нами и проанализированные выше данные не дают нам основания утверждать, что чем глубже содержание труда (по уровню его интеллектуализации), тем выше результаты трудовой деятельности.

2) Содержание труда в сопряжении с другими, объективными для рабочего факторами производства (ритмичность, своевременность получения производственного задания) могут оказывать и оказывают в действительности существенное воздействие на результаты трудовой деятельности, однако это воздействие неоднозначно: для некоторых социально-профессиональных групп рабочих оно фактически незначимо.

В этих условиях определенный интерес представляет выявление значения и роли субъективных факторов в формировании добросовестного отношения к труду.

Выявление степени влияния субъективных факторов на формирование добросовестного отношения к труду представляется целесообразным начать с анализа удовлетворенности рабочих их собственным трудом. На обследуемых объектах выявлена в целом высокая удовлетворенность респондентов своим трудом. Из всего набора элементов трудовой и производственной ситуаций, предложенных респондентам для оценки, самую высокую степень удовлетворенности вызывают у них отношения с руководством и специальностью; в меньшей степени опрошенные удовлетворены размером заработной платы и сменностью их работы, и самую низкую степень удовлетворенности у них вызывает организация труда и санитарно-бытовые условия их работы.

Констатируя некоторые особенности в уровне удовлетворенности теми или иными элементами трудовой или производственной ситуации, следует отметить, что различия в содержании труда наемных работников не меняют общей структуры их удовлетворенности работой, что свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии прямой линейной зависимости между удовлетворенностью рабочего своей работой и отношением его к труду.

При этом надо иметь в виду, что здесь действуют противоположно проявляющиеся тенденции: с одной сторо-

ны, отношение к труду не зависит от удовлетворенности работой (индивид в высшей степени может быть удовлетворен выполняемой работой, а вместе с тем не выполнять норму выработки, и наоборот: будучи неудовлетворенным своей работой, выполнять и даже перевыполнять производственное задание), и, с другой — отношение к труду зависит от удовлетворенности работой в той мере, в какой она (удовлетворенность) отклоняется от состояния безразличного или равнодушного отношения к ней.

Сложившуюся ситуацию можно объяснить, видимо, исходя из предположения, что удовлетворенность работой выражает собой не только тот или иной уровень адаптированности индивида в производственном коллективе: представляется, что за внешним выражением удовлетворенности работой скрыты более глубинные свойства и качества индивида, характеризующие его отношение к труду.

Выявляя уровень удовлетворенности рабочего своей работой, мы измеряем не только его сиюминутное мнение об этом, но и некую компоненту его установки по отношению к труду вообще, некий постоянный и устойчивый элемент его сознания.

Отношение респондента к его работе, как мы предполагаем, означает не только средний уровень его адаптации, но и проявление негативной установки по отношению к труду. Точно так же в тех случаях, когда рабочий, выполняя нормы выработки (независимо от содержания его труда), утверждает, что работа ему не нравится, мы фиксируем не только неудовлетворенность его адаптацией, но и элементы позитивного отношения (установки) к труду, имплицитно содержащего требование (необходимость) изменения условий трудовой деятельности. Если работа не нравится, необходимо предпринимать соответствующие меры с тем, чтобы индивид мог получать удовлетворение от работы, чтобы она в конечном итоге не вызвала безразличного отношения к ней, что крайне нежелательно в тех случаях, когда речь идет о формировании отношения к труду у молодых рабочих, начинающих свою трудовую деятельность.

Кроме удовлетворенности работой к субъективным факторам, определяющим параметры трудовой деятельности, настоящим исследованием отнесены (мы об этом говорили выше) отношение индивида к правовым нормам, регулирующим рационализаторскую деятельность, организация сверхурочных работ. В оценочных суждениях по поводу этих элементов трудовой и производственной деятельности отражаются правовые и нравственные качества личности респондента, определенный уровень его правового сознания.

Вводя в качестве одного из индикаторов отношения к труду такую переменную, как установки опрашиваемых относительно правовых норм, регулирующих применение сверхурочных работ в производственном коллективе, мы исходили прежде всего из смысла и содержания этих норм, допускающих применение сверхурочных работ лишь в исключительных случаях, и только в силу объективной производственной необходимости.

В этой (и только в этой) ситуации позитивное отношение к применению сверхурочных работ может быть свидетельством проявления гражданского долга в сфере трудовых отношений, свидетельством высокого уровня правового сознания опрашиваемых, понимающих всю важность значения выполнения производственной программы, стремящихся к ее реализации порой в ущерб собственным интересам. В таких случаях положительно направленные установки по отношению к правовым нормам, регулирующим применение сверхурочных работ, свидетельствовали бы о проявлении со стороны рабочего в высшей степени добросовестного отношения к труду. Тогда тесная связь между положительно направленным отношением к требованиям правовых норм, регулирующих применение сверхурочных работ, и высокими результатами трудовой деятельности была бы правомерной.

Таким образом, из всего изложенного относительно влияния объективных и субъективных факторов на формирование тех или иных параметров трудовой деятельности следует: на отношение к труду существенное влияние оказывает не содержание труда индивида и его удовлетворенность работой, а наличный уровень правового созна-

ния, хотя оно было представлено в ходе анализа не системно, а лишь на уровне отдельных установок. И тем не менее мы можем констатировать, что все эти составляющие (установки относительно правовых норм, регулирующих сверхурочные работы) неразрывно связаны с основной переменной — отношением к труду, — объективированной в результатах трудовой деятельности. Причем связь эта достаточно однозначна: чем лучше (адекватнее) отношение рабочих к сверхурочным работам, тем выше результаты труда во всем массиве рабочих и в каждой отдельной группе по содержанию труда.

Как уже отмечалось, мы сочли нецелесообразным конструировать обобщенный индекс отношения к труду, так как он носил бы чисто формальный характер и не смог бы отразить ту специфику, которую несет в себе каждый компонент отношения к труду. Поэтому мы ограничились лишь общей характеристикой каждого из компонентов отношения к труду, имея в виду, что все они тесно связаны с результатом труда, отражающим в своей сущности отношение к труду.

Более полная информация об обусловленности отношения рабочих к своему труду наличным уровнем их правового сознания, пониманием и осознанием своего долга в сфере трудовой деятельности может быть получена нами, если мы обратимся к анализу результатов трудовой деятельности респондентов, обладающих различными (относительно чистыми) типами правового сознания, или к анализу их суждений (оценок) по поводу некоторых аспектов (характеристик) трудовой деятельности.

Сопоставляя результаты труда этих групп рабочих, мы без труда обнаружим, что обладающие активно-позитивным и традиционно-позитивным типами правового сознания имеют сравнительно высокие результаты трудовой деятельности как по итогам предшествующего месяца, так и по итогам года. Доля респондентов, не выполнивших установленных норм выработки, у этих категорий рабочих сравнительно меньше, чем у респондентов, составивших группы рабочих с неустойчивым и пограничным типами правового сознания.

Что же касается респондентов с неустойчивым и пограничным типами правового сознания, то относительный результат их труда существенно ниже (в особенности итоги трудовой деятельности рабочих с пограничным типом правового сознания), чем у первых двух групп рабочих; показатели этих двух групп респондентов гораздо ниже, чем показатели труда у всего массива опрошенных.

Здесь следует иметь в виду еще одно существенное обстоятельство: если у респондентов с активно-позитивным и традиционно-позитивным типами правового сознания результаты труда в течение года в целом выше, чем за прошедший месяц, то у обладателей неустойчивого и пограничного типов правового сознания по итогам года они ниже, чем по итогам предшествующего месяца (этим отличается в особенности группа респондентов, обладающих пограничным типом правового сознания).

Данный факт свидетельствует об устойчивости влияния типа правового сознания на реальное поведение их обладателей в сфере трудовой деятельности: более высокие показатели в выполнении норм выработки у тех наемных работников, которые обладают активно-позитивным и традиционно-позитивным типами правового сознания.

Сопоставление групп рабочих, занятых на станках и механизмах, а также рабочих, занимающихся неквалифицированными видами трудовой деятельности, с их структурой по типу правового сознания показало, что среди этих групп рабочих насчитывается больше половины (в первой из них 51,9%, во второй — 54,2%) респондентов, обладающих активно-позитивным и традиционно-позитивным типами правового сознания, которые, как мы видели, показывают наиболее высокие результаты трудовой деятельности.

Этот факт лишний раз служит подтверждением того, что нормативно-правовому сознанию принадлежит приоритет (сравнительно с содержанием труда) в вопросах формирования добросовестного отношения к труду.

Его влияние на данный процесс настолько значимо, что положение существенным образом не меняется даже в тех случаях, когда индивид оказывается в сравнительно

неблагоприятных условиях организации трудовой деятельности. Анализ информации, полученной при проведении настоящего эмпирического исследования, свидетельствует о том, что:

1) респонденты, обладающие активно-позитивным типом правового сознания, работают примерно в таких же условиях, что и рабочие автоматизированного труда: около половины из них, по их собственному свидетельству, трудятся в условиях равномерного протекания производственного цикла; почти третья часть и тех и других указывают в своих ответах на наличие ежедневных небольших простоев и мелких неполадок и т.д. Однако результаты труда у респондентов, обладающих активно-позитивным типом правового сознания, значительно лучше, чем у рабочих автоматизированного труда;

2) результаты труда у респондентов, обладающих традиционно-позитивным типом правового сознания, примерно такие же, как и у работающих на станках и механизмах, но они (рабочие, обладающие традиционно-позитивным типом правового сознания) осуществляют свою деятельность в сравнительно худших условиях организации труда.

Обсуждая вопрос о соотносимом влиянии на формирование добросовестного отношения к труду таких явлений, как содержание труда и удовлетворенность трудом, организация труда и субъективных факторов в виде наличного уровня нормативного сознания, мы, представляется нам, привели достаточно аргументов в пользу выдвинутого нами положения о существенном значении правового сознания в определении тех или иных параметров трудовой деятельности. Правовое сознание, будучи дифференцированным по уровню своего развития, в обычных условиях выступает как самостоятельное и решающее условие формирования у индивида того или иного отношения к труду; в ситуации же, когда индивид сталкивается с неблагоприятными объективными для него факторами и обстоятельствами развития трудового процесса, правосознание, опосредуя эти факторы и обстоятельства, снижает или, наоборот, усиливает степень воздействия их на развитие трудовой активности.

Отсюда: эмпирическое изучение отношения человека к труду не должно ограничиваться исследованием лишь внешних для него факторов развития трудового процесса.

3.2. ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ДИСЦИПЛИНА ТРУДА В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ КОЛЛЕКТИВЕ

В условиях современного производства весьма значимым индикатором отношения к труду является дисциплина труда, выступающая в данном случае как своеобразная внутренняя мера этого отношения. Поэтому описание отношения к труду вне связи с анализом дисциплины было бы существенно неполным: дисциплина труда есть не что иное, как отношение, регламентирующее характер связей, субординацию, поступки и действия человека в процессе трудовой деятельности.

Труд, орудия и средства производства составляют существенные признаки общественного производства. Однако последнее начинается осуществляться лишь при:

1) соединении труда со средствами производства;

2) установлении определенных отношений (и соотношений) между участниками трудовой деятельности.

Порядок, регулирующий оба эти процесса, предопределяя их эффективность, составляет содержание трудовой и производственной дисциплины.

Укрепление, повышение уровня трудовой дисциплины на предприятиях в современных условиях обусловлено целым рядом причин:

1) развитие и ускорение технического прогресса усложняют производственные связи и зависимости между отдельными участками общественного производства, сферами и отраслями народного хозяйства, обуславливают строгую необходимость в слаженном, четко организованном производственном процессе. В этих условиях любое нарушение дисциплины труда, брак в работе сказываются на общем ритме производства и на его конечных результатах;

2) повышение дисциплины труда — это тот резерв увеличения общественного богатства, который не требует капитальных вложений, но может дать большую и быструю отдачу.

Необходимость укрепления и совершенствования отношений дисциплины труда и порядка на производстве обуславливается и тем, что в современных условиях в значительной мере увеличился удельный вес каждого трудового усилия;

3) дисциплина труда всецело предопределяется материальными условиями общественного производства. Отношения между участниками общественного производства по поводу дисциплины труда носят объективный характер: отражаясь в системе правовых и иных социальных нормах, эти отношения представляют собой подструктуру более широкой объективной по своей природе системы общественных отношений. Но поскольку сама дисциплина труда содержит в себе определенную меру отношения индивида к своему труду и поскольку отношения по поводу дисциплины труда реализуются людьми, наделенными волей и сознанием, постольку и уровень реализации дисциплинарных требований всецело предопределяется наличным уровнем их нравственного и правового сознания. Таким образом, состояние и уровень трудовой дисциплины в производственном коллективе обуславливается воздействием как объективных, так и субъективных факторов.

В ходе настоящего исследования была предпринята попытка определить некую систему факторов, обуславливающих нарушения трудовой дисциплины, и по оценкам опрашиваемых выявить значимость каждого из них, т.е. определить ранговое место в системе других факторов. Информация по данному вопросу была получена от различных категорий опрашиваемых: рабочих, инженерно-технического персонала, что давало возможность более глубокого анализа изучаемого явления.

Прежде всего следует отметить, что выявленная структура факторов, которые, по мнению наемных работников, существенным образом влияют на состояние трудовой дисциплины, довольно устойчива. Оценки, даваемые каждой

из причин, не зависят ни от социально-демографических данных (возраст, образование, стаж и т.д.), ни (что особенно важно) от содержания труда: рабочие, относящиеся к различным группам по содержанию труда, дают примерно идентичную оценку явлениям (выстраивают факторы), обуславливающим нарушения трудовой дисциплины.

Если в числе основных причин, обуславливающих нарушения трудовой дисциплины, рабочие ставят причины объективного свойства, такие, скажем, как неудовлетворительная организация труда и т.д., то инженерно-технические работники — факторы субъективного порядка.

Исследование позволило выделить (методом группировок) следующие наиболее значимые причины, обуславливающие нарушения трудовой дисциплины в производственных коллективах:

- 1) неудовлетворительная организация труда (включая сюда санитарно-бытовые условия трудовой деятельности);
- 2) недостаточный уровень сознания нарушителей трудовой дисциплины;
- 3) недостатки в организации социального контроля за поведением тех членов коллектива, которые нарушают трудовой распорядок.

В решении задач, стоящих перед каждым трудовым коллективом, функционирующим в сфере материального производства, обеспечение производственного процесса необходимыми материально-сырьевыми и техническими ресурсами, как известно, имеет первостепенное значение. Не обеспечив своевременно производство необходимым сырьем, комплектующими узлами и деталями, не располагая оборудованием, отвечающим современным требованиям технического прогресса, и не имея в достаточном количестве рабочей силы, обеспечивающей движение общественного производства, трудно рассчитывать на успешное выполнение производственной программы.

Эффективность производства и повышение качества всей работы с объективной необходимостью обуславливаются полнотой и эффективностью связей между всеми этими элементами производства, составляющими в своей совокупности существенные характеристики организации труда.

Между тем, по данным опроса инженерно-технического персонала, именно в этих звеньях единого по своему содержанию технологического процесса имеют место существенные нарушения объективно необходимых связей. По свидетельству этой категории опрошенных, располагающих в более полном объеме, чем кто-либо другой, соответствующей информацией, факты неритмичной поставки сырья и материалов, необходимых деталей и узлов по частоте своего проявления занимают ведущее место. На втором месте — неудовлетворительная работа смежных производственных подразделений (цехов, участков, смен и т.д.), хотя в реальной действительности, как показало обследование, срывы в работе этих подразделений во многом обуславливаются теми же причинами, т.е. неудовлетворительным обеспечением необходимыми материалами. Поэтому в системе переменных, характеризующих организацию труда, их следует рассматривать, видимо, как однопорядковые явления.

Следующим (по частоте проявления) фактором, обуславливающим нарушение нормального ритма производственного процесса, по мнению респондентов, является низкий коэффициент использования оборудования. Следует заметить, что на обследуемых объектах действие данного фактора приняло довольно устойчивый характер, хотя низкий коэффициент использования оборудования обуславливается не только недостающей численностью работников, но и рядом других причин, среди которых существенное значение имеют, например, нарушения трудовой дисциплины или, скажем, отвлечение рабочих на работы, не связанные с основным производством; в ряде случаев эта причина проявляется как самостоятельная переменная, влияющая на уровень организации труда в коллективе.

Недостатки в организации труда влекут за собой нарушения трудового ритма, перепады в интенсивности труда.

Однако наличие связей между организацией труда и нарушениями трудовой дисциплины отнюдь не свидетельствует о наличии линейной зависимости между ними. Сама логика формирования отношения к дисциплинарным пред-

писаниям и наличное (эмпирическое) состояние трудовой дисциплины в производственных коллективах обуславливает необходимость привлечения к анализу других факторов, способных прояснить характер этих связей: ибо даже при неудовлетворительном состоянии организации труда в производственном коллективе соотношение между теми, кто добросовестно выполняет требования норм, регулирующих дисциплину труда, и теми, кто их не выполняет, всегда складывается в пользу первых.

Объяснение данному факту следует искать в других явлениях, в частности, в личностных свойствах и качествах самих нарушителей трудовой дисциплины, в уровне развития их нравственного и правового сознания.

Структура и уровень правового сознания нарушителей трудовой дисциплины в ситуациях, выявляющих их установки по отношению к нормам, регулирующим дисциплину труда, борьбу с мелкими хищениями собственности на производстве, с бесхозяйственностью, оказалась почти одинаковой. Об этом свидетельствует тот факт, что в соотношениях распределений как между различными типами установок в пределах каждой из первых трех предложенных ситуаций, равно как и в соотношениях распределений между однопорядковыми типами установок во всех трех ситуациях различия весьма незначительны.

Объяснить это явление можно, видимо, тем, что нормы, регулирующие дисциплину труда, бережливое отношение к оборудованию и охрана собственности правовым сознанием работников, осуществляющих свою деятельность в сфере материального производства, воспринимаются как однопорядковые социальные ценности. Это обстоятельство обуславливает необходимость более глубокого проникновения в содержание отношений дисциплины труда. В социологическом аспекте эти отношения, видимо, целесообразно рассматривать в неразрывном единстве с отношением к собственности.

Обращает на себя внимание и другое: в структуре социально-правовых установок нарушителей трудовой дисциплины и общественного порядка преобладают два типа: неустойчивый и пограничный. Этим обстоятельством в зна-

чительной мере объясняется то положение, что на тех участках производства, где наличествуют неблагоприятные условия для осуществления трудовой деятельности членов коллектива, или в тех его подразделениях, где ослаблен социальный контроль за поведением нарушителей трудовой дисциплины, случаи нарушения трудового распорядка наиболее часты. Индивид с неустойчивым типом правового сознания чаще других не в состоянии противостоять давлению возможных негативных факторов производственной сферы, а люди, обладающие пограничным типом правового сознания, склоняются к нарушению дисциплинарных предписаний в тех случаях, когда они обретают уверенность в безнаказанности.

Дисциплина труда в современных условиях — это не только неуклонное выполнение (подчинение) правил поведения, установленных трудовым распорядком, но и высокосоциальное активное отношение ко всем другим параметрам трудовой деятельности в коллективе. Мы не имеем возможности здесь с этих позиций представить подробную характеристику правовому сознанию нарушителей трудовой дисциплины, отметим лишь, что нами, как и другими исследователями, изучавшими трудовую дисциплину в производственных коллективах, зафиксирована общественная пассивность сознания нарушителей трудовой дисциплины.

При разработке мероприятий по укреплению трудовой дисциплины существенное значение приобретает информация не только о характере совершаемых нарушений или о количественном их выражении, но и о самих нарушителях: социальная характеристика работников, допускающих отступления от требований трудового распорядка, позволяет, как правило, судить о причинах совершения нарушения трудовой дисциплины и общественного порядка.

Исследованием социально-демографической структуры работников, нарушающих трудовую дисциплину, установлено, что в общем массиве нарушителей наибольший удельный вес занимают те из них, которые не достигли тридцатилетнего возраста (больше половины) и которые

сравнительно недавно были приняты на работу в тот или иной коллектив.

В категории нарушителей трудовой дисциплины, проработавших на предприятии до 3-х лет, молодые рабочие в возрасте до 30 лет составили примерно 71,3—82%, что достаточно убедительно свидетельствует о наличии связи между состоянием трудовой дисциплины и адаптацией молодых рабочих в коллективах.

Рабочие более старшего возраста значительно чаще нарушают дисциплину труда после первого года пребывания в трудовом коллективе. Одну из причин этого явления некоторые авторы видят в той обстановке, которую застает в коллективе новый рабочий. Лица, приступающие к работе на новом месте, в большинстве своем психологически настроены на соблюдение правил и требований трудового распорядка. Однако такие психологические установки не всегда закрепляются, поскольку в некоторых коллективах недостаточно развита атмосфера нетерпимости, осуждения конкретных нарушителей трудовой дисциплины. В итоге определенная сдержанность в поведении, чувство ответственности перед коллективом за отклонение от норм, регулирующих дисциплину труда, через некоторое время уступает место чувству уверенности в том, что можно избежать ответственности за подобные поступки.

С этими аргументами нельзя не согласиться, если учесть, что отмеченная выше зависимость между количеством нарушений трудовой дисциплины и стажем работы на предприятии касается не только молодых рабочих. Она в достаточной степени явно прослеживается и в других возрастных группах. Стаж работы на данном предприятии выступает как бы «сквозным» в системе иных показателей, с которыми связан уровень дисциплины. Наибольшая интенсивность нарушений наблюдается среди лиц со стажем работы на заводе от трех до пяти лет, затем она снижается.

Вызывает озабоченность и то обстоятельство, что среди рабочих, допускающих нарушение трудовой дисциплины и общественного порядка, значительное число занятых на работах с высокосодержательным трудом, связанных с передовой технологией производства.

И наконец, еще одна из наиболее значимых (по мнению опрашиваемых) причин, обуславливающих нарушения трудовой дисциплины: недостатки в организации социального контроля за поведением лиц, допускающих отклонения от норм, регулирующих трудовую дисциплину.

Роль социального контроля на предприятиях в области трудовой дисциплины сводится прежде всего к выявлению фактического состояния дисциплины труда, сравнению фактического состояния с необходимым, к проверке правильности применения средств и методов, с помощью которых обеспечивается надлежащее соблюдение требований трудового распорядка членами коллектива. Кроме того, социальный контроль осуществляет функцию обратной связи посредством передачи в органы управления коллектива необходимой информации о состоянии дисциплины в коллективе, на основании которой осуществляется ее регулирование. Социальный контроль выступает эффективным средством воздействия на поведение работников в том случае, если оно отклоняется от требований коллектива. Будучи контролем «саших индивидов», он ставит действия и поступки человека в определенные рамки, не позволяющие нарушать ему общепринятые нормативные (нравственные и правовые) предписания или, по крайней мере, затрудняющие их нарушение.

Механизм контроля включает в себя систему средств, направленных на усвоение членами коллектива ценностей, образцов и стандартов поведения в сфере трудовых отношений. Система общественного контроля содержит в себе социальные санкции, представляющие собой реакцию на тот или иной вид поведения, исходящую непосредственно от членов коллектива или же от институционализированных органов управления деятельностью коллектива.

Эффективность социального контроля обуславливается многими обстоятельствами, среди которых существенное значение приобретают характер, содержание и направленность санкций, применяемых в отношении лиц, допускающих в своем поведении отклонение от установленных нормативных предписаний.

Предпочтительность того или иного вида санкций обуславливается во многом соответствующим стилем руководства деятельностью трудового коллектива, с одной стороны, и, с другой — эффективностью воздействия их на сознание и поведение лиц, нарушающих дисциплину и общественный порядок в коллективе. Последняя (эффективность воздействия санкций) определяется авторами специальных исследований либо исходя из наличия факторов повторности совершаемых нарушений, либо из экспертных оценок эффективности самих санкций, даваемых различными категориями респондентов. Право на применение в эмпирической социологии получили оба метода измерения эффективности применяемых санкций, но поскольку заводская статистика, как правило, не содержит в себе данных о рецидивных нарушениях трудовой дисциплины, то чаще всего авторы обращаются ко второму направлению в измерении эффективности используемых средств и методов воздействия на сознание и поведение лиц, допускающих то или иное отклонение в своем поведении.

Мы также обратились к мнению респондентов. По мнению опрошиваемых всех контингентов — рабочих, инженерно-технических работников и самих нарушителей дисциплины — наиболее эффективными санкциями являются лишение премиальных вознаграждений (всех видов) и различных денежных надбавок, меры общественного воздействия и затем уже — дисциплинарные взыскания.

Другими словами, структура санкций, применяемых в отношении нарушителей трудовой дисциплины в обследованных производственных коллективах, совпала с соответствующим ранжированием этих санкций по степени эффективности их воздействия на нарушителей.

В качестве ответа на закрытый вопрос анкеты: «В какой степени меры воздействия, применяемые к прогульщикам, влияют на их исправление?» — предлагался перечень мер, предусмотренных не только трудовым законодательством, но также и дополнительных мер, разработанных на предприятиях. Варианты ответов укладывались в пятизначную упорядоченную номинальную шкалу, числовое значение каждого признака задавалось произвольно с

интервалом в один балл. Сравнивались абсолютные значения обобщенного показателя — среднего балла. Ответы руководителей цехов и рабочих в этом массиве опрошенных обнаружили единодушие в оценках.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что в зоне выше средней степени влияния оказались меры материального воздействия (лишение премии за текущий месяц и по итогам работы коллектива за год); из способов дисциплинарного воздействия вошла крайняя мера — увольнение с работы.

Менее значимой оказалась такая мера общественного воздействия, как обсуждение нарушителей трудовой дисциплины на рабочих собраниях: по оценке опрошиваемых, она расположилась в зоне ниже средней степени влияния.

Мнения по поводу такой меры воздействия, как перевод на нижеоплачиваемую работу, разделились: по результатам опроса наемных работников она располагается в зоне средней степени влияния; руководители же цехов признают ее менее эффективной.

Эмпирически установлено, что дисциплинарная практика развивается именно в указанном выше направлении, и у нас нет оснований к утверждению о наличии каких-либо диспропорций в применении санкций в сфере отношений дисциплины труда. И тем не менее мы вынуждены констатировать, что предпринимаемые меры по укреплению трудовой дисциплины не являются в достаточной степени эффективными.

Нельзя рассчитывать на эффективность мер по укреплению трудовой дисциплины, если в коллективе, например в силу неответственного отношения к вопросам организации труда, злоупотребляют применением сверхурочных работ. Не является секретом, что нарушители трудовой дисциплины в ряде случаев рассматриваются как «резерв» для работы в сверхурочное время (в виде «отработорок»), что позволяет им в определенной мере восстановить образовавшиеся в результате прогула потери в заработной плате.

Совершенно правы те авторы, которые полагают, что, расходуя значительные средства на оплату сверхурочных

работ, руководители производственных коллективов стимулируют тем самым не добросовестное отношение к труду со стороны рабочих, а штурмовщину, которая сама по себе есть не что иное, как нарушение дисциплины труда.

Кроме того, необходимость привлечения людей к сверхурочным работам вынуждает администрацию изыскивать дополнительные средства для материального стимулирования, так как работа, выполненная в сверхурочные часы, оплачивается в повышенных размерах. Оплата сверхурочных работ неизбежно сокращает размеры премиального фонда и, следовательно, ущемляет интересы передовых рабочих, чей труд действительно заслуживает поощрения, в том числе и в виде дополнительных материальных благ.

В осуществлении социального контроля за поведением лиц, нарушающих требования норм, регулирующих трудовую дисциплину, порядок на производстве, решающее значение приобретает собственная деятельность руководителей всех рангов и уровней, их личное отношение к выполнению требований производственной и государственной дисциплины в возглавляемых коллективах.

Личный пример в отношении к нормативным предписаниям, обязанностям, исполнительская дисциплина — существенный фактор в формировании добросовестного отношения каждого члена коллектива к его трудовым и общественным обязанностям, высокого уровня нравственного и правового сознания в коллективе; личное поведение руководителя в сфере отношений трудовой и государственной дисциплины обуславливает в решающей степени эффективность его деятельности по организации и осуществлению социального контроля в коллективе.

Исходя из этого методологического требования, мы попытались в ходе настоящего исследования выявить некоторые аспекты этой весьма важной, на наш взгляд, проблемы.

Известно, что дисциплина труда содержит в себе определенный комплекс требований, относящийся как к собственно организационным, так и к технико-технологическим аспектам трудовой деятельности людей. Многие исследователи в связи с этим различают собственно трудо-

вую дисциплину, под которой понимается прежде всего соблюдение трудового распорядка, установленного в том или ином коллективе, и технологическую дисциплину, представляющую собой систему как технических, так и нормативно-правовых требований, обеспечивающих в своей совокупности безопасные методы труда и выполнение плана по изготовлению продукции надлежащего качества. Эти требования в одинаковой мере регулируют поведение как непосредственных исполнителей работ, так и руководителей, осуществляющих технический надзор за их деятельностью.

Исследование состояния технологической дисциплины и качества выпускаемой продукции не было предметом специального наблюдения на обследуемых объектах: данного вопроса мы касались лишь в той мере, в какой он имеет непосредственное отношение к правовому сознанию опрошиваемых. Тем не менее эмпирическим путем (посредством опроса) нами было установлено, что среди обследуемых рабочих имеют место довольно частые случаи отступления от требований технологической дисциплины.

Была установлена и прямая зависимость между работой в сверхурочное время и нарушениями технологической дисциплины, между потерями рабочего времени из-за недостатков в организации труда и нарушениями требований технологии. Так, среди тех, кто теряет в смену до 30 мин рабочего времени, число респондентов, допускающих нарушения технологической дисциплины, составило 8,8%, а среди тех, кто теряет до одного и более часа, нарушения зафиксированы соответственно у 22,9 и 33,6% из этой категории опрошенных.

Стаж работы на данном предприятии не оказывает заметного влияния на динамику нарушений технологического процесса, зато значительное расслоение нарушающих технологическую дисциплину можно обнаружить при обращении к такому признаку, как характер оплаты труда опрошиваемых: из общего числа нарушающих технологические требования подавляющее большинство тех, кто получает сдельную заработную плату. При этом обнаруживается, что в своем стремлении к более высокому заработку респон-

денты со сдельной оплатой труда не всегда считаются с требованиями технологии, особенно в тех случаях, когда имеет место потеря рабочего времени из-за недостатков в организации труда или сверхурочные работы.

Ситуацию, сложившуюся в этой сфере отношений, нельзя, видимо, объяснять только недопониманием, недооценкой рабочими необходимости строгого соблюдения технологических требований, отсутствием у них ответственного отношения к решению задач, связанных с повышением качества изготавливаемой продукции. Многие здесь обусловливается объективными для них обстоятельствами и в определенной степени той позицией, которую порой занимает инженерно-технический персонал, организующий их трудовую деятельность.

В этих условиях организация и осуществление в коллективах эффективного контроля за соблюдением предписаний технологической, трудовой и государственной дисциплины порой встречаются с определенными трудностями: настоятельно нуждается в совершенствовании исполнительская дисциплина среди самих инженерно-технических работников, осуществляющих организационный и технический надзор за производственным процессом в коллективе.

И, наконец, еще одно обстоятельство следует иметь в виду, когда мы ведем речь об организации социального контроля в коллективе: эффективность принимаемых мер по укреплению дисциплины труда может быть обеспечена лишь в том случае, если контроль со стороны институциональных органов дополняется требовательностью, неприемлемым отношением самих работников к фактам нарушения трудовой дисциплины и общественного порядка. Сплоченность и товарищеская помощь, взаимовыручка и взаимная требовательность — важнейшие характеристики трудового коллектива, существенным образом влияющие на формирование добросовестного отношения к труду, на соблюдение каждым членом коллектива требований трудовой и государственной дисциплины.

В исследованиях, посвященных данной проблеме, указывается на наличие непосредственной связи между со-

стоянием психологического климата и уровнем трудовой дисциплины в коллективе.

В процессе реализации настоящей исследовательской программы при сравнительном изучении данного вопроса в коллективах с различным уровнем сплоченности, взаимной требовательности, нетерпимости к нарушениям данное предположение также нашло свое подтверждение.

Однако в целом мы вынуждены констатировать, что в некоторых коллективах еще имеет место индифферентное отношение к нарушениям дисциплины. Анализ эмпирических данных по проблемам дисциплины труда, полученных в ходе настоящего исследования, свидетельствует о том, что ситуацию, сложившуюся в этой сфере общественных отношений, возможно преодолеть лишь с помощью решительных мер.

Необходимо также создать такие условия — экономические и организационные, которые бы стимулировали качественный и высокопроизводительный труд, инициативу и предприимчивость всех участников общественного производства, начиная с рядового работника и кончая руководителем самого высокого ранга.

Речь идет о серьезном отношении ко всем аспектам производственной дисциплины, в том числе и технологической, снабженческой и так далее. Решение содержательных вопросов укрепления дисциплины труда в производственных коллективах выходит, таким образом, за пределы компетенции самих коллективов. Здесь необходимо коренное улучшение функционирования хозяйственного механизма на всех уровнях его функционирования.

Таким образом, решение вопросов, связанных с совершенствованием и укреплением трудовой дисциплины, требует не только наведения порядка в производственных коллективах, но и обуславливает необходимость решения ряда проблем на более высоком уровне. Необходимы, в частности, гибкость и целесообразность в маневрировании материальными и финансовыми ресурсами, четкое материально-техническое обеспечение, совершенствование системы стимулирования индивидуального и коллективного труда и т.д.

3.3. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

Отношения, возникающие по поводу управления в трудовом коллективе, представляют собой своеобразный синтез того, что проявляется как в объективных общественных отношениях, так и в личных связях и контактах взаимодействующих между собой членов трудового коллектива. Отношения эти так или иначе связаны с сознательными и волевыми действиями членов коллектива. Управление в связи с этим в качестве объективной основы предполагает в своем содержании присутствие нормативного начала.

Эту особенность управления подметил еще Гегель, когда он писал: «... деятельность, состоящая в осуществлении законов, есть управление вообще. Управление есть прежде всего формальное выполнение законов и их поддержание»¹. И хотя в данном случае мы имеем дело с явным преувеличением значения права, тем не менее здесь правильно подмечены особенности управленческой деятельности.

Из всех видов человеческой деятельности управление выкристаллизовалось в особый, специфический ее вид и приняло с самого начала ярко выраженный институционализированный характер.

Никогда не выступая «в чистой форме» как собственно управление, оно проявляется и эмпирически обнаруживает себя постоянно в системе норм, реализуемых в процессе управления в облакаемых в форму решений и постановлений, приказов, распоряжений и всевозможных директив и указаний. Без этих управленческих акций управление как деятельность состояться не может: в нем фиксируются ближайшие и конечные цели трудового коллектива. Деятельность, необходимая для достижения постав-

ленных целей, расчленяется на строго определенные стадии и операции, что, в свою очередь, предполагает формальное определение задач, прав и обязанностей не только каждого из подразделений трудового коллектива, но и каждого работника в отдельности, предписывая ему соответствующую направленность в его деятельности, определяя ту или иную меру ответственности за реализацию стоящих перед коллективом задач. Социальные и прежде всего правовые нормы, содержащиеся в актах управления, выступают как фактор, интегрирующий усилия членов трудового коллектива, обеспечивающий целенаправленное воздействие на сознание и поведение каждого из них и тем самым повышающий степень управляемости всем трудовым коллективом, его подразделениями.

Наличествуя в любом управленческом акте, в подавляющем большинстве его стадий, право, его нормы, ориентируют, стабилизируют весь механизм управления, служат в управленческом процессе своеобразной соединительной нитью, поскольку они (нормы) направлены на регулирование поведения людей во всех управленческих проявлениях. Управленческие акции в трудовом коллективе могут быть и адресованы конкретным индивидам, но они, как правило, преследуют цель воздействия на групповое сознание и коллективную деятельность, причем как раз правовые нормы обеспечивают содержательность и эффективность такого воздействия и помогают добиться необходимой цельности, единства и координации всех звеньев механизма управления, комплексного учета и использования всех закономерностей управления.

При этом каковы бы ни применялись методы управления (автократические, демократические и т.д.) и какую бы форму ни принимали возникающие при этом отношения *между* управляющими и управляемыми (координации или субординации), управление всегда и при всех условиях выступает как директива, как осуществление воли управляющего, которая всецело предопределяет поведение участников возникающих в коллективе отношений по управлению.

Это обстоятельство имеет существенное значение для понимания воздействия управленческой деятельности на

¹ Гегель. Соч. — М., 1965. — Т. VIII. — С. 414.

процесс формирования правового сознания в трудовом коллективе.

Воздействуя своей волей на субъективную сторону поведения и на всю деятельность участников управленческих отношений, управляющая структура преследует цель обеспечить соответствие управляющей деятельности интересам коллектива. Преследуемая при этом цель формализуется и закрепляется в соответствующих правовых актах, обращенных к сознанию и воле участников управленческих отношений и ориентирующих их на определенные социально значимые ценности и образцы должного поведения.

Во многом спонтанно протекающий процесс формирования правового сознания в коллективе подвергается, таким образом, управленческому воздействию, которое создает ситуации совпадения мнений, оценок выбора вариантов тех или иных поступков в связи с объектами совместной деятельности членов коллектива.

Управленческие отношения составляют социальную основу трудового коллектива, и овладение этими отношениями — одно из условий перехода к целенаправленному регулированию процесса формирования правового сознания в трудовом коллективе.

Управление трудовым коллективом многоплановое, оно охватывает самые различные стороны его жизнедеятельности, но наиболее эффективными с точки зрения воздействия на процесс формирования правового сознания в трудовом коллективе является, на наш взгляд, привлечение трудящихся к управлению делами трудового коллектива.

Привлечение к управлению делами коллектива, его производственной и социальной деятельностью вытекает из закономерностей функционирования и развития отношений, функционирующих в обществе. Та или иная форма собственности на средства производства и условия труда, лежащая в основе этих отношений, ставит каждого из тружеников — владельцев этой собственности — в положение объективной необходимости участия в распорядительной и управленческой деятельности.

В современных условиях значительная часть управленческих функций опосредуется деятельностью определенных социально-политических и правовых структур. Но сама

логика развития производства и общественных отношений такова, что уже в современных условиях все настоятельнее дает о себе знать тенденция о необходимости непосредственного осуществления самими работниками управленческих функций.

Непосредственное включение работника в управленческую деятельность влечет за собой изменения его положения в системе связей и отношений коллектива, выражающегося в том, что, не меняя своего социального статуса, продолжая заниматься производительным трудом в сфере общественного производства, работник из положения управляемого переходит на позиции управляющего, олицетворяя собой активную сторону управленческих отношений и становится движущим началом этих отношений. Новое положение ставит его в состояние необходимости не только восприятия и усвоения тех или иных норм и требований, идущих от коллектива и общества в целом, как это обуславливалось его прежним статусом управляемого, но и необходимости их активной реализации.

Нормативные предписания, относящиеся к различным аспектам деятельности трудового коллектива, воспринимаются им не как формальные, внешние по отношению к нему требования, которым он в силу обстоятельств должен был подчиняться, а как внутренне необходимые ценности, формирующие у него качественно иные эмоциональные и волевые побуждения к действию.

Возрастание диапазона факторов, порождаемых интеграционными процессами производственной и внепроизводственной деятельности, обуславливает расширение ролевой структуры личности работника, участвующего в управлении, а это, в свою очередь, фиксируется его правовым сознанием и находит свое выражение в обогащении его сознания новыми установками и ценностными ориентациями: формируется при этом такой тип работника, для которого мало быть просто трудолюбивым и дисциплинированным, от него требуется еще активный, живой интерес и забота об общем деле, стремление к тому, чтобы это дело шло все лучше и в бригаде, и в цехе, и на предприятии в целом.

Участие в управлении делами коллектива (как процесс) вызывает постепенные изменения в личностной структуре

работника, способствует появлению в его сознании особых качественных образований, которые утвердились в литературе как «чувство хозяина». Последнее выступает как предпосылка осознания значимости и необходимости более добросовестного отношения к различным видам собственности (частной, общественной, государственной), что находит свое проявление в плодотворном участии в создании и преумножении достояния, бережливом отношении к нему, в активном стремлении к непрерывному улучшению качества создаваемой продукции, в непримиримой позиции по отношению к нарушителям трудовой и государственной дисциплины, фактам разбазаривания и расхищения имущества и т.д.

Участие индивида в управлении производством, основанном на различных формах собственности, выражается, с одной стороны, в его самоорганизации, т.е. в действительном и активном включении его в структуру коллективной трудовой деятельности, и, с другой — в участии его в процессе принятия решений на всех уровнях организации его труда. В аспектах нравственного и правового сознания эти стороны управленческой деятельности взаимосвязаны: степень участия индивида в решении вопросов, связанных с организацией труда, обусловлена уровнем его включенности в систему коллективного труда.

Задача состоит здесь в том, чтобы преодолеть возможную дисфункциональность, возникающую в процессе принятия решения. Последняя обрекает участников трудового процесса на пассивность, в их сознании формируются стереотипы, препятствующие восприятию этих решений как направленных на реализацию собственных интересов.

Значение решений в формировании правового сознания в значительной степени возрастает, если эти решения облачаются в правовые формы, адекватные их содержанию. Как бы экономически ни были обоснованы те или иные решения, эффективность их реализации состоит в прямой зависимости от форм, в которые они облачаются и которые в значительной степени обуславливают процедуры и механизм реализации этих решений. Нормативные предписания, содержащиеся в решениях, в данном случае являются не только формой закрепления экономического содержа-

ния принятого решения, но и способы организации и направления усилия людей на реализацию заложенной в этом содержании экономической необходимости. Эта необходимость может стать доступной пониманию и осознанию участников трудового процесса лишь в том случае, если они будут принимать непосредственное участие во всех стадиях процесса подготовки и реализации решений.

Однако при этом следует помнить, что участие работников в управлении делами коллектива — процесс, который, с одной стороны, способствует формированию правового сознания участвующих в управлении, а с другой — всецело обусловлен наличным уровнем их сознания.

Общественно-политическая деятельность, как и всякая другая, предопределяется стимулирующими или, наоборот, тормозящими ее развитие объективными и субъективными факторами. Как и в других видах деятельности, здесь можно наблюдать различный уровень взаимодействия этих факторов, но ни в каком другом виде деятельности субъективные факторы, мотивы и цели не приобретают столь значимый вес, как в общественно-политической деятельности. В этом смысле общественно-политическая деятельность, если она имеет место и если она осуществляется, скажем, в форме участия в управлении делами коллектива, отличается от любых видов и форм трудовой деятельности, где в явном или неявном виде, но все же наличествуют элементы внешней принудительности.

Поэтому прежде, чем перейти к описанию связей и факторов, определяющих участие наемных работников в управлении делами коллектива, в котором они осуществляют свою трудовую и общественно-политическую деятельность, нам представлялось целесообразным выявить их общие ориентации на общественно-политическую деятельность, определить значимые оценки этой деятельности, ее ценностные характеристики, мотивы и цели, поскольку содержание, направленность и уровень развития общественно-политической, социальной активности в целом определяется не только самим фактом участия индивида в управлении, но и теми мотивами (или целями), которыми он при этом руководствуется.

В этих условиях оказалось вполне естественным наше стремление определить ценностные ориентации опрашиваемых по отношению к общественной работе в коллективе, выявить мотивационную структуру общественно-политической деятельности.

Опрашиваемым был предложен соответствующий набор суждений, каждое из которых отражало определенный мотив, которым могут руководствоваться люди, включаясь в общественно-политическую деятельность, в выполнение тех или иных общественных поручений. При этом резюмировалось, что каждый из респондентов будет фиксировать свое внимание на тех суждениях (альтернативах), которые наиболее адекватным образом отражают его отношение к выполнению общественной работы в коллективе, мотивы, по которым люди, по его мнению, могут выполнить эту работу.

Обработка полученной информации, группировка распределений ответов на поставленные в анкете вопросы выявили следующие особенности ценностных ориентаций работников относительно общественно-политической деятельности (мотивационную структуру общественно-политической деятельности):

1) для всего массива работников наиболее значимыми оказались те суждения, которые отражают в высшей степени гражданские качества личности рабочего, включающегося в осуществление той или иной общественно-политической деятельности (общественной работы). Чаще других в качестве ответа на вопрос о мотивах участия людей в общественной работе они фиксировали суждения типа: «Люди нетерпимы к недостаткам, несправедливости. Общественная работа помогает бороться с ними» и «люди видят в этом свой долг»;

2) следующими по значимости для опрашиваемых оказались суждения, по которым можно сделать вывод, что общественная работа выступает для них некоей инструментальной ценностью, средством для достижения целей и задач, хотя и обусловленных в определенной степени выполнением общественной работы, но лежащих за ее пределами.

В этих случаях ими в качестве ответов фиксировались альтернативы (суждения) типа: «Общественная работа способствует общему развитию, накоплению опыта, знания жизни», «в основном людьми движет стремление завоевать авторитет» и т.д.;

3) на третьем месте по частоте фиксируемых ответов оказались суждения, свидетельствующие о том, что выполняемая общественная работа (различного рода общественные поручения) обусловлена прежде всего, определенными личностными свойствами и качествами, стремлением людей к наиболее адекватной адаптации в коллективе. Свидетельством этому, по их мнению, служит альтернатива: «Общественную работу выполняют люди, беспокойные по характеру, они всегда стремятся быть среди товарищей, в коллективе»;

4) и, наконец, последними в иерархии выбираемых ответов оказались суждения типа: «Люди дисциплинированы, им поручили — они и выполняют поручения». Логический смысл и содержание данного суждения-ответа свидетельствует о том, что выполнение общественной работы в ряде случаев обуславливается не собственной инициативой, а определенными внешними факторами, внешней принудительностью.

Дальнейший анализ информации по данному вопросу продемонстрировал отсутствие каких-либо различий в структуре мотивов осуществления общественно-политической деятельности у рабочих, принадлежащих к различным социально-профессиональным группам. И в то же время мотивационная структура выполнения общественной работы у рабочих, обладающих различными типами правового сознания, существенным образом отличается.

Так, опрашиваемые с активно-позитивным типом правового сознания, в отличие от других групп, в иерархии мотивов на первое место в общественной работе ставят гражданские мотивы, в то время как все другие группы опрошенных полагают, что при осуществлении общественной работы в коллективе лица, занимающиеся этой работой, преследуют прежде всего другие цели, рассматривая общественную работу всего лишь как средство для их реа-

лизации. Гражданские мотивы в выполнении общественной работы у рабочих, например, обладающих традиционно-позитивным и неустойчивым типами правового сознания, заняли третье, а у лиц с пограничным типом правового сознания — лишь четвертое место.

Таким образом, мы видим, что при переходе от более низкого уровня правового сознания к более высокому социальная ценность и социальная значимость мотивов общественно-политической деятельности, их качественное содержание, если можно так выразиться, возрастает, а сама общественно-политическая деятельность для обладающих высоким уровнем правового сознания приобретает статус высшей ценности, аналогично, как и мотивы ее осуществления.

Справедливо также и обратное утверждение: при переходе к более низкому уровню правового сознания направленность мотивов общественно-политической деятельности изменяется, как правило, в сторону понижения их социальных качеств; опрашиваемые при этом в большей мере выбирают суждения типа: «Люди дисциплинированы, им поручили — они и выполняют поручения».

При этом надо отметить, что опрашиваемые довольно четко представляют и осознают различие между понятием долга и дисциплинированностью. Сама по себе дисциплинированность в выполнении общественной работой — явление позитивное, но как мотив ее выполнения оно — свидетельство внешнего, а не внутреннего побуждения к общественно-политической деятельности.

Информация об отношении различных групп рабочих к общественно-политической деятельности, о структуре мотивов включения их в общественную работу представляет собой определенную ценность не только с точки зрения определения уровня развития правового сознания различных групп промышленных рабочих; данная информация имеет существенное значение и для решения различного рода задач, связанных с развитием общественной активности в трудовом коллективе.

Познавательное и прикладное значение данной информации возрастает, если мы будем располагать данными об установках промышленных рабочих относительно возмож-

ного участия их в управлении делами трудового коллектива, рассматриваемого в данном случае как одна из существенных форм проявления их общественно-политической активности.

Для решения данной задачи в исследовании применялась специальная процедура, имеющая своей целью, с одной стороны, выявить общие ориентации опрашиваемых в вопросах, связанных с привлечением промышленных рабочих к управлению делами трудового коллектива, и, с другой — выявить личностную установку каждого из них по данному вопросу, определить меру их стремления к участию в управлении делами коллектива.

Общие ориентации опрашиваемых выяснялись с помощью вопроса: «В какой степени, по Вашему мнению, рабочие должны участвовать в управлении делами коллектива?», личностные установки с помощью вопроса: «А лично Вы в какой степени желаете участвовать в управлении делами коллектива?».

Оба вопроса были снабжены совершенно идентичным набором альтернативных суждений.

Сопоставление ответов на поставленные вопросы свидетельствует прежде всего о том, что опрашиваемые в достаточной степени понимают и осознают необходимость привлечения рабочих к участию в решении основных вопросов, связанных с производственной деятельностью того коллектива, где они работают. С достаточной определенностью за эту форму участия в управлении делами коллектива высказались 62,3% респондентов от общего массива опрошенных. И вместе с тем только меньше половины из них (46,8%) в дальнейшем подтвердили свое намерение на этих началах (т.е. принимать участие в решении основных вопросов) принимать участие в управлении делами коллектива: от общего числа опрошенных этот контингент составил всего лишь 36,8%.

С другой стороны, мы наблюдаем резкое увеличение (почти в 1,5 раза) числа тех, кто стремится к участию в обсуждении вопросов, которые имеют лишь непосредственное отношение к их собственной деятельности (34,5% и 20,1%): при выявлении личностных установок почти в два раза (12,8%

и 6,9%) возросло число тех, кто принял бы участие в решении вопросов производства при условии, что администрация обратится к ним с соответствующей просьбой.

Таким образом, респонденты в большей мере стремятся к участию в принятии решений по весьма ограниченному кругу вопросов (касающихся их работы или по тем вопросам, по которым к ним обращается администрация), но в меньшей степени они изъявляют желание участвовать в решении вопросов, касающихся всего коллектива.

За счет именно этих обстоятельств образуются своеобразные «ножницы» между общественно одобряемыми, декларативными ценностями, складывающимися в сфере управленческой деятельности, и отношением к ним со стороны весьма значительного числа обследуемых рабочих.

Сложившееся здесь положение может быть интерпретировано не только как недостаточный уровень правового сознания у этой части респондентов, стремящихся уклониться от выполнения своего гражданского долга в данной сфере общественных отношений. Эти факты, безусловно, имеют место, однако существенное значение имеют здесь и другие переменные. Более глубокое проникновение в сущность обсуждаемого вопроса дает нам основание предполагать, что рассогласование между пониманием рабочими своих задач в сфере управления делами коллективов и их подлинными установками на этот счет отражает прежде всего реальную ситуацию, складывающуюся в сфере управления производственными и социально-экономическими процессами на данном этапе общественного развития. Управление как социальный феномен в современных условиях развивается в весьма противоречивых формах.

В современных условиях происходит неуклонное возрастание производства, увеличивается роль и значение труда, имеющего непосредственно общественный характер, который, охватывая все новые и новые сферы человеческой деятельности, требует непосредственного осуществления управления со стороны самих трудящихся.

С другой стороны, в современных условиях имеет место усложнение функций управления, появление новых технических средств и методов решения управленческих задач, ведущих к возрастанию роли и значения професси-

онализма в управленческой деятельности. Это обстоятельство создает определенные трудности в решении проблемы непосредственного включения работников в управленческую деятельность. Но уже сейчас совершенно очевидно, что выход из создавшегося положения следует искать на путях дальнейшего развития и приспособления демократических институтов управления к новым условиям производственной деятельности.

В настоящее время становится все труднее осуществить тот или иной управленческий акт без учета коллективного опыта, с одной стороны, и, с другой — не опираясь на квалифицированное мнение специалиста. В этих случаях демократизация управления не противоречит, а, напротив, целиком соответствует задаче поднять управленческую деятельность на подлинно профессиональный уровень. Управление может быть в полной мере квалифицированным лишь тогда, когда массы овладеют наукой управления. Решение вопросов, связанных с привлечением рабочих к управлению делами коллектива в современных условиях, обусловлено как уровнем их сознательности, их гражданскими качествами, так и их культурно-технической и профессиональной подготовленностью.

Этот вывод в равной мере относится как к рабочим, принадлежащим к различным социально-профессиональным группам, так и к группам рабочих, обладающих различными типами правового сознания.

Почти среди всех групп рабочих, обладающих различным типом правового сознания, сравнительно небольшая доля тех, кто полагает, что рабочие не должны принимать участие в делах коллектива, и тех, кто лично не стремится к участию в управленческой деятельности в различных ее формах.

На участие в решении основных вопросов, возникающих в коллективе, наиболее всего ориентированы рабочие, обладающие активно-позитивным типом правового сознания (70,4%) и наименее всего — респонденты с пограничным типом сознания (27,5%). Однако во всех группах опрошенных, различающихся по уровню правового сознания, мы наблюдаем существенный разрыв между общей ориентацией, пониманием и осознанием необходи-

мости активного участия в управлении делами коллектива (в форме участия их в обсуждении и принятии решений по основным вопросам) и личным стремлением включиться в данную форму управления, хотя это расхождение у респондентов с различным уровнем правового сознания не одинаково. Наибольший коэффициент рассогласования между общей ориентацией и личностной установкой относительно участия в обсуждении основных вопросов деятельности трудового коллектива мы наблюдаем у работников с традиционно-позитивным типом правового сознания (3,5) и наименьшей — у рабочих с активно-позитивным типом (1,6).

Приводимые здесь данные об ориентациях и личностных установках рабочих по отношению их к управленческой деятельности существенным образом дополняют анализ ценностных характеристик, даваемых ими общественно-политической деятельности. Более того, исследованием зафиксирована связь между ориентацией рабочих на участие в различных формах принятия управленческих решений, с одной стороны, и мотивационной структурой общественной деятельности, с другой.

Эмпирическое обнаружение фактов включенности в тот или иной вид общественной работы, выявление установок и ориентации относительно этой работы может отражать и, как правило, отражает определенный уровень развития общественно-политической активности опрашиваемых. Вместе с тем констатация одного этого обстоятельства еще не может служить достаточным основанием для определения содержания и направленности в развитии общественно-политической активности обследуемых рабочих. Необходим в данном случае анализ и исследование еще дополнительных переменных (признаков), составляющих содержание общественно-политической активности.

В нашем исследовании в качестве таких переменных были определены:

1) участие опрашиваемых в обсуждении и принятии решений по вопросам, актуальным для деятельности трудового коллектива, где работают респонденты, и связан-

ным прежде всего с реализацией определенных нормативных требований;

2) включенность обследуемых рабочих в деятельность по преодолению еще имеющих место во многих коллективах недостатков в их деятельности, связанных с организацией трудового процесса, нарушениями трудовой и государственной дисциплины в коллективе.

Именно в этих аспектах управленческой деятельности складывается активная жизненная позиция трудящихся, формируется и реализуется их правовое сознание.

По данным нашего исследования, чаще всего рабочие привлекаются к участию в решении таких проблем, как подведение итогов трудовой деятельности (в обсуждении и принятии решений приняло 41,7% опрошенных), укрепление трудовой дисциплины в производственном коллективе (43,7%), повышение качества выпускаемой продукции (42,2%).

В группах рабочих, различавшихся по содержанию труда, число респондентов, привлекаемых к решению данных проблем, так же значительно, как и в общем массиве опрошенных. Исключение составили только рабочие, занятые тяжелым физическим трудом: число рабочих, принявших участие в обсуждении вопросов дисциплины труда, в подведении итогов трудовой деятельности, повышения качества продукции, колеблется здесь в пределах 35,5—37,2%, тогда как в других группах число принимавших участие в решении данных вопросов составило 42,7—49,2%.

Среди работников, обладающих различными типами правового сознания, особую активность при обсуждении данных вопросов проявили те, кто обладает активно-позитивным типом правового сознания: число респондентов из этой группы, принимавших участие в обсуждении и принятии решений по перечисленным выше проблемам, достигло 50,0—57,3%, а по вопросам, связанным с укреплением общественного порядка — 40,7%, тогда как рабочие других групп по типу правового сознания в значительно меньшем числе участвовали в обсуждении данных вопросов; их активность в данном случае оказалась более низкой, чем рабочих, различающихся между собой по содержанию труда.

Судя по полученной нами эмпирической информации, каждый второй или третий работник в течение года, предшествующего исследованию, участвовал в решении важнейших для жизнедеятельности трудового коллектива проблем, что в общем-то свидетельствует о достаточно высоком уровне их активности.

Вместе с тем анализ полученных распределений свидетельствует также и о том, что ряд весьма важных аспектов деятельности трудового коллектива, затрагивающих прежде всего интересы работающих в трудовом коллективе, а поэтому имеющих существенное значение для формирования их правового сознания, осуществляется на обследуемых объектах при недостаточном участии опрашиваемых в управлении этой сферой деятельности.

Вопросы планирования производства, составление производственной программы на всех уровнях ее реализации, а также распределение фондов материального поощрения на сегодняшний день — сложнейшие вопросы социального и экономического управления. Принятие адекватных решений в этой сфере управленческой деятельности, реализация этих решений в современных условиях немыслима без широкого привлечения промышленных рабочих, непосредственно реализующих производственную программу.

Участие рабочих в управлении делами коллектива именно на этих стадиях управленческой деятельности имеет определяющее значение для формирования у них заинтересованного и ответственного отношения к труду и хозяйскому распределению итогов трудовой деятельности. Администрация, профсоюзные и другие общественные организации в своей практической деятельности часто не учитывают этих обстоятельств.

Если недопустимо малую долю респондентов, участвующих в обсуждении вопросов, связанных с планированием производства, можно в какой-то степени объяснить недопониманием поставленных вопросов, то этим нельзя объяснить сравнительно небольшую долю принимавших участие в обсуждении вопросов распределения поощрительных фондов.

Этот факт — свидетельство не только недостаточно высокого уровня активности опрошенных: вопросы пла-

нирования производства и вопросы распределения поощрительных фондов составляют содержание повседневной работы трудовых коллективов.

Анализируя поведение промышленных рабочих с активно-позитивным типом правового сознания, мы убедились в том, что они демонстрируют в достаточной степени высокий уровень активности в различных сферах трудовой и общественно-политической деятельности. Но здесь мы столкнулись с тем, что их активность в обсуждении анализируемых проблем мало чем отличается от уровня активности, проявляемой при этом другими группами рабочих. Поэтому низкая доля респондентов, участвующих в обсуждении вопросов, связанных с планированием производства, распределением фондов материального поощрения, является следствием не только недостаточной активности, проявляемой респондентами; это обстоятельство может быть объяснено, по нашему мнению, тем фактом, что на обследованных объектах решения по данным вопросам в значительной степени принимаются без достаточно широкого привлечения опрошенных.

Аналогичная ситуация сложилась и по вопросу привлечения внимания рабочих к обсуждению проблем, связанных с организацией труда: по нашим данным, в обсуждении вопросов организации труда приняло лишь 21,2% из числа опрошенных.

Ранее при исследовании вопросов, связанных с трудовой активностью, нами было зафиксировано, что, по свидетельству самих рабочих, организация труда (наряду с санитарно-бытовыми условиями труда) в наибольшей степени, чем другие факторы производственного процесса, вызывает у них состояние неудовлетворенности.

При обсуждении проблем общественно-политической активности опрашиваемых мы вынуждены констатировать (исходя из имеющейся информации), что обсуждение вопросов, связанных с совершенствованием организации труда, также не вызывает особой активности у респондентов.

Сколько-нибудь удовлетворительная интерпретация данного, эмпирически установленного факта может быть представлена, по-видимому, двумя альтернативами:

1) либо значительная часть респондентов адаптировалась к неудовлетворительной организации труда в их коллективах, что влечет за собой конформистское отношение к решению данной проблемы;

2) либо в обследованных коллективах имеет место тенденция решать данные вопросы без привлечения к нему широкого внимания членов производственных коллективов.

Обсуждение жизненно важных для коллектива вопросов, принятие по ним соответствующих решений является одной из важнейших стадий управленческой деятельности. Привлечение к этой стадии управления возможно большего числа непосредственных участников производства способствует не только демократизации самого процесса управления, но и расширяет сферу воздействия его на сознание и поведение промышленных рабочих. Формирующееся при этом активное отношение к действительности проявляется в их борьбе с негативными явлениями и недостатками, имеющими место в деятельности трудовых коллективов, в поступках и поведении отдельных людей.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что рабочие к числу наиболее распространенных недостатков в организации труда отнесли прежде всего те из них, которые всецело обуславливаются деятельностью (и ответственностью за них) административно-технического персонала, факты же нарушения дисциплинарных предписаний и недобросовестного отношения к работе, по их мнению, встречаются в коллективе реже.

Инженерно-технические работники, наоборот, к числу наиболее существенных недостатков в организации трудового процесса отнесли не только объективные (для рабочих), но и субъективные факторы организации трудового процесса: опоздания на работу, необоснованные (по вине рабочего) потери рабочего времени, несерьезное отношение к выполнению производственного задания.

Имеются определенные расхождения и в оценке частоты проявления перечисленных выше аномалий в организации производства, однако в целом и рабочие, и инженерно-технический (линейный) персонал оказались еди-

нодушными в своих оценках состояния дел в коллективах, выбрав для характеристики этого состояния из целого ряда одну и ту же группу недостатков и нарушений, чаще всего встречающихся в коллективах.

Это обстоятельство свидетельствует об объективности и достоверности информации по данному вопросу, полученной нами независимыми методами в разное время и из различных источников.

Для обнаружения и исследования активности опрашиваемых в их борьбе с этими недостатками в анкету был включен вопрос: «Как Вы лично поступаете, если обнаруживаете недостатки в коллективе? Насколько часто Вы это делаете?»

В реальной действительности борьба с недостатками и нарушениями в коллективе может принимать различные формы. В связи с этим перечень ответов на поставленный вопрос содержал в себе суждения, которые характеризовали различные по своей социальной значимости и ценности формы реагирования на недостатки (поведение, проявляемое на вербальном уровне):

- 1) «выступаю на собрании»;
- 2) «ставлю вопрос перед руководителями коллектива»;
- 3) «указываю на них виновному лицу».

Предполагалось, что эти формы поведения опрашиваемого отражают в определенной степени качественную сторону его активности в борьбе с существующими недостатками. Количественная же сторона активности определялась с помощью суждений: «Часто»; «Иногда»; «Практически никогда».

Таким образом, описанная процедура давала нам возможность выявить соответствующую меру активности опрашиваемых в их деятельности по преодолению недостатков в коллективе.

Оказывается: рабочие (весь массив) в случае обнаружения каких-либо недостатков в работе коллектива или в случае совершения нарушения нормативных предписаний кем-либо из членов коллектива (о характере этих недостатков и нарушений шла речь выше) чаще всего реагируют на эти факты обращением к виновному лицу, указывая ему на допущенные им нарушения.

Число респондентов, реагирующих подобным образом с различной степенью частоты («часто», «иногда»), равно 64,8%.

Значительно меньше число рабочих ставит вопросы об обнаруженных недостатках и нарушениях перед руководством коллектива (42,7% и только 31,7% из числа опрошенных сочли необходимым выступить по данным вопросам публично (на рабочем собрании), хотя данная форма реагирования в социальном смысле является наиболее ценной.

Сводный индекс активности по каждой из форм поведения в случае обнаружения недостатков и нарушений колеблется в пределах 0,63—0,46. Суммарная характеристика меры активности (с учетом всех видов (форм) реагирования и частоты реагирования на недостатки и на нарушения) значительно ниже (0,34).

Общая направленность поведения в случае обнаружения недостатков в коллективе у работников с различным содержанием труда та же, что и у всего массива опрошенных, но в пределах каждой из групп имеются некоторые особенности.

Анализ поведения рабочих с различным уровнем правового сознания показал, что те из них, кто обладает активно-позитивным типом правового сознания, как и при исследовании других сторон (переменных) общественно-политической деятельности, по уровню активности в значительной степени отличаются от других групп рабочих: более высокую активность они проявляют и тогда, когда апеллируют к общественному мнению (выступают на собрании), и тогда, когда они по поводу обнаруженных недостатков обращаются непосредственно к руководителям коллектива или к нарушителю. Отличия между ними и всеми другими группами рабочих (обладающими другими типами правового сознания) в этом смысле более значительны, чем отличия между этими группами, хотя и здесь можно отметить, что группа респондентов, обладающих неустойчивым типом правового сознания, реагирует (во всех формах) на обнаруженные недостатки менее активно, чем респонденты с традиционно-позитивным типом; по уровню активности они более сходны с теми, кто обладает пограничным типом правового сознания.

Более четкая дифференциация между рабочими наблюдается при сопоставлении связей между личностными установками на участие в управлении делами коллектива и реальным участием их в обсуждении основных вопросов производственной деятельности трудовых коллективов.

Анализ образовавшихся здесь связей свидетельствует о наличии четкой тенденции: чем сильнее выражена установка на участие в решении вопросов, связанных с деятельностью трудового коллектива, тем активнее промышленные рабочие участвуют в обсуждении этих вопросов.

По мере ослабления установки на участие в управлении делами коллектива снижается и численность тех, кто реально принимает участие в обсуждении вопросов производственной деятельности коллективов.

Особый интерес вызывает опять-таки состояние обсуждения вопросов организации труда. Даже те рабочие, у которых сильно выражены установки на участие в управлении делами коллектива, недостаточно активно (по сравнению с обсуждением других вопросов) участвуют в обсуждении проблем организации их труда (25,3%). Среди работников, ориентирующихся на решение лишь тех вопросов, которые имеют непосредственное отношение к их работе и которые, казалось бы, были заинтересованы в улучшении организации их труда, численность принимающих участие в обсуждении этих вопросов по сравнению с предшествующей категорией опрошенных сокращается почти в два раза (13,9%). Активность рабочих в обсуждении данных проблем повышается лишь в тех случаях, когда администрация просит их высказать свое мнение по данному вопросу, персонально обращаясь к каждому из них (21,3%).

Таким образом, анализ связей между социально-правовыми установками рабочих на участие в управлении делами коллектива и реальным участием в обсуждении проблем, связанных с деятельностью коллектива, еще раз подтверждает ранее высказанное нами предположение о сложившейся ситуации в вопросах организации труда на обследуемых предприятиях.

Исследованием зафиксирована также довольно значимая связь между установками опрашиваемых на участие в

управлении делами коллектива и активностью, проявляемой опрашиваемыми в их борьбе с недостатками и нарушениями, имевшими место в производственных коллективах, и с участием их в общественной работе.

Опуская преднамеренно исследование информации, полученной по этому вопросу, мы вместе с тем полагаем целесообразным обратиться к анализу эмпирических связей между установками опрашиваемых на участие в управлении делами коллектива и удовлетворенностью их работой.

Если ранее, при исследовании факторов, обуславливающих формирование добросовестного отношения к труду, мы вынуждены были констатировать, что удовлетворенность опрашиваемых выполняемой работой не определяет в однозначном порядке их отношение к труду, то сейчас мы наблюдаем другую картину: удовлетворенность работой является той переменной, которая существенным образом влияет на формирование установок рабочих на участие их в общественно-политической деятельности.

Примерно такая же зависимость наблюдается между удовлетворенностью работой и активностью опрашиваемых, проявляемой ими в борьбе с недостатками в деятельности производственных коллективов.

Проанализировав различные аспекты управленческой деятельности в трудовом коллективе, мы убедились в том, что управление трудовым коллективом, если оно организовано достаточно квалифицированно и соответствует объективным закономерностям функционирования и развития коллектива и самого управления, содержит в себе огромные возможности для целенаправленного воздействия на осуществляющийся в коллективе процесс формирования правового сознания.

Процессы эти, представляется нам, могут протекать не только спонтанно, но и в достаточной степени организованно. Осуществляемые органами управления управленческие функции относятся к разряду официального и направленного воздействия на процессы формирования правового сознания в трудовых коллективах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Вопрос: Если бы я работал продавцом в магазине и заметил, что директор магазина пытается скрыть образовавшуюся недостачу денежных средств, то

Ответы-завершения предложения	% опрошенных
I. Поставил в известность органы, призванные пресекать хищения	61,3
• органы (без конкретного наименования)	13,3
• милицию	46,7
• вышестоящие организации	1,3
II. Сообщил бы в правоохранительные органы, предварительно поговорив с директором	4,0
• указав на нарушение, предупредил директора	2,7
• не сообщил бы о случившемся	1,3
III. Сообщил в судебные органы	2,7
IV. Указал директору магазина на его незаконные действия	2,7
V. Не предпринял никаких мер	
• сделал вид, что ничего не знаю	15,0
• ничего не стал бы делать из-за боязни увольнения с работы	3,3
VI. Уклончивый ответ	5,7
• посоветовался бы с коллективом	0,7
• узнал бы причину и действовал по обстоятельствам	1,3
• затрудняюсь ответить	3,7
VII. Оказал помощь директору магазина	2,0
• помог ликвидировать недостачу	0,7
• скрыл недостачу	1,3
VIII. Непонимание содержания и задачи теста («уволил бы директора», «не допустил к торговле»)	1,3
IX. Иные ответы	2,0

Таблица 2
(в % по отношению к опрошенным)

Анализ реагирования на нарушения законности с использованием теста незаконченных предложений (см. табл. 1)

№ п/п	Содержание ситуации	Обращение в компетентные организации	Личная реакция
1	Попытка директора магазина скрыть крупную растрату денежных средств	65,3	2,7
2	Оскорбление и неуважительное отношение к женщине	9,3	76,0
3	Приготовление к хищению ценностей из квартиры	16,7	76,0
4	Вынос с предприятия материальных ценностей	16,7	72,0
5	Систематическое избиение (истязание) соседом своей жены	30,7	47,3
6	Списание в отходы пригодных для производства материалов	59,3	—
7	Открывшаяся возможность (через родственника) повлиять на ход расследования с целью помочь избежать товарищу уголовной ответственности	—	50,7
8	Обвешивание покупателей	4,7	72,0
9	Приписка выполненных объемов работ в нарядах	59,3	10,8

Таблица 3

Преобразование шкал в ситуации, описывающие нарушение трудовой дисциплины

1. Как оценивает законодательство поступки, подобные поступку «П», нарушившего трудовую дисциплину?

Исходная шкала	Альтернативы	Значение в баллах
1	Как правовое нарушение, влекущее за собой наказание, не связанное с лишением свободы (выговор, увольнение, штраф и т.д.)	5
2	Как уголовное преступление, влекущее за собой наказание в виде лишения свободы	3
3	Ни уголовная, ни дисциплинарная (административная) ответственность за подобный поступок законом не предусмотрена	1
4	Какой-либо другой ответ	10
5	Затрудняюсь ответить	2

Исходная шкала	0	1	2	3	4	5
Действительная ось	10	5	3	1	10	2

2. А как Вы лично оцениваете поступок «П»?

Исходная шкала	0	1	2	3	4	5	6
Действительная ось	10	7	6	2	1	10	12

3. Как бы Вы сами поступили на месте «П»?

Исходная шкала	0	1	2	3	4	5	6
Действительная ось	10	7	5	3	1	10	2

4. Как бы Вы поступили, если бы узнали, что кто-либо из работающих с Вами собирается поступить так, как «П»?

Исходная шкала	0	1	2	3	4	5
Действительная ось	10	5	3	1	10	2

I. Активно-позитивный тип правового сознания (21%)

Таблица 4

Таксон 1 (Т 1)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Активно-позитивный	77,0	70,4	74,6	79,7	64,1	80,9	73,1	79,5	86,0	83,9
2	Традиционно-позитивный	4,6	8,8	6,3		7,3	5,8	5,8	6,0	3,9	4,6
3	Неустойчивый	3,6	5,6	5,6		2,9		3,6	1,4	2,4	1,4
4	Пограничный			2,4		1,9					
0	Не интерпрет.	18,2	16,8	10,9	20,2	25,6	11,7	15,3	11,9	7,5	9,7

Таблица 5

Т 1-1 (16,5%)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Активно-позитивный	74,5	69,9	62,7		10,1	46,3	67,2	66,3	82,7	78,7
2	Традиционно-позитивный	6,9	10,6	6,45	37,5	40,9	28,1	10,9	17,2	9,7	6,9
3	Неустойчивый	3,0	6,0	7,3	50,0	23,9	7,5	7,2	5,5	1,2	2,8
4	Пограничный		1,5	3,6			1,5	1,5			
0	Не интерпрет.	14,5	11,8	11,8	12,4	24,8	16,96	13,0	9,39	6,06	11,2

Таблица 6

Т 1-2 (9,5%)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Активно-позитивный	26,4	54,0	64,8	32,4	33,4	57,7	43,7	54,8	78,3	75,6
2	Традиционно-позитивный	3,8	12,4	8,1	12,9	2,7	30,3	26,5	23,0	11,3	12,9
3	Неустойчивый	18,9	12,4	10,8	35,9	8,7	1,1	7,1	10,1	1,1	2,16
4	Пограничный	45,4	2,2	4,9	7,6	12,4	2,2	4,3		1,1	
0	Не интерпрет.	4,86	18,3	11,3	10,8	43,2	8,6	18,3	11,9	8,9	9,2

II. Традиционно-позитивный тип правового сознания (13,4%)

Таблица 7

Таксон 2 (Т 2)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Активно-позитивный	13,0	5,9	7,0	2,2	11,1	12,6	8,2	5,2	12,2	
2	Традиционно-позитивный	73,6	78,0	77,6	71,7	80,6	84,3	76,2	82,5	85,1	100,0
3	Неустойчивый	5,2	8,9	7,8	17,4	2,6	0,4	7,0	7,5	1,5	
4	Пограничный	5,5	2,6	4,8	6,7	2,2	1,1	5,2	2,6		
0	Не интерпрет.	2,6	4,7	2,6	1,9	2,6	1,1	3,3	2,2	0,7	0,0

Таблица 8

Т 2-1 (12,2%)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Активно-позитивный	27,5	25,5	31,9	28,9	28,3	36,2	37,8	27,2	38,6	27,6
2	Традиционно-позитивный	43,2	49,6	45,6	54,1	46,5	49,7	41,9	48,9	48,9	40,1
3	Неустойчивый	15,2	13,1	10,1	11,2	6,99	6,2	13,4	9,3	4,9	10,2
4	Пограничный	7,4	4,9	5,2		2,5			9,0		4,3
0	Не интерпрет.	6,58	5,34	7,2	5,4	15,66	7,39	6,58	5,37	7,43	17,6

Таблица 9

Т 2-2 (4%)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Активно-позитивный	14,5	10,7	2,9	3,7	7,1	24,5	16,6	10,0	8,9	
2	Традиционно-позитивный	49,6	41,9	48,1	44,4	43,2	59,6	39,5	49,3	48,1	59,0
3	Неустойчивый	28,3	30,9	34,0	40,7	34,8	4,7	25,2	28,9	25,6	32,3
4	Пограничный		6,2	7,4	3,7	6,2		11,1	7,3	1,23	
0	Не интерпрет.	9,87	11,7	7,4	7,4	8,63	7,5	7,4	5,03	9,87	8,7

III. Неустойчивый тип правового сознания (4,5%)

Таблица 10

Таксон 3 (Т 3)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Активно-позитивный	3,3	2,2	6,1							
2	Традиционно-позитивный	1,1	12,2	8,3	2,0		15,1		14,0		
3	Неустойчивый	88,8	84,6	81,1	80,2	15,2	73,5	88,8	78,4	87,7	82,2
4	Пограничный	1,1		2,3	10,2	7,2	2,1	6,7	2,4	7,77	17,7
5	Преступный										
0	Не интерпрет.	5,5	1,1	2,1	6,4	12,1	9,3	4,7	5,2	2,22	0,0

Таблица 11

Т 3-1 (7,8%)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Активно-позитивный	2,69	2,56	1,28	1,28	8,97	17,9	1,28	1,92	8,33	41,0
2	Традиционно-позитивный	4,48	5,12	3,84	11,5	28,2	5,76	8,97	21,7	42,0	42,0
3	Неустойчивый	53,8	62,8	55,1	70,5	58,3	41,6	62,8	64,1	48,0	
4	Пограничный	25,6	21,7	30,7	15,3	12,3	10,2	23,7	23,0	15,94	
0	Не интерпрет.	8,15	7,69	8,33	8,96	8,14	1,28	7,04	16,32	5,76	17,9

Таблица 12

Т 3-2 (4,1%)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Активно-позитивный		3,7	1,25		12,3	30,8	4,93	3,7	13,5	3,7
2	Традиционно-позитивный	8,64	2,46	1,23	2,46	7,4	41,9	3,7	3,7	8,64	17,2
3	Неустойчивый	53,0	59,2	58,0	65,4	41,8		59,2	62,9	48,1	49,3
4	Пограничный	27,1	30,8	37,0	24,6	29,6		28,3	28,3	27,1	28,3
5	Преступный										
0	Не интерпрет.	8,0	3,69	2,48	7,39	8,6	27,1	3,69	1,23	2,46	1,23

IV. Пограничный тип правового сознания (3,4%)

Таблица 13

Таксон 4 (Т 4)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
0		5,78	5,79	9,44	13,5	5,79	7,3	4,1	5,01	2,89	6,4
1	Активно-позитивный			1,44							
2	Традиционно-позитивный						4,2			4,34	
3	Неустойчивый	11,5	12,89	81,8	10,08	15,44	2,89	118,44	5,78	4,29	
4	Пограничный	82,6	78,3	81,8	74,6	78,7	79,7	83,1	93,6	86,9	89,0
0	Не интерпрет.		3,21	7,24			4,34	2,34	1,34		

Таблица 14

Т 4-1 (4,0%)

№ п/п	Тип правового сознания	Ситуация									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Активно-позитивный										
2	Традиционно-позитивный	2,5	3,0		1,28	8,6	18,7	12,3		18,0	21,0
3	Неустойчивый	4,5	11,84	1,28	6,3	2,7	5,28	2,5	1,3	15,1	38,0
4	Пограничный	75,4	70,4	85,9	77,3	72,1	68,5	69,8	86,7	62,1	
0	Не интерпрет.	16,77	15,12	12,58	15,47	15,58	7,4	13,89	11,69	4,78	39,0

Таблица 15

Альтернативы ответов в соответствии с типом правового сознания

Альтернативы ответов	Весь массив обследуемых	Тип правового сознания			
		активно-позитивный I	традиционно-позитивный II	неустойчивый III	пограничный IV
1. Закон охраняет права и интересы каждого человека	60,6	70,7	57,9	40,0	34,7
2. Нарушение закона влечет за собой строгую ответственность	19,3	17,8	30,8	63,7	79,7
3. Люди просто привыкли соблюдать закон	7,8	7,56	42,0	34,4	30,4
4. Нарушение закона аморально и осуждается людьми	1,5	7,07	19,3	12,22	8,69
5. Соблюдение закона в интересах личности, общества и государства одновременно	5,9	33,9	25,6	13,3	5,79
6. Другие примеры (напишите)		—	0,37	—	—
7. Затрудняюсь ответить	8,4	5,6	4,08	13,3	18,8

Таблица 16

Альтернативы ответов на вопрос отношения к закону в соответствии с типом правового сознания
(в % к числу опрошенных)

Альтернативы ответов	Весь массив обследуемых	Тип правового сознания			
		активно-позитивный I	традиционно-позитивный II	неустойчивый III	пограничный IV
1. Закон нужно выполнять во всех случаях, каковы бы ни были конкретные обстоятельства	57,1	74,3	71,0	13,77	21,7
2. К закону не нужно подходить формально, и если общественные интересы требуют нарушить какую-либо норму, то это нужно сделать	11,0	6,58	8,55	7,77	8,69
3. В общем, закон нужно выполнять, но в исключительных случаях можно и отойти от требований закона	22,4	9,51	13,3	66,2	50,7
4. Затрудняюсь ответить	8,2	8,29	6,31	11,1	18,8

Таблица 17

Оценка степени опасности преступлений (высшая оценка 5 баллов)

№ п/п	Состав преступления	Тип правового сознания									
		активно-позитивный		традиционно-позитивный		неустойчивый		пограничный		все рабочие-респонденты	
		балл	ранговое место	балл	ранговое место	балл	ранговое место	балл	ранговое место	балл	ранговое место
1	Антигосударственная деятельность	4,81	1	4,81	1	4,46	1	4,58	1	4,73	1
2	Контрабанда	4,73	3	4,40	4	3,28	7	3,22	6	4,38	4
3	Лишение государственной собственности в особо крупных размерах	4,64	4	4,49	3	3,62	3	3,55	4	4,40	3
4	Изнасилование	4,75	2	4,63	2	3,35	6	3,53	5	4,56	2
5	Получение взятки	3,80	10	3,80	8	3,56	4	3,57	3	3,66	9
6	Дача взятки	3,89	8	3,66	11	2,73	12	2,68	12	3,57	11
7	Посредничество во взяточничестве	3,54	13	3,00	14	2,36	13	2,95	13	3,11	14
8	Злостное хулиганство	4,17	6	3,96	7	3,22	9	3,02	10	3,88	7
9	Истязание	4,35	5	4,22	5	3,75	2	3,83	2	4,22	5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. Правовое сознание как отражение социально-правовой действительности	5
1.1. Правовое сознание: содержание понятия и его особенности как социального явления	6
1.2. Деятельность, социальное общение и формирование правового сознания	25
1.3. Формирование правового сознания в трудовом (производственном) коллективе	47
1.4. Цели, задачи и ожидания российского общества в сфере развития правового сознания	68
ГЛАВА 2. Методологические и методические проблемы определения содержания и уровня развития правового сознания	88
2.1. Некоторые особенности методики эмпирического изучения правового сознания	88
2.2. Техника и процедуры эмпирического изучения правового сознания	121
2.3. Количественные методы выявления качественных характеристик социально-правовых установок	147
2.4. Правовое сознание как системное образование. Типология правового сознания	173
ГЛАВА 3. Правовое сознание и развитие социальной активности наемных работников	197
3.1. Некоторые методологические предпосылки эмпирического исследования отношения к труду	197
3.2. Правовое сознание и дисциплина труда в производственном коллективе	212
3.3. Социально-правовые аспекты управленческой деятельности. Правовое сознание и развитие социальной активности наемных работников	226
Приложение	247

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

А. С. Гречин

ISBN 5-238-00126-6

9 785238 001265 >